

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 11 (69)

2005

Мария Павликовская-Ясножевская **НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦВЕТА**

Новый президент Польши — кто он?

«Солидарность» и русские диссиденты

Почему нам так плохо, если все совсем неплохо?

Бальцерович опровергает экономические предрассудки

Гражданское общество выросло из неправительственных организаций

Проза Анджея Стасюка

Последняя беседа с А.Н.Яковлевым

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»

главный спонсор

деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 11(69)
2005
НОЯБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

К ДНЮ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

Мария Павликовская-Ясножевская
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦВЕТА 3

ЛЕХ КАЧИНСКИЙ
Президент Республики Польша 4

Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ 6

Пётр Черёмушкин
ЗАМЕТКИ О ПРИМИРЕНИИ 14

ВСЕ НЕ ТАК ПЛОХО, КАК НАМ КАЖЕТСЯ
Беседа с Янушем Чапинским 17

Тадеуш Шавель
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОЛЬШЕ 24

ПОМОГАТЬ ДРУГИМ 28

Лешек Бальцерович
ПРОТИВ МИФОВ 30

Николай Иванов
«СОЛИДАРНОСТЬ» И СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ 34

Лешек Шаруга
ОТСТРАНЕННОСТЬ И СОЧУВСТВИЕ 39

Анджей Стасюк
ПО ДОРОГЕ В БАБАДАГ 41

Виктория Дунаева
НА КРАЙ СВЕТА С АНДЖЕЕМ СТАСЮКОМ 50

Лешек Шаруга 53
ИНАЧЕ

Кристиана Робб-Нарбутт 55
СТИХОТВОРЕНИЯ

Ремигнуш Гжеля 59
СТРАСТНО ЛЮБЯЩИЕ ЖИЗНЬ

Юлиан Пшибось 66
Из книги «ЗАПИСКИ БЕЗ ДАТЫ»

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Кшиштоф Бурнетко 68
СМИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

Анна Мицнер 70
ЗИНГЕРОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ В ВАРШАВЕ

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ 72

Лешек Шаруга 74
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 77
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

«СОЛИДАРНОСТЬ» И ПЕРЕСТРОЙКА 81
глазами *Александра Яковлева, идеолога перестройки*

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, М. Курганская, М. Радзивон, Е. Шиманская
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 4, 5, 39, 81), Archiwum (стр. 13, 53, 54, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65), A. Mitzner (стр. 71)

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д. 15, кв. 49
тел: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

**BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА**

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Мария
Павликовская-
Ясножевская
Перевод Натальи Горбаневской

Maria
Pawlikowska-
Jasnorzewska
BARWY
NARODOWE

Biało-krwawy,
Krwawo-biały, biały
Opatrunko, który zwiesz się; sztandar,
Coś się z wielkim krwotokiem uporał!
Wiatr rozwija ten dokonament rany,
Wznoś w górę bohaterski bandaż,
Ię pamięć,
Ten dług
I ten moral.

(1935)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ЦВЕТА

Бело-кровава,
кроваво-бела льняная
ты, повязка, что называешься: знамя,
что одолела страшное кровотечение!
Ветер, свидетельство ран до неба вдыхая,
битый героический развертывает над нами,
эту память,
этот долг
и поученье.

(1935)

ЛЕХ КАЧИНСКИЙ

Президент Республики Польша

23 декабря президентом Республики Польша станет Лех Качинский. Во втором туре президентских выборов за него проголосовали 54,04% избирателей (Дональд Туск получил 45,96% голосов) при явке, составившей 50,99%.

«Это человек, верный своим принципам, компетентный и честный», — говорит о нем один из создателей «Солидарности», лидер Демократической партии Владислав Фрасынюк («Жечносполита», 24 окт.).

Лех Качинский родился в 1949 году. В годы II Мировой войны его мать служила в «Серых шеренгах» (так назывался подпольный Союз польских харцеров — скаутов), а отец был бойцом Ар-

мии Крайовой. Лех окончил юридический факультет Варшавского университета. Степени кандидата и доктора наук, а затем профессора получил в Гданьском университете. С 1977 г. сотрудничал с Комитетом защиты рабочих (КОР), а с 1978-го — с гданьским Учредительным комитетом свободных профсоюзов (УКСПС). В августе 80-го был советником Межзаводского забастовочного комитета (МЗК) в Гданьске. В 1981 г. — делегатом I Всепольского съезда делегатов Независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность». После введения военного положения 13 декабря 1981 г. был интернирован. После освобождения в 1982 г. сотрудничал с Лехом Валенсой и подпольной Временной координационной комиссией НСПС «Солидарность», в которой исполнял обязанности секретаря. В 1988 г. стал членом Гражданского комитета при Лехе Валенсе, а в 1989-м — членом президиума Всепольского исполнительного комитета НСПС «Солидарность». Участвовал в заседаниях «круглого стола». В 1989 г. избран сенатором, а два года спустя, на следующих выборах — депутатом Сейма. В 1990 г. вме-

сте со своим братом-близнецом Ярославом основал партию «Соглашение Центр», которая должна была добиться полностью свободных выборов и избрания президентом Леха Валенсы. В 1991 г., уже в ранге министра, руководил Управлением национальной безопасности в Канцелярии президента Леха Валенсы. С 1992 по 1995 г. был председателем Высшей контрольной палаты. В 2000 г. — министр юстиции в правительстве Ежи Бузека. В 2001 г. возглавил партию «Право и справедливость» и был вновь избран депутатом Сейма. В 2002 г. стал президентом (мэром) Варшавы и будет занимать этот пост вплоть до принесения присяги главы государства.

Братья Качинские с бабушкой Стефанней и двоюродным братом Янеком в 1963 году

Жена Леха Мария — экономист. У Качинских есть дочь Марта и внучка Эва, а также взятый из приюта кот по имени Рудольф и терьер Титус.

«У Леха Качинского есть множество личных достоинств, нельзя не отметить его государственное чувство, авторитет и опыт (...) Он создал себе образ политика-законодателя и стража государственной безопасности (...) Качинский предпочитает модель президентства сурового, для взрослых», — оценивает Мариуш Яницкий («Политика», 8 окт.). В свою очередь, по мнению Романа Грачика, «основная черта Леха Качинского — это стойкость под ударами судьбы и железная последовательность. Стойкость, ибо он не пал духом, несмотря на многочисленные неудачи. Последовательность, ибо [его] программа не претерпела существенных изменений на протяжении последних 10-15 лет. Конечно, изменился внутренний и международный контекст — отсюда различия в предлагаемых методах возрождения государства, — однако основные идеи остались прежними. Лех Качинский (а точнее, Лех и Ярослав Качинские, так как братья политически идентичны) — это типичный представитель польских правых: традиционалистов, этатистов и поборников социальных льгот» («Тыгодник повсехний», 9 окт.).

«Он помогает бедным, — говорит его друг Станислав Костшевский. — Деньги он отдает жене, поэтому у него часто нет при себе наличных.

Много раз случалось, что он просил денег в долг, после чего отдавал их людям, которые обращались к нему за помощью (...) Лех — не привередливый гурман. Он любит томатный суп и курицу и обожает сладости (...) Уже много лет он коллекционирует фигурки уток, которые получает по разным случаям (фамилия Качинский происходит от слова «качка», т.е. утка. — *Пер.*)», — сообщают Кароль Маныс и Павел Сенницкий («Ньюсуик-Польша», 16 окт.).

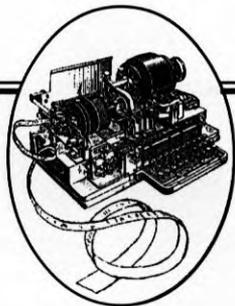
Сам Лех Качинский говорит: «Польша должна спросить с виновных, но еще больше она нуждается в согласии» («Жечпосполита», 24 окт.). Будущий президент стремится также улучшить отношения с Россией. По его мнению, «лучший способ — это визит президента Путина в Варшаву» («Газета wyborcza», 25 окт.). О себе же он говорит так: «Если бы речь зашла о том, что Польша должна быть католическим государством, я, разумеется, сказал бы: нет. Это был бы прямой путь к дехристианизации, а этого я не хочу: не только потому, что я сам верующий, но и потому, что у нас нет другого приемлемого для всех нравственного

Ярослав и Лех Качинские в 1988 году

выбора (...) Я никогда не соглашусь на католическое государство (...) Я научился сосуществовать, сидеть за одним столом и относиться с симпатией к людям, чьи взгляды существенно отличаются от моих» («Политика», 15 окт.).

Подготовил Виктор Кулерский

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

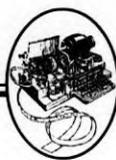
► «Судя по результатам выборов, произошло смещение идейных симпатий поляков в сторону традиционных консервативных ценностей, где в расчет принимаются безопасность (в т.ч. социальная), порядок, суровое законодательство и меньшая, чем прежде, терпимость к нравственной экстравагантности (...) Господствующая в Польше уже много месяцев атмосфера сведения счетов, допросов и люстрации, а также нарастающая волна нравственной и революционной риторики, можно сказать, обрекли нынешних победителей на успех (...) Выборы показали, что у нас стало главным — отмежеваться от прошлого, отнестись к нему, как к обману, заговору, в результате которого деньги, причитающиеся обедневшему обществу, были разворованы, и теперь их надо вернуть (...) Это такая новая левизна (...) Только вот все эти предвыборные решения и расчеты граждан все слабее подкрепляются их участием в выборах. Явка опять упала на несколько процентов и колеблется на уровне 40% (...) Вдобавок польские избиратели отличаются непостоянством. Еще в 2001 г. почти треть избирателей резко сменила свои политические пристрастия и, покинув правых, поддержала Союз демократических левых сил (СДЛС). Вероятно, теперь эта треть снова переметнулась на другую сторону (...) В Польше показатель текучести [электората] достиг 35% и (...) приближается к 40, в то время как в Европе это не более полутора десятков процентов, а нормой считается однозначное число. Если же учесть, что после полутора десятков лет существования Третьей Речи Посполитой в Сейм вошли лишь остатки двух партий ее первых лет — СДЛС и аграрная ПСЛ, — а все остальные появились относительно недавно, впечатление (...) структурной дезорганизации польской политической сцены усиливается (...) Если 60% поляков остались дома, то победы, равно как и поражения, выглядят менее убедительно (...) Большинство было избрано меньшинством, и оно должно об этом помнить». (Мариуш Яницкий и Веслав Владыка, «Политика», 1 окт.)

► «Иначе говоря, у нас в стране 60% людей довольны». (Анджей Краузе, «Жечпосполита», 27 сент.)

► Проф. Эдмунд Внук-Липинский: «Согласно широко распространенному мнению, демократия — это такая система, которая, помимо всего прочего, дает гражданину право избегать общественных дел. Он может, но не обязан в них участвовать. А если не обязан, считают некоторые, то зачем я буду себя утруждать? И, как видно, большинство выбирает такое решение, не вполне отдавая себе отчет в последствиях своей неявки (...) Образование нашего общества весьма среднее, поэтому средним остается и уровень участия в демократии (...) Подавляющее большинство тех, кто пошел голосовать, связывало с этими выборами надежды на восстановление того, чего нельзя восстановить административным путем: основ честности, доверия — всех тех ценностей, значение которых понимаешь лишь тогда, когда их нет». («Жечпосполита», 1-2 окт.)

► Збигнев Бжезинский: «Результат парламентских выборов — это хороший шанс на стабильное, демократичное и принципиальное правое крыло, а также конец левых некоммунистических партий. Следующим вызовом, перед которым стоит теперь Польша, будет создание столь же принципиального, стабильного и по-настоящему демократичного левого крыла». («Жечпосполита», 26 сент.)

► Бернар Гетта, в 1979-1983 гг. варшавский корреспондент газеты «Монд»: «В Польше не хватает левых. Настоящих левых — некоммунистических, социальных, пришедших из антикоммунистической оппозиции и новых поколений. Не хватает европейских левых, способных сделать Польшу государством, уважаемым в Евросоюзе, и сказать полякам, что их будущее — не в национализме, не в снижении налогов, не в этатизме, не в налоговом дампинге, но в политическом единстве в рамках ЕС, в приятии идеи федеративной Европы, чья солидарность позволит вывести новых членов Евросоюза на уровень старых — с обоюдно выгодой». («Жечпосполита», 14 сент.)

► Впервые в нашем Сейме появился депутат родом из Бангладеш. Хуберт Ранджан Коста, представляющий «Самооборону», живет в Польше уже 30 лет. Он хирург, ординатор 2-го отделения хирургии Воеводской специализированной больницы в Легнице. В 2003 г. вошел в администрацию Нижнесилезского воеводства, а в этом году избран в Сейм. Его жена тоже врач, онколог. У них трое сыновей. («Политика», 8 окт.)

► Вальдемар Кучинский: ««Право и справедливость» (ПиС) и «Гражданскую платформу» (ГП) объединяют общие корни, стремление к власти и остатки антикоммунистической общности. Разделяют их электораты. ПиС поднял брошенное СДЛС знамя государственного интервенционизма, в то время как электорат ГП ожидает ограничения полномочий государства и снижения налогов (...) Главные действующие лица — Ян Рокита (ГП) и Ярослав Качинский (ПиС) — терпеть не могут мест во втором ряду, а если уж там окажутся, то сделают все, чтобы попасть в первый». («Политика», 24 сент.)

► Сын Леха Валенсы Ярослав стал депутатом Сейма от «Гражданской платформы». Он получил 14 тыс. голосов. Это лучший результат ГП в Гданьске после Дональда Туска (79237 голосов). («Газета wyborcza», 30 сент.)

► Из редакционного комментария «Известий»: «Правые и либералы победили на выборах (...) Они победили потому, что в Польше — типичная европейская демократия. Со всеми ее плюсами и минусами. Это означает, что, куда бы ни качнулся политический маятник — вправо или влево, — стабильность сохранится». («Жечпосполита», 30 сент.)

► Заместитель председателя комитета Государственной Думы по международным делам Наталия Нарочницкая: «Приход к власти правых может способствовать улучшению польско-российских отношений. Левые либералы всегда были более антироссийскими, чем правые христиане. Я уважаю поляков за то, что они хотели включить в европейскую конституцию христианские ценности. Ни нас, ни вас Западная Европа не считает своими». («Жечпосполита», 26 сент.)

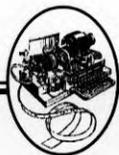
► Из статьи Олега Комоцкого в «Новых известиях»: «Для России «правый поворот» западного соседа означает одно: отношения между нашей страной и Польшей еще больше осложнятся (...) Единственная партия — «Самооборона», которая относится

к России если и не с любовью, то весьма терпимо, — может рассчитывать лишь на место в оппозиции». («Газета wyborcza», 27 сент.)

► «Прибывшие в Польшу по приглашению [председателя «Самообороны»] Анджея Леппера члены Союза коммунистической молодежи Китая (...) заявили, что программа председателя Леппера близка к их программе». («Тыждник повсехний», 18 сент.)

► «Лех Качинский признал, что, по сравнению с нынешним положением, больше всего изменится политика в отношении Германии и России (...) Он добавил, что заинтересован в добрососедских отношениях с Россией, однако действия этой страны не сулят нашим взаимоотношениям ничего хорошего. «Политика, которую вел в отношении России президент Квасневский, не принесла результатов. Мы должны сделать из этого выводы, — убеждал Качинский. — Шансы на сотрудничество есть, но Россия должна понять, что здесь не сфера ее влияния» (...) Стратегическими партнерами Польши Качинский назвал США и НАТО. «Мы считаем, что Евросоюз и США не должны вести противоречащую друг другу политику», — сказал он (...) Кандидат в президенты высказался за интеграцию в НАТО Украины — еще одного нашего стратегического партнера, (...) а Израиль назвал государством, хорошие отношения с которым имеют для Польши особое значение». («Жечпосполита», 14 сент.)

► Президент Александр Квасневский: «Мы стали свидетелями конца политической активности элит «круглого стола», элит больших перемен 1989 года. [Братья] Качинские — действительно последняя смена в этой эстафете. Все остальные уже были, уже исчерпали свой потенциал (...) Однако братья Качинские отличаются необычайной подозрительностью (...) Невозможно вести команду (а правительство — это команда), где во главе угла стоит подозрительность (...) В экономике при нынешнем уровне приватизации, действия рыночных механизмов и связей с Евросоюзом, понадобилось бы очень много неверных решений, чтобы что-то испортить. За нее можно не опасаться. Во внешней политике, особенно в начальный период работы нового правительства, можно испортить гораздо больше. Мой совет новому правительству и президенту звучал бы так: во внешней политике (...) на первых порах говорить поменьше (...) Хуже обстоит дело с государством. Тут я ожидаю боль-

шего количества экспериментов, которые могут оказаться опасными (...) Тут, при наличии политической воли, можно сделать много и быстро, а последствия будут далеко идущими и отнюдь не благими (...) Я (...) уверен, что будет предпринята попытка реванша — это вполне соответствует нашим политическим традициям последних лет. [Премьер-министр] Лешек Миллер писал «Белую книгу» о правительстве [своего предшественника] Ежи Бузека, и ничего путного из этого не вышло. Возможно, нынешняя коалиция будет более эффективна — ведь она обещает спецкомиссии, суды, трибуналы. Но на сколько хватит этих игр? На полгода? На год?» (*«Политика», 1 окт.*)

► Согласно опросу ЦИОМа, 65% поляков считают, что Александр Квасневский хорошо выполнял обязанности президента. Противоположного мнения придерживаются 27% опрошенных. (*«Жечпосполита», 12 окт.*)

► Проф. Виктор Осятынский: «Различия между «Гражданской платформой» и «Правом и справедливостью» очень существенны. ГП видит Польшу слегка правой в смысле самосознания, не слишком ответственной в европейских делах, (...) не слишком благосклонной к культурным и сексуальным меньшинствам. То, как видит ее ПиС, основано почти исключительно на исторических комплексах и претензиях, на параноическом вынюхивании заговоров и подпольных организаций, на создании спецкомиссий, на стремлении отнимать и сурово наказывать (...) Туск вызывает у меня наиболее теплые чувства. А может, я просто меньше его боюсь. Туск хорошо подходит к польскому типу президента, у которого не слишком много полномочий. [Такой президент] не может вести самостоятельную экономическую, социальную и внешнюю политику, [но] он может и должен выполнять функции лидера. У него должен быть общий план преобразований, который он будет воплощать в жизнь — хотя бы с помощью законодательной инициативы (...) Для меня важнее, кто будет альтернативой коалиции ГП — ПиС через четыре года (...) Кто знает, не это ли главный вопрос польской политики (...) Начиная с 1989 г. польская политическая динамика все время вымывает центр». (*«Газета wyborcza», 17-18 сент.*)

► По данным Государственной избирательной комиссии, по итогам первого тура президентских выборов во второй тур прошли Дональд Туск

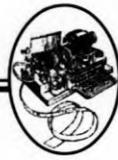
(36,3% голосов) и Лех Качинский (33,1%). Анджей Леппер набрал 15,1% голосов, Марек Боровский — 10,3, Ярослав Калиновский — 1,8, Генрика Бохняж — 1,3%. За пятерых оставшихся кандидатов проголосовали в общей сложности 0,6% избирателей. Явка составила 49,74%. (*«Жечпосполита», 11 окт.*)

► «В варшавской квартире Леха Качинского живут терьер Титус и кот Рудольф. Злые языки говорят, что собаку Качинский завел из зависти к Туску. Другие утверждают, что все наоборот, потому что это в доме Туска недавно появилась кошка Пемпуся. Наверняка можно сказать лишь то, что вместе с новым главой государства будут жить два питомца. Вместо двух собак Александра Квасневского в президентском дворце поселятся собака и кошка». (*Кароль Маньис и Павел Сенницкий, «Ньюсуик-Польша», 16 окт.*)

► «Председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский не будет кандидатом на должность премьер-министра. Вчера он выдвинул на этот пост Казимежа Марцинкевича (...) Казимеж Марцинкевич — уроженец Гожува, учитель [физики]. В правительстве Ханны Сухоцкой он был заместителем министра образования. В то время он был членом Христианско-национального объединения. В «Праве и справедливости» он — лидер крыла, называемого либеральным, (...) главный специалист в области экономики (...) Марцинкевич имеет репутацию превосходного чиновника, человека умеренных взглядов». (*Павел Вронский, «Газета wyborcza», 28 сент.*)

► «Основы [экономической] политики Казимежа Марцинкевича: 1. Принцип «развитие благодаря занятости», означающий низкие налоги и более низкую стоимость рабочей силы. 2. Благоприятное экономическое законодательство, т.е. упрощение процедур, уменьшение числа необходимых разрешений, регистрация фирм в течение трех дней. 3. Рост инвестиций. 4. Монетарная и финансовая политика, «не только противодействующая инфляции, но и способствующая развитию». 5. Прозрачная структура государственной казны». (*«Жечпосполита», 3 окт.*)

► Казимеж Марцинкевич о себе: «Идейно я принадлежу к католической формации. В экономике я тоже не либерал, а консерватор. Я считаю, что рынок, частная собственность и конкуренция — это принципы, которые нельзя нарушать (...) Политика — это радение об общем благе. Челове-

ческая свобода кончается там, где начинается нарушение свободы и прав других (...) Естественная [ячейка общества] — это семья, и государство должно стоять на ее страже (...) Необходимо ввести правила, защищающие свободу граждан от деморализации (...) Сначала я передам в Сейм законопроект о дополнительном питании для детей, а затем законопроект о создании антикоррупционного управления». («Ньюсуик-Польша», 9 окт.)

► «Поляки считают, что политики должны быть чисты, как слеза. Однако им не мешает, если сосед не платит квартплату или обманывает налоговую инспекцию. Таковы выводы «Социального диагноза-2005». Социологи спросили у поляков, как они относятся к нечестным действиям (...) Оказывается, больше всего нас раздражает незаконное получение пособий по безработице: такое поведение безразлично 55% поляков. Для 38% опрошенных это не имеет значения (...) Зато нас вообще не беспокоит, когда кто-нибудь ввозит товары из-за границы и не платит пошлину. Подобные действия не смущают больше половины поляков (...) 48% поляков осуждают людей, не платящих за электроэнергию, но 45% это не интересует. Похоже выглядит и ситуация с квартплатой: 41% безразлично, что кто-то ее не платит, однако большую часть опрошенных такое поведение возмущает (...) Почти две трети опрошенных моложе 24 лет признались, что их не интересует, ездит ли кто-нибудь зайцем в поезде или автобусе». («Жечпосполита», 5 окт.)

► «По данным «Социального диагноза-2005», свыше двух третей поляков (69%) довольны своей жизнью, в то время как в начале 90-х таких людей было лишь немногим больше половины (57%) (...) За последние годы чистый доход на душу населения увеличился на 100 злотых для работающих и почти на 400 злотых для числящихся безработными. В это трудно поверить. Часть из них наверняка зарабатывает в теневом секторе и дополнительно получает различные государственные пособия (...) В 2000 г. в бедности жило 31% поляков, но половина из них уже не бедствует. В то же самое время 7% населения скатилось за черту бедности (...) Три четверти поляков довольны здравоохранением по месту жительства (...) Около 32-38% общества практически отрезаны от контакта с культурой — от книг, печати, театра. Им остается лишь телевизор». («Жечпосполита», 6 окт.) Подробнее о «Социальном диагнозе-2005» см. интервью с проф. Янушем Чапинским на стр. 18.

► Как пишет «Файнэншл таймс» от 13 сентября, Польша возвращает себе репутацию самой привлекательной для иностранных инвесторов центральной для европейских стран — несмотря на то, что последние несколько лет она отставала от таких своих конкурентов, как Словакия. Это происходит благодаря новому налогу для фирм (19%) и экономическому росту. («Жечпосполита», 14 сент.)

► Согласно «Всемирному инвестиционному отчету 2005», подготовленному Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Польша заняла восьмое место по инвестиционной привлекательности. В десяти новых странах ЕС объем иностранных инвестиций вырос на 70%. Это самый высокий показатель в мире. («Жечпосполита», 30 сент.)

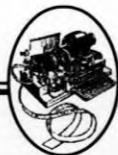
► «Польша заняла 54-е место среди 155 стран, в которых Всемирный банк оценивает условия ведения бизнеса. Это на 9 мест ниже, чем в прошлом году. Выпали мы и из числа первых 12-и стран, быстрее всего реформирующих свою экономику, среди которых в прошлом году занимали 9-е место». В списке стран, благоприятствующих предпринимательству, 15-е место заняла Литва, 37-е — Словакия, 41-е — Чехия, 52-е — Венгрия. («Жечпосполита», 15 сент.)

► «По данным Института туризма, только в первом полугодии нашу страну посетило 6,7 млн. иностранных туристов, т.е. на 7% больше, чем в тот же период прошлого года. В этом году в Польшу могут приехать даже 15 млн. иностранцев. В последний раз столько заграничных гостей посетило нашу страну в 2001 году». («Жечпосполита», 19 сент.)

• «По данным Евростата, во всем Евросоюзе безработица исчисляется двузначными цифрами только в Польше (17,5%) и Словакии (15,2%)». («Жечпосполита», 7 окт.)

► «В Польше не хватает рабочих рук!» — бьет тревогу строительные фирмы. И предупреждают, что после выборов они будут ходатайствовать о том, чтобы в Польшу впустили фирмы из-за восточной границы. Украинцы, россияне и белорусы должны будут прийти на смену работникам, массово уезжающим на Запад. Только вот сколько же тогда будет зарабатывать в Польше польский строитель?» («Газета выборча», 20 сент.)

► «Согласно последнему опросу Евробарометра, 60% поляков положительно оценивают выгоды, вытекающие из членства в ЕС. Мы любим Евро-

союз за свободу передвижения и шансы работать или учиться за границей». (*«Газета wyborcza», 15 сент.*)

► Европейский суд по правам человека присудил компенсацию четверым полякам, которые уже шесть лет ожидают в следственном изоляторе приговора по обвинению в разбойных нападениях. Суд констатировал нарушение Конвенции по правам человека, в которой говорится о праве на безотлагательное судебное разбирательство, и присудил истцам компенсацию в размере 6500 евро». (*«Жечпосполита», 5 окт.*)

► «В среду Европейский парламент постановил, что 31 августа будет ежегодно отмечаться во всем ЕС как День свободы и солидарности. Кроме того, Европарламент отметил заслуги польских профсоюзных деятелей специальной резолюцией, принятой депутатами почти единогласно». (*«Газета wyborcza», 29 сент.*)

► 3 октября в Варшаве начинает свою работу Европейское агентство пограничной охраны. По оценке его главы Илкки Лайтинена, «восточная граница Польши для Европы уже не проблема. Больше всего людей ввозят через Средиземное море (...) Второй излюбленный путь переброски идет через западные Балканы, Грецию и Италию. И, наконец, Восточная Европа, но не Польша. Контрабандисты переместились в Словакию». (*«Жечпосполита», 3 окт.*)

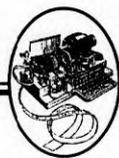
► «В этом году инвестиции НАТО в Польше впервые превысят наш взнос на развитие общей оборонной инфраструктуры (...) Польша получит от НАТО 42 млн. евро, в то время как наш взнос составит не более 20 миллионов. До конца 2010 г. общая сумма расходов НАТО на инвестиции в Польшу составит 469 млн. евро». (*«Жечпосполита», 17-18 сент.*)

► Томаш Наленч: «17 сентября 2005 года, в 66-ю годовщину нападения СССР на Польшу, в Сейме открылась мемориальная доска, посвященная депутатам Второй Речи Посполитой, павшим в годы II Мировой войны (...) На доске выбиты имена 300 депутатов, павших от рук немецких и советских агрессоров в 1939-1945 годах. Это означает, что свою жизнь отдал за родину почти каждый пятый из 1700 депутатов Второй Речи Посполитой (...) Они гибли на фронтах II Мировой войны. Их убивали вместе с другими военнопленными в Катыни и Харькове. Они были среди жертв Освенцима, Штуттгофа, Бухенвальда и Трешлики». (*«Впрост», 25 сент.*)

► «В конце июля делегация прокуроров Института национальной памяти (ИНП) осматривала обнаруженные в немецком МИДе катынские документы (...) «В сейфе лежала большая карта довоенной Польши. Когда ее развернули, я увидел, что это та самая знаменитая карта, на которой 28 сентября 1939 года Сталин с Риббентропом делили в Москве Польшу», — рассказывает проф. Витольд Кулеша (...) Два захватчика занимались в Кремле разделом Польши с позднего вечера 27-го до 5 утра 29 сентября. Немецкие войска уже заняли Варшаву, а советская армия, перешедшая нашу границу 17 сентября, продвигалась на запад». (*«Газета wyborcza», 17-18 сент.*)

► Директор Центра «Карта» Збигнев Глуза: «Мы открываем выставку «Европа XX века: обличья тоталитаризма», рассказывающую, что принесли человечеству обе европейские системы: коммунизм и нацизм (...) Польша (...) была единственной страной, перекрывшей большевистской России путь на Запад; на ее территории и в ущерб ее интересам оба тоталитаризма заключили военный союз; с нападения на нее началась II Мировая война и на ее территории произошло столкновение двух систем; ее жители испытали на себе обе оккупации и на ее земле гитлеровцы совершили чудовищное массовое убийство; она же стала самым большим послевоенным трофеем торжествующего коммунизма, чтобы в конце концов способствовать его падению (...) Это международная выставка, созданная поляками, россиянами, немцами и украинцами. Экспозиция представлена на четырех языках: польском, немецком, английском и русском (...) В будущем году в Германии начнет свое заграничное турне ее передвижная версия (...) Универсальность ее концепции подтвердила Европейская комиссия, поддержав ее создание (...) Выставка разместилась на ул. Каровой 20 (...) С января 2006 г. там должен начать свою деятельность организованный Центром «Карта» Дом встреч с историей», — (*«Жечпосполита», 17-18 сент.*)

► Фрагмент беседы Михала Ольшевского с Анной Биконт, автором книги-репортажа «Мы из Едвабне»: «Есть такая знаменитая фраза [Зигмунта] Красинского: «Мы все из него». Это об Адаме Мицкевиче. Специально ли ты проводишь в заглавии параллель со словами романтика?» — «Да, эта книга показывает зародыш польскости, искорененный, но все же [зародыш]... Она показывает,

во что могут превратиться патриотические ценности, традиция, вера». — «А как восприняло книгу само Едвабне?» — «Как я и ожидала — как ложь». («Газета wyborcza», 16 сент.)

► «Умер Шимон Визенталь (...) Он родился в Бучаче, неподалеку от Львова. В Польше он учился, женился и работал архитектором. Когда половину страны захватили большевики, (...) НКВД уничтожил нескольких его родственников, а сам он, благодаря взятке, чудом избежал вывоза в Сибирь. Когда Львов заняли немцы, Визенталь арестовали. До мая 1945 г. (...) он прошел геенну двенадцати концлагерей. Немецкие палачи убили 86 членов его семьи». («Жечпосполита», 21 сент.)

► «В пятницу скончавшийся на 99-м году жизни Шимон Визенталь был похоронен в местности Герцлия на севере Израиля. На похороны прибыло несколько сот человек, в т.ч. делегация из Польши. На протяжении более чем 50 лет Визенталь преследовал нацистских преступников. Благодаря ему органам правосудия было передано свыше 1100 человек». («Жечпосполита», 24-25 сент.)

► «В субботу польские украинцы почтили память узников бывшего Центрального трудового лагеря в Явожно. После II Мировой войны в него попали, в частности, украинцы, обвиненные в сотрудничестве с украинским подпольем». («Жечпосполита», 19 сент.)

► «Вчера семья репатриантов из Беслана получила от города [Варшавы] трехкомнатную квартиру (...) В этом году город планирует принять десять семей репатриантов. В будущем месяце приезжают казахи». («Жечпосполита», 16 сент.)

► «Во время 60-й сессии ООН президент Александр Квасневский провел заседание «круглого стола». Затем в Ассоциации внешней политики он прочел лекцию о роли Польши в международных отношениях. «Мы хотим самых хороших отношений с Россией», — заявил президент. В то же время он предостерег американцев: «Я бы советовал наблюдать за российской политикой, особенно за позицией России по отношению к таким странам, как Польша. Крупным государствам со статусом сверхдержав Россия старается показать другое, гораздо более партнерское лицо. Однако отношение к странам средней величины, таким как Польша, тоже говорит о многом. Оно свидетельствует о намерениях по отношению ко всему Европейскому союзу и западному миру» (...) Квасневский призвал США поддержать Украину. Затронул он и тему Белоруссии. «Там нарушаются права человека, —

подчеркнул президент. — Ситуация в Белоруссии стала международной проблемой. Только сильное давление международной общественности может дать положительные результаты. Однако важнее всего внутренние демократические перемены и создание гражданского общества. Важно также направлять возможные санкции против авторитарных властей, а не [против] белорусского общества». («Газета wyborcza», 16 сент.)

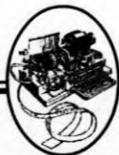
► «Россия неожиданно вновь предложила Польше подписать международный договор о поставках и транспортировке нефти. Москва уже несколько лет выступала с этой инициативой, а Польша ее отвергала. Почему же россияне снова к этому возвращаются? (...) «Это выглядит так, словно россияне дают нам понять, что они что-то готовят, но пока непонятно, что именно», — сказал пожелавший остаться неизвестным представитель топливной отрасли». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 20 сент.)

► Премьер-министр Казимеж Марцинкевич: «Северный [балтийский] газопровод — это попытка провести российско-германскую границу к северу от Польши и оставить польский рынок газа в сфере российского влияния. Диверсификация источников газа будет ликвидирована, а диверсификация направлений поставок и стран-поставщиков станет лишь видимостью. В польских трубах будет либо российский, либо среднеазиатский газ (который, однако, будет «заменен» российским в процессе транзита), либо же это будет газ немецкий, т.е. тоже российский, но «вернувшийся» к нам из Германии». («Впрост», 25 сент.)

► «Газпром» готов провести в Польшу ответвление от планируемого гигантского российско-немецкого газопровода по дну Балтийского моря. Однако пока это всего лишь обещания». («Жечпосполита», 4 окт.)

► Глеб Павловский, советник президента Путина: «Россия не занимается окружением Польши! Может, это плохо, но в Москве действительно мало думают о Польше. Отношения с Германией — это отношения с Германией, до сих пор их укрепляла дружба между Путиным и Шредером, но мы сумеем договориться с любыми властями Германии». («Впрост», 5 окт.)

► «Растет объем польского экспорта в Россию. Министерство экономики ожидает, что в этом году экспорт в Россию составит 4 млрд. долларов по сравнению с 2,8 млрд. в 2004 году». («Жечпосполита», 11 окт.)

► «Перемены на Украине принесли в Хрубешув газ. В субботу там открылся 15-километровый участок газопровода из украинского Устилуга (...) Однако у президента [концерна «Польская нефть- и газодобывающая промышленность» Марекка] Коссовского гораздо более честолюбивые планы. «Мы надеемся, что это событие положит начало постоянному сотрудничеству, а в ближайшие годы газовые системы Польши и Украины объединятся», — сказал он. «Мы построим еще не один газопровод», — добавил глава «Нафтогаза Украины» Алексей Ивченко (...) Кроме того, вскоре должно быть создано польско-украинское предприятие по торговле газом в обеих странах». (Томаш Неснял, «Газета wyborcza», 12 сент.)

► «Анджей Писальник, сотрудник нашей газеты, а также бывший главный редактор «Глоса знад Немна» и неформальный пресс-секретарь не признаваемого Минском Союза поляков Белоруссии (СПБ) стал лауреатом премии им. Дмитрия Завадского (...) Премия присуждается Первым каналом российского телевидения журналистам, работающим в Белоруссии. Завадский, который в начале 2000 г. пропал без вести, был оператором Первого канала». («Жечпосполита», 16 сент.)

► «Начала действовать рабочая группа по вопросам Белоруссии, в которую входят представители премьер-министров Литвы, Латвии, Украины и Польши. Главной задачей группы, созданной по инициативе [бывшего] премьер-министра Марекка Бельки, будет обмен информацией и координация действий государств-соседей Белоруссии». («Газета wyborcza», 17-18 сент.)

► «В Киеве прошла встреча секретарей советов национальной безопасности Польши, Белоруссии и Украины (...) Как сообщило Национальное радио Украины, Киев хочет сыграть роль посредника в диалоге между Польшей и Белоруссией (...) Между тем в Страсбурге (...) евродепутаты призвали Европейскую комиссию и Совет ЕС «поддержать демократически избранное правление Союза поляков Белоруссии, а также избранные на демократических выборах органы других неправительственных организаций, подвергающихся репрессиям со стороны режима Лукашенко». («Жечпосполита», 30 сент.)

► «Единый кандидат белорусской оппозиции на президентских выборах 2006 г. Александр Милинкевич — почетный член СПБ. Его дед и прадед участвовали в январском восстании

[1863 г.]. В межвоенное двадцатилетие его отец был посажен в польскую тюрьму за борьбу за белорусские школы». («Жечпосполита», 3 окт.)

► Посол Польши в Белоруссии Тадеуш Павляк вернулся в Минск. По мнению пресс-секретаря польского МИДа Александра Хецки, ситуация в Белоруссии слегка улучшилась, т.к. недавно оппозиция беспрепятственно организовала там свой конгресс. («Газета wyborcza», 13 окт.)

► «Журналист «Газеты wyborчей» Адам Вайрак получил почетное звание «героя Европы», ежегодно присуждаемое американским журналом «Тайм» (...) за охрану окружающей среды. Особенно высоко оценены его статьи, посвященные нелегальной вырубке старых деревьев в Беловежской пуце, а также его усилия по сохранению в первобытном состоянии наших рек (...) Кроме того, своими текстами он поддержал экологов, протестующих против проекта строительства автомагистрали «Виа Балтика» из Варшавы в Хельсинки через уникальные в мировом масштабе Бебжанские болота, а также через две вековые пуцы — Кнышинскую и Августовскую (...) «Дикая природа — это одно из наших сокровищ. Немногие европейские страны могут похвастаться таким разнообразием растений и животных. Глупость и отсутствие воображения могут привести к гибели этого прекрасного мира (...) А исправить нанесенный ущерб невозможно», — говорит Вайрак». («Газета wyborcza», 4 окт.)

► Станислав Лем: «Если бы на протяжении нескольких последних лет выброс парниковых газов неуклонно сокращался, температура воды в Атлантическом океане, вероятно, была бы на 1-2 градуса ниже. На первый взгляд это немного, но разница в два градуса могла быть решающей для силы Катрины, что было довольно важно для пострадавших от ее удара (...) Что будет дальше? Быть может, компромисс между противоборствующими политическими силами в Германии будет не совсем прогнившим (...) Быть может, Ющенко на Украине как-нибудь придет в себя. Однако очень много вопросов остается открытыми — например, вступление в Евросоюз Турции. На этом фоне наши польские проблемы остаются где-то в стороне». («Тыгодник повсехный», 9 окт.)

► «Уже несколько лет в Польше постоянно уменьшается число случаев мучительства животных. «В прошлом году мы отметили 8 тыс. таких случаев, в то время как в 2001 г. их было свыше

12 тысяч (...) Зато проблемой остается растущее число бездомных животных. В настоящее время во всей Польше имеется 100 приютов. Только в 18-и из них, принадлежащих Обществу опеки животных (ООЖ), живут 14 тыс. собак и кошек. К сожалению, программа поиска новых хозяев не решает проблему», — говорит генеральный секретарь ООЖ Войцех Мужа». («Жечпосполита», 5 сент.)

► «Раненые и тяжелобольные животные могут выжить. По Варшаве уже ездит профессионально оборудованная машина скорой помощи для собак и кошек. Януш Ожеховский потерял двух собак. Одна была жестоко искутана, вторая умерла от заворота кишок. И ту и другую можно было спасти, если бы вовремя приехала профессионально оборудованная машина. К сожалению, ничего подобного в Варшаве не было (...) Хотя Ожеховский не ветеринар, он основал круглосуточную частную лечебницу «Собачья жизнь», которая располагает собственной машиной, оснащенной операционным столом, двумя наборами хирургических инструментов, кислородом, обезболивающими средствами, реанимационными приборами и необходимыми лекарствами». (Рената Цегловская, «Газета wyborча», 8-9 окт.)

► «Свыше 600 кошек и 30 собак имеет на попечении жительница Варшавы пани Барбара Контрактович (...) Ежедневно она тратит 8-12 часов на то, чтобы навестить своих подопечных, (...) которые разбросаны по 11 районам Варшавы (...) и живут на 150 улицах (...) Она помогает им уже 45 лет. На это она тратит свою пенсию. Деньги, вырученные от продажи деловского дома и сада, она тоже израсходовала на животных (...) Последние три месяца она пользуется дополнительной помощью, организованной Магистратом столичного города Варшавы. В рамках акции по подкормке свободно живущих кошек в каждом районе раздается бесплатный корм. На это город предназначил 170 тыс. злотых». («Мешканец», 21 сент.)

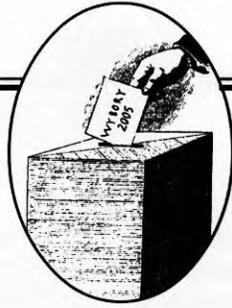
► «Уже 4 тыс. четвероногих друзей человека покоятся на кладбище для животных в подваршавском Конике-Новом. В октябре их хозяева приезжают к своим умершим питомцам чаще, чем обычно. В этом месяце отмечается звериный день поминовения усопших». (Марек Зелинский, «Газета wyborча», 10 окт.)

С радостью сообщаем, что член нашей редколлегии, замечательная русская поэтесса и переводчица **Наталья Горбаневская** удостоилась премии газеты «Жечпосполита» им. Ежи Гедройца, уже в пятый раз присужденной авторитетным жюри.

11 ноября, в День независимости Польши, президент Александр Квасневский наградил главного редактора нашего журнала **Ежи Помяновского** Большим крестом ордена Возрождения Польши.

Пётр Черёмушкин

ЗАМЕТКИ О ПРИМИРЕНИИ *на фоне президентских выборов в Польше*

Победу во втором туре президентских выборов в Польше одержал Лех Качинский. Он не выпускник Высшей комсомольской школы или МГИМО, он не дружил с советскими диссидентами и не делал заявлений о поддержке российской демократии. Он вообще никогда не был в Москве и, наверное, как многих иностранцев, впервые приезжающих в российскую столицу, его впечатлили бы ее масштабы. Но до сих пор он критиковал бывшего президента Квасневского за то, что тот слишком часто ездил в Москву, в то время как «Путин был в Польше только два раза».

Качинский называет себя Аризлем Шароном польской политики — в том смысле, что у политика, считающегося «ястребом», развязаны руки: он не должен доказывать обществу свой патриотизм. Он и так патриот. «Шарон — значит мир». Но в ближайшее время мира ждать не приходится — нас ждет усиление критической риторики в адрес России. Однако, во-первых, не следует скрывать ее от населения; наоборот, надо максимально точно излагать ее содержание в СМИ, как и вообще то, что о нас говорят не только в Польше, но и во всей Центрально-Восточной Европе. Во-вторых, не следует воспринимать эту риторику болезненно, а стоит прислушаться к аргументам с той стороны, понять, чего хотят от нас соседи.

И, наконец, следует задуматься: а может быть, мы сами поспособствовали приходу к власти в Польше этих сил? Может быть, мы не всё учли за последние 10 лет и не очень-то научились себя вести, придавая больше значения сильным мира сего из «большой восьмерки». Мол, большие страны могут вести себя, как хотят, а малые так, как им укажут. Конечно, можно утверждать, как это поспешили сделать прокремлевские политологи, что с правыми консерваторами у нас отношения в конечном счете лучше, чем с либералами. Как сказал председатель думского комитета по международным делам Константин Косачев, «наш опыт общения с политиками консервативного, праворадикального толка показал, что в ряде случаев — после определенного обострения на начальном этапе — России с такого рода политиками впоследствии договариваться, как правило, оказывается проще: нам понятны эти политические силы, даже если они выступают порой с заведомо неприемлемых для России позиций». По словам главы комитета, в результате оказывается, что эти силы «более договороспособны, они более смело идут на достижение компромиссов».

Однако итоги президентских выборов в Польше, оказавшиеся неприятным сюрпризом для Москвы, имеют более широкий контекст, чем просто будущее российско-польских отношений. Со всей серьезностью они высвечивают шкверность наших государственных отношений с соседями, включая прибалтов и грузин. Конечно, можно пенять на их национализм, провинциальность и ограниченность, но, к сожалению, собственной нашей вины в том, что отношения портятся безнадежно, мы признавать тоже не хотим. Тезис известен: «Почему они нас не любят? Ведь мы же такие хорошие». Впрочем, теперь ему на смену пришел другой: «Не любят, и не надо — без них обойдемся».

При ближайшем рассмотрении выясняется, что не обойдемся. Отношения нам с ними строить придется, но делать это становится все сложнее и сложнее, потому что наши соседи жалуются Западу (или уже являются частью этого самого Запада), а мы не хотим замечать очевидных вещей, в том числе и экономического роста новых членов Евросоюза и улучшения качества жизни в этих странах. Наши шаги в отношении такой страны как Польша, которые кажутся нам незначительными эпизодами (заявление МИДа о том, что никакого раздела Польши 17 сентября 1939 года не было, неупоминание Польши в числе стран-победительниц во II Мировой войне на праздновании 60-летия Победы, неприглашение Польши и Литвы на юбилей Калининграда), поляками воспринимаются очень болезненно и бередают старые обиды, о которых русские даже не задумываются. Можно над этим смеяться, можно устало вздыхать от их злопамятности, можно опускаться до ругательств в духе программы «Однако» и «Русский взгляд». Тем не менее результат не будет позитивным, не будет мира с соседями.

Как Польша и Украина не улетят на американский континент, так и мы никуда от них не денемся. Почему же нам при ближайшем рассмотрении оказывается ближе полицейское государство, «последняя европейская диктатура» — Белоруссия, и мы продолжаем со всей серьезностью говорить, что вот с ними-то нам по пути, там-то как раз люди живут хорошо? Хотя достаточно посмотреть на старую и рваную одежду жителей Бреста, бабулек-

попрошак и новые окна в здании управления КГБ, чтобы убедиться в некотором дисбалансе государственных расходов Минска. Может быть, наша внутренняя политика с произволом и верховенством силы над меньшинством неизбежно отражается на поиске себе подобных в политике внешней?

Вспоминаю, как лет тридцать назад моя бабушка вернулась из Чехословакии и к моему крайнему удивлению сообщила, что к русским в Праге относятся очень плохо. «Почему же?» — спросил я. «Потому что мы большие и сильные, а они маленькие». Этот простой факт, конечно, упускается из нашей политики, как уже давно нет в ней места уважению к голосу меньшинства и снисходительности к слабейшему, вообще к учету аргументов и образа мыслей соседей. Понятие «примирение» исключено из нашей политической лексики как наивное и утопическое. Однако среди мировых политологов это серьезное понятие, которое обсуждают и пытаются наполнить реальным содержанием прежде всего потому, что мир и торговля оказываются выгоднее, чем война. (Кстати, по этому вопросу в нашем обществе тоже пока нет единства мнений, и в качестве доказательства кивают на действия США в Ираке, которые-де ничем не отличаются от наших действий в Чечне.) В западных политологических школах изучаются различные модели примирения между странами и народами, обсуждаются условия и предпосылки, им сопутствующие.

В этой связи полезно посмотреть, как наши восточноевропейские соседи, в частности Польша, пытались построить историческое примирение со своей западной соседкой Германией, и сделать из этого соответствующие выводы, которые, быть может, и нам быгодились. Уж коль скоро Россия по причине принадлежности к «большой восьмерке» претендует называться цивилизованной страной, то правила поведения во взаимоотношениях с соседями она должна соблюдать соответствующие.

Итак, как же начиналось польско-германское примирение, какие ему сопутствовали шаги, какими стали его итоги, и как в этом контексте выглядим мы? Как происходил счет историческим обидам и военным преступлениям?

Первые шаги к польско-германскому примирению сделали польские религиозные лидеры. В 1965 году польские католические епископы обратились к немцам с обращением «Прощаем и просим прощения». Поляков и немцев объединила религия. Может ли Русская Православная Церковь пойти на такой же шаг в отношении польской католической Церкви? Вряд ли. Даже на разногласия из-за Украины в Московской патриархии не могли закрыть глаза, чтобы договориться о визите в Москву Папы Римского, а покаяние и прощение представители РПЦ вообще называют католическим лицемерием. Но, может быть, христианское «возлюби ближнего своего, как самого себя» все-таки возьмет верх над национально-ограниченным?

Широкие и миролюбивые жесты — важнейшая часть процесса примирения. Таким шагом в польско-немецком сближении стали объятия Гельмута Коля и Тадеуша Мазовецкого на Крестовой горе в начале 90-х годов. Однако это случилось после долгих дискуссий и разговоров, и оба лидера вкладывали в эти реальные чувства политическое содержание. Нечто подобное совершил Владимир Путин, возложив венок к памятнику Армии Крайовой (АК) в Варшаве в 2002 г., но, как потом выяснилось, ни он сам, ни сопровождавшие его журналисты не очень хорошо себе представляли, что такое АК и в чем сенсационность того, что российский президент склонил голову перед памятником польским солдатам и офицерам, ранее считавшимся антисоветским подпольем. Все в Польше знают, что АК была некоммунистическим движением Сопротивления, в ряде случаев выступавшим вместе с Красной Армией (в частности, при взятии Вильнюса), и что ее лидеры были вероломно осуждены Сталиным в Москве. Этот жест российского президента поляки, к сожалению, восприняли не всерьез, а как курьез. Пиар от настоящего здесь давно научились отличать. Ну а уж то обстоятельство, что у нас теперь 4 ноября отмечается освобождение от поляков, воспринимается в Польше вообще как плевок. Лучше бы уж, мол, 7 ноября оставили. Ничего не добились, а соседей обидели.

Помню, как в 2004 г. на приеме в польском посольстве по случаю Дня независимости Польши 11 ноября, один из руководителей РИА «Новости», мой хороший друг и вообще замечательный парень, спросил: «Слушай, а от кого независимость-то у них, у поляков». — «От нас, — ответил я — от русских». Так что много мы не знаем про наших соседей, но если в случае с финнами мы со многим согласились, то с теми, кто не смог оказать столь яростного сопротивления товарищу Сталину, разговор менее снисходительный.

В каждом национальном сознании живут представления, цементирующие общество, сплывающие его. В российском национальном самосознании такая роль отводится «Великой Отечественной войне», причем все чаще в ее сталинистском виде. Как говорят, для укрепления единства России. В Польше, как и в большинстве стран бывшего соцлагеря, взгляд на историю II Мировой войны иной. Одним из важнейших элементов, если угодно мифов польского восприятия II Мировой войны остается история Варшавского восстания в августе 1944 года. Восстание — ошибочно или нет — было поднято и подавлено гитлеровцами, когда Красная Армия стояла на восточном берегу Вислы. В Польше стоят памятники этому событию (знаменитая Варшавская Нике работы

скульптора Мариана Конечного или новый памятник в варшавском Старом городе), открываются новые музеи, выпускаются фильмы (помните знаменитый «Канал» Вайды?) и компакт-диски с песнями о восстании, в книжных магазинах продается толстенный том британского историка из Оксфорда, не самого лучшего друга России Нормана Дэвиса «Восстание-44».

Российский же взгляд на Армию Крайову лучше всего иллюстрирует популярность у нас очень неплохого романа Владимира Богомолова «В августе 44-го», по которому на «Беларусьфильме» сделали фильм, где польское подполье и движение Сопротивления ставится на одну доску с гитлеровцами. Этого делать нельзя. Может быть, с исторической точки зрения восстание и было поднято безрассудно и обречено с самого начала, но соседней обижать негоже — они сражались за свою свободу. Надо учитывать их мнение. Кстати, ставший теперь президентом Польши Лех Качинский, мэр Варшавы, прославился именно тем, что в 2004 г. организовал массовое празднование юбилея Варшавского восстания, на который приехали и канцлер Шредер, и госсекретарь Пауэлл. В те дни российское участие ограничилось обращением посла Николая Николаевича Афанасьевского.

Болезненной темой в двусторонних отношениях остается катынское преступление и, наверное, не исчезнет никогда. В Польше к этой теме возвращаются постоянно. У нас стараются всячески закрыть, замазать. Честно говоря, после того как были обнародованы документы, хранившиеся в сейфе генсека КПСС с подписями Сталина, Берии и Калинина с приказом расстрелять польских офицеров, а президент Ельцин признал ответственность России за это преступление, я думал, что страсти улягутся. Не улеглись. Польская печать продолжает настаивать на оглашении имен исполнителей убийства и на том, что пусть задним числом, но этим людям должно быть предъявлено обвинение в военных преступлениях. С нашей стороны некоторые политики и военные, в частности, советник президента Асламбек Аслаханов, заявляют, что «признание президентом Ельциным ответственности за Катынь было ошибкой».

Может ли здесь быть развязка? Как показывает польско-немецкая модель примирения, такой развязкой могла бы стать выплата компенсаций потомкам жертв военных преступлений и узников концлагерей. В Варшаве практически на каждой сберкассе висит объявление, когда и в котором часу можно получить выплату из фонда польско-немецкого примирения. Россия панически боится такой постановки вопроса. Во время визита в Польшу президент Путин в свойственной ему манере предложил в качестве компенсации «бесплатный проезд к местам захоронений польских жертв репрессий». С учетом того, что у нас дети репрессированных в рамках закона о монетизации льгот теперь получают около 30 рублей, можно себе представить, что получают польские потомки жертв политических репрессий. Иногда в российской прессе звучат голоса о том, что вместо компенсаций поляки после войны получили Гданьск, Щецин, Вроцлав и укрепили границу в Силезии. Для России это удобная позиция, особенно в свете претензий на компенсации, которые могут последовать из Эстонии, Латвии и Литвы.

Но удобна ли эта позиция на самом деле? Значит ли это, что нам не нужно считаться, как выражается господин Леонтьев, «с мнением восточноевропейских вонючек»? Ну, наверное, не со всеми из политиков этих стран стоит считаться, а избирательно, пока не упустили момент окончательно. Может быть, все-таки стоит с соседями говорить по-человечески, понять, что их волнует. Не надо обижать маленьких. Да, сказать им, было дело — нагадили. Теперь уберем. Вроде бы так решаются проблемы между соседями в цивилизованном обществе. Значит ли это, что мы должны пожертвовать своими территориями, верой, историей? Нет, не значит. Просто нужно объясняться, вести диалог, а иначе умеренных политиков будут задвигать все дальше на обочину, а к власти будут приходить люди, не только не любящие и не знающие Россию, но и не желающие ее знать. Не следует думать, что если мы будем каяться и посыпать голову пеплом, то это может поставить под вопрос легитимность России как единого государства и подорвать ее территориальную целостность. А говоря об истории, следует так же свято чтить лозунг «никто не забыт и ничто не забыто» в отношении граждан стран-соседей, как и своих.

Не менее важно развивать молодежные обмены со странами-соседями, совместно разрабатывать учебники, интенсифицировать работу совместных комиссий историков, а не прятать архивы, умалчивать и таиться.

ВСЕ НЕ ТАК ПЛОХО, КАК НАМ КАЖЕТСЯ

*Беседа с профессором Янушем Чапинским,
председателем Совета социального мониторинга*

«Социальный диагноз-2005», результаты которого обсуждаются в беседе с проф. Янушем Чапинским, — это самое масштабное и репрезентативное социологическое исследование, проведенное в современной Польше. Ранее аналогичные исследования проводились в 2000 и 2003 годах. «Диагноз» охватывает около 9 тыс. респондентов (отдельные опросы проводились на разовых выборках порядка тысячи человек), частично принадлежащих к «панельной выборке», участники которой опрашивались в отдельных исследованиях. Благодаря этому можно не только достоверно описать социологическую ситуацию в стране, но и получить представление о динамике эволюции различных социальных групп. Исследование проводилось под контролем членов Совета социального мониторинга — видных социологов, социальных психологов и экономистов, представляющих крупнейшие академические центры.

— Ну и как в Польше живетесь?

— Потрясающе.

— Вы шутите?

— Нисколько. Не страна, а рай на земле.

— По сравнению с Камбоджей?

— По сравнению с Польшей четыре-шесть лет назад.

— Признаться, вы меня поразили.

— Да я и сам поразился, когда вчитался в результаты.

— И что, упадка Третьей Речи Посполитой в «Диагнозе-2005» не видно?

— Отнюдь.

— Что же видно?

— Людей, которые ведут себя более или менее нормально, засучили рукава и энергично взялись за работу. Они перестали рассчитывать на то, что зарплату им повысят, потому что ее давно уже не повышают. Из статистических данных во всяком случае следует, что население у нас за последние годы не разбогатело.

— А на самом деле разбогатело?

— За последние три года — на 16%. Наперекор статистике люди приносят домой все больше денег.

— Откуда?

— С двух-трех мест работы по совместительству, зачастую в «теневом секторе», с работы за границей, из различных комбинаций и махинаций на грани закона.

— Из статистики видно, что богатеют прежде всего те, кто уже богат.

— А из «Диагноза» видно, что богатеют все, и это чистая правда. Нет ни одной социальной груп-

пы, в материальном положении которой наблюдался бы застой. Даже самые бедные — пенсионеры — как-то разворачивают паруса и ухитряются поймать в них попутный ветер, хотя и не так эффективно, как частные предприниматели.

— То есть вместо 300 злотых в месяц они получают 310. А предприниматель с развернутыми парусами от ста тысяч доходит до двухсот.

— Это миф, который сегодня бытует повсюду.

— Какой миф?

— Миф о резко растущем социальном расслоении.

— Выходит, расслоения нет?

— Расслоение снижается. Причем снижается весьма ощутимо. В течение трех лет показатель дифференциации доходов снизился с 0,35 до 0,28, то есть на 20%. Расслоение шло в течение первых десяти лет преобразований. Это было нормально, так как мы начали со сверхэгалитарного общества ПНР. Потом был период стабилизации, а в последние два-три года тенденция пошла в другую сторону.

— Как же так получается, что расслоение снижается, а различия в уровне доходов непрерывно растут?

— Поляки крутятся как могут. Все больше людей не удовлетворяется одним местом работы или одной зарплатой. А если кому-то не хватает предприимчивости, то им государство помогает. И они тоже поднимаются понемногу — даже быстрее, чем те, кто помощи от государства не получает. Менее практичные группы подражают более

практичным, и все они всё успешнее учатся зарабатывать лишнюю копейку.

— *Значит ли это, что бедные догоняют богатых?*

— Множество бедных разбогатело, а многие богатые обеднели. Очередной появившийся в Польше миф утверждает, что социальные барьеры неизменны, что бедные всегда будут бедными, а богатые — останутся богатыми. Результаты «Диагноза-2005» показывают, что дело обстоит как раз наоборот. Под панцирем окостеневших социальных барьеров скрываются беспрерывно перемещающиеся трудолюбивые муравьи. Поляки — невероятно мобильная нация. Если они не могут улучшить свои жизненные условия иначе, они меняют адрес. Переезжают из Суваляк в Варшаву, из Варшавы — в Лондон. Из «Диагноза» вытекает, что 20% польской рабочей силы составляют такие «кочевники». Примерно полмиллиона человек постоянно трудится за границей. В течение последних трех лет прописку сменило около 3 млн. человек. А ведь далеко не все, меняя место жительства, меняют прописку. По этой-то причине статистические данные создают впечатление окостеневшей системы. Бедные гмины (уезды) и воеводства остаются бедными, а богатые — богатыми. Только вот в статистике нигде не увидишь тех людей, которые уехали, работают в другом месте, больше зарабатывают и потому вырвались из тисков бедности.

— *И многие вырвались?*

— Пять лет назад 31% польских семей жило ниже уровня бедности. Сегодня эта группа составляет 22%. Так что польская «зона бедности» уменьшилась почти на одну треть.

— *Значит людей, выбравшихся за это время из зоны бедности, именно настолько больше, чем попавших в нее. А вам известно, сколько именно сумело выбраться?*

— В течение пяти лет более 16% поляков вышло из зоны бедности, а 7% — в нее попали.

— *Иначе говоря, около четверти всего населения в том или ином направлении пересекли границу, отделяющую бедность от относительного достатка?*

— Да, примерно так.

— *Это просто какой-то тектонический сдвиг в социальной сфере...*

— Абсолютно. Проблема заключается в том, что мобильность в весьма малой степени затрагивает тех, кому следовало бы быть больше всего в ней заинтересованными, — безработных.

— *И вам известно, почему?*

— Часть безработных не верит в свои силы. Есть много и таких, которые мирятся с образом жизни безработного. В течение какого-то времени их вырывает пособие по безработице, а потом

им хватает того, что они получают в виде социальных пособий.

— *И сколько же у нас таких «минималистов»?*

— Вместе с работающими исключительно «налево» — около миллиона. Примерно треть всех безработных. Они регистрируются на «биржах труда», потому что это дает им медицинскую страховку, но постоянной работы не ищут.

— *Они сознательно отказываются от трудовой деятельности?*

— Поймите, это не бомжи, не нищие. Среди них много домохозяек, которые никогда не работали, потому что у них всегда было слишком много домашних обязанностей, но есть и много таких, что работают только «налево». И вот они-то ни в каком отношении не напоминают классических безработных. Более того, нередко они трудятся даже больше тех, кто формально зарегистрирован на какой-то работе. Они мало пьют. Много зарабатывают. Пользуются техническими новинками: у них есть машины, мобильные телефоны, компьютеры, Интернет.

— *По сути дела — это просто незарегистрированные предприниматели. И сколько людей в этой группе?*

— Четверть из миллиона официальных безработных. Но их число убывает: их вытесняет более дешевая рабочая сила из Восточной Европы.

— *Это означает, что «теневой сектор» экономики не так велик, как это принято считать?*

— Но ведь в «теневом секторе» работают не только «безработные». Там подрабатывает множество пенсионеров по старости и инвалидности, да и студентов тоже. В «теневом секторе» трудится около миллиона человек.

— *Знаете, что меня в вашем исследовании поразило больше всего? Оценка системы здравоохранения. Мы беспрерывно слышим о гигантской катастрофе, а у вас три четверти опрошенных выражают удовлетворение работой органов здравоохранения по месту жительства. Как вы это объясняете?*

— Это похоже на очередную революцию в польской политике. Только там люди борются за власть, а здесь — за деньги. Здесь действуют могущественные лобби, группы интересов, сознательно раздувающие в СМИ проблемы, решение которых требует, чтобы больше закупалось медикаментов, медицинского оборудования или услуг. Мы также беспрерывно слышим, что люди не могут лечиться, потому что у них на это нет денег. А из «Диагноза-2005» видно, что все меньше людей из-за отсутствия

денег не покупают лекарств, не обследуются, не ездят в санатории, не ходят к врачам.

— *Может, они просто привыкли, что лечение дорого стоит?*

— Не только это. Просто они еще и богатеют быстрее, чем растет в цене медицинское обслуживание. Сегодня большее число поляков в состоянии заплатить за поддержание своего здоровья. Но это не означает, что все ринулись пользоваться платными частными медицинскими услугами. Люди изо всех сил стараются выжать из государственного здравоохранения все, что только можно. Они даже несколько чаще стали давать за это взятки (рост с 5 до 6%) и чаще считают необходимым «отблагодарить» врача уже после лечения (рост с 6 до 9%), но в сумме это им обходится дешевле, чем три года назад. Размер средней взятки снизился с 270 до менее 170 злотых. К тому же «подарки», которые врачи получают уже «пост фактум», тоже подешевели — со 121 до 98 злотых.

— *Но в то же время около 40% респондентов считают, что в последние годы состояние медицинского обслуживания в Польше ухудшилось.*

— Надо сказать, что о чем бы вы вообще поляков ни спросили, 40% ответят, что раньше было лучше. Люди думают, что если они так коллективно выскажут свою неудовлетворенность, то власти будут больше стараться. Но когда мы задаем конкретный вопрос: «А у вас лично улучшилось то-то и то-то?» — то получаем обычно гораздо более положительные ответы. Много лет подряд типичным польским ответом на вопрос «Как дела?» был «Всё хуже и хуже». Это у нас не изменилось. Вообще установки и ценности меняются довольно медленно. Во всяком случае, их иерархия осталась неизменной.

— *Хотя в течение последних пяти лет явно потеряли прежнее значение деньги...*

— ...вероятно, потому что у людей их стало больше...

— *...и брак.*

— Это уже приспособление ценностей к реалиям жизни. Дело в том, что в течение последних 20 лет доля женщин, которым не суждено выйти замуж, выросла практически с нуля до 40%. Две пятых сегодняшних молодых женщин никогда не выйдут замуж! Это не означает, разумеется, что они всю жизнь будут одиночками.

— *И поэтому растет значение друзей?*

— Здесь мы наблюдаем явный взлет после глубокого минимума. В 2003 г. у поляков в среднем было меньше друзей, чем когда-либо раньше. Но, по-видимому, до нас дошло, что отказ от

дружбы до добра не доводит. Между двумя последними опросами число друзей выросло у нас с пяти до семи.

— *Что-то подозрительно быстро: дружба формируется годами.*

— Если у кого-то что-то очень сильно заболит, то он сумеет быстро найти себе лекарство. Люди осознали, что потеряли нечто чрезвычайно важное. Из всех опросов следует, что друзья — лучшее лекарство от всех жизненных невзгод: от стресса, страхов, поражений, потери ощущения смысла жизни. Даже от болезней. Здоровье, разумеется, зависит от возраста, но сразу же после возраста идет число друзей.

— *А может, здоровым, спокойным и богатым просто легче найти себе друзей?*

— Разумеется, это процессы, так сказать, взаимозависимые, но все-таки число друзей в большей степени влияет на состояние нашего здоровья, чем наоборот...

— *Закурим?*

— Давайте. Будьте любезны, угощайтесь.

— *А вы заметили в «Диагнозе 2005», как быстро мы вымираем?*

— В каком смысле?

— *В таком, что курящие поляки исчезают.*

— Это правда. Немногие перемены так резко бросаются в глаза. В других вопросах иногда что-то качнется в одну сторону, иногда — в другую. А здесь — наклонная плоскость. Курящих все меньше, а те, что еще курят, выкуривают все меньше и меньше. Среди молодежи в течение двух лет число курящих упало на 20%.

— *Профессор Затонский* должен заказать благодарственную мессу.*

— А профессор Мелибрда** — скорее уж заупокойную. На протяжении всех 90-х годов поляки систематически уменьшали потребление алкоголя, а теперь наступила резкая смена тенденции. Мы уже было спустились до уровня, когда размер всей популяции «злоупотребляющих» алкоголем составлял 4,5 промилле, а за последние два года вернулись к показателю более шести. Люди снова начинают много пить.

— *От счастья?*

— Не исключено, что после шока, вызванного преобразованиями и реформами, возвращается польская модель умеренного потребления алкоголя.

* Президент «Фонда пропаганды здоровья», борющегося с курением. — *Пер.*

** Председатель Государственной службы решения проблем, связанных с алкоголем. — *Пер.*

— *А курение почему не возвращается?*

— Может, сигареты перестали быть «секси»? Сейчас модно следить за здоровьем... Ни в одном сериале нет курящих героев. А сигареты дорожают, и административных запретов на курение все больше и больше... Даже в поколении «Т» число курящих не выросло, хотя те, что курят, выкуривают гораздо больше.

— *В каком поколении?*

— В поколении «Т», то есть среди тех, кому сегодня 16-18 лет.

— *Есть такое особое поколение?*

— В «Диагнозе 2005» мы его обнаружили впервые. Внезапно перед нами предстало странное, однополое поколение девочек-подростков. Мы не знаем, отличается ли оно от последующих, но между теми девчонками, которым сегодня 16-18, и теми, кому 19-20, лежит пропасть.

— *Что же их так отличает друг от друга?*

— Водка, наркотики, шовинизм, ксенофобия... Сегодняшние 20-летние девушки три года назад были гораздо более скромными и добропорядочными по сравнению со своими сверстниками. Уровень наркомании и алкоголизма был среди них несравненно более низким. Они были хорошо интегрированы в свое окружение. Их воззрения были открытыми, эгалитарными и скорее либеральными. А их сегодняшние сверстницы полностью во всем сравнялись с парнями. Курят они столько же, колотятся наркотиками даже несколько больше, потому что ребята все-таки ограничили себя, немного реже курят, но те, что курят, выкуривают в среднем уже 13 сигарет в день.

— *И что, это поколение «Т» довольно переменами?*

— Пожалуй, не очень, потому что оно чувствует себя самой дискриминируемой группой в Польше.

— *По гендерному признаку?*

— Я думаю, скорее из-за своего поведения. Они сами заслужили, что люди их сторонятся. Когда пьяные шестнадцатилетние девчонки садятся в автобус, нет ничего удивительного, что пассажиры от них отворачиваются и даже могут сказать что-то резкое. Даже странно, что их это так волнует: ведь они представляют собой наименее эгалитарно настроенную группу во всем обществе. Гораздо менее

эгалитарную, чем их сверстники. Две трети из них не разделяет мнения, что все нации должны быть равноправными и что все люди достойны того, чтобы с ними обращались одинаково. Они единодушно высказываются за сохранение существующих барьеров и дискриминации.

— *Это действительно какие-то исключительные монстры, потому что молодежная группа в целом, то есть возраста с 16 до 24 лет, просто до невероятности добропорядочна. Например, это единственная группа, где упало потребление наркотиков, причем упало весьма ощутимо.*

— Часть этой группы уже начала работать и взялась, как говорится, за ум. В школе они немножко кололись, в институте тоже, а теперь сосредоточились на более важных вещах. Уже довольно давно было отмечено, что молодежь, особенно мужская ее часть, исправляется, когда начинает работать.

— *Может, поколение «Т» тоже исправится, когда пойдет работать?*

— Ничего не могу сказать, потому что с подобным явлением мы еще не встречались.

— *А как вы думаете, откуда это поколение появилось?*

— Не исключено, что Фрейд был прав, когда говорил, что личностные особенности человека определяются на всю жизнь в первые три года детства. Это поколение, которому в 1989 г. было не больше трех лет. Перемена строя застала этих девочек в колыбели. Что тогда происходило с их родителями, мы все знаем. Люди были в ужасе: инфляция — 600%, заводы закрываются, никто не знает, что будет дальше.

— *Но почему это коснулось только девочек?*

— Может, мальчикам не так нужно заботливое родительское тепло? Впрочем, есть и другая гипотеза, которая представляется мне более

рациональной. Это явление может быть побочным эффектом реформы системы образования. Потому что именно эти девочки были первыми, которые сразу после шестого класса пошли в гимназии. Гимназии часто объединяли с лицеями, так что гимназисты, пришедшие из школ, где уже были «стариками», снова становились «салагами». Они были вынуждены как можно отчетливее обозначить свою

«взрослость», а ее атрибуты в этом возрасте — водка, сигареты и наркотики. Ведь гимназия — это громадный «крестовый поход детей», беспрерывные сражения за «место под солнцем». Школы часто находились далеко от мест, где жили школьники. Появились специальные автобусы, развозящие детей по школам, — «гимбусы». Дети начали проводить целые дни вне дома. Конечно, возникает вопрос, почему мальчики перенесли эти перемены сравнительно неплохо и даже немного улучшились, а девочки так жутко скатились вниз и в определенных отношениях стали хуже своих сверстников?

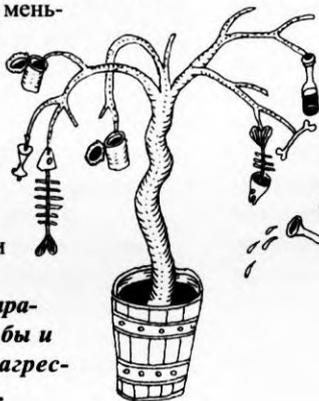
— *Может, им надо было в большей степени доказать, что они уже стали взрослыми и заслужили переход в «старшую группу»?*

— Возможно. Потому что с кого же им было брать пример? Разумеется, со своих сверстников, с которыми они сидели в гимбусах. А сверстники уже раньше заразились всякими нехорошими вещами. Пили, курили, ширялись. Мальчики всегда подвергались деморализации в более раннем возрасте, и это воспринималось в обществе как что-то более или менее нормальное. А деморализацию девочек осуждали всегда и безусловно. Поэтому они и чувствуют себя дискриминируемыми, и отсюда резкий рост показателя дискриминации по сравнению с предыдущим исследованием.

— *Показатель дискриминации растет непрерывно, начиная с 1996 года. Так что этот факт не может быть связан исключительно с поколением «Т», которое тогда еще играло в песочницах. Можно ли в «Диагнозе-2005» обнаружить какие-то иные причины этого роста?*

— Можно обнаружить, что более отчетливыми стали барьеры, связанные с происхождением. В Опольском воеводстве, в Силезии, на восточных рубежах страны этнические меньшинства перестали стыдиться своих особенностей. А когда меньшинство демонстрирует свой особый облик, большинство нередко реагирует на это неприязненно, так что меньшинство чаще сталкивается с возможными проявлениями дискриминации.

— *Если бы не было «парада равенства», то не было бы и возможности проявить агрессию по отношению к геям.*

— По-видимому, этому меньшинству придется считаться с тем фактом, что его будут замечать — и, значит, оценивать. А у нас сейчас происходит нечто вроде наступления меньшинств.

— *Это означало бы, что, помимо «столкновения цивилизаций» и столкновения джихада с Биг-Маком, мы имеем дело со столкновением все более смело заявляющих о себе групповых самосознаний.*

— Да, но вовсе не это послужило причиной роста ощущения дискриминации. Здесь уже в течение ряда лет источником является отверженность от социума. Дискриминацию ощущают почти 19% отверженных, а среди остальной части общества — меньше чем полпроцента. Однако отверженность отверженности рознь. Бывает отверженность по структурному признаку, затрагивающая людей бедных, живущих в деревне, имеющих образование ниже среднего, а отцы их получили максимум начальное образование. Бывает — по физическому признаку, касающаяся инвалидов и стариков. И существует также отверженность по нормативному признаку, то есть такая, которая вызывает негативные реакции окружения, — сюда относятся воры, наркоманы, пьяницы. Девочки из поколения «Т» отвергаются по нормативному признаку.

— *Это значит, что мы будем иметь дело с «потерянным поколением»?*

— Необязательно, потому что из состояния отверженности в Польше можно выйти. Причем на удивление легко. Сегодня таких отверженных у нас почти 7%. Пять лет назад их было почти в два раза больше. Это еще одна иллюстрация того, насколько мобильным является наше общество и сколько мужества у людей, которые могут встать на ноги самостоятельно, без посторонней помощи. Ведь наше государство не реализует ни одной программы помощи отверженным! Но это еще не всё. Обратите внимание на показатель т.н. устойчиво отверженных. Из их общего числа в 2000 г. сегодня осталась одна пятая — остальные из этого состояния отверженности сумели вырваться.

— *Каким чудом?*

— Например, благодаря европейским дотациям для крестьян. Село сумело встать на ноги благодаря Евросо-

юзу, и крестьяне эту связь хорошо видят. Более того: в прошлом году 86% крестьян подали заявления о выделении дотаций, и только 5% этих дотаций не получили. Польскими крестьянами мы тоже можем гордиться, потому что две трети из этих дотаций они вложили в свое хозяйство и только одну треть предназначили на текущее пополнение бюджета. Кроме того, половина тех, кто не подал заявлений в прошлом году, теперь уже намерены их представить. Таким образом радикально уменьшается масштаб отверженности по структурному признаку. Но оказывается, что и из отверженности по физическому признаку тоже можно массово выбираться.

— *Выздоравливая?*

— А вы думаете, что это невозможно? Помните, как проходила проверка обоснованности выплат пенсий по инвалидности? В результате этой проверки большая часть отверженных по физическому признаку была вытолкнута на рынок труда. И они как-то нашли там свое место. Вы бы удивились, если бы узнали, сколько алкоголиков в Польше излечивается от алкоголизма. Иные, конечно, вновь в него впадают, но динамика там огромная и в течение ряда лет баланс положительный. Хуже обстоит дело с наркоманией: здесь баланс по-прежнему отрицательный. А известно ли вам, сколько преступников стало порядочными гражданами? Не случайно уже несколько лет растет удовлетворенность людей уровнем безопасности в местах их проживания. Статистическими данными полиции можно манипулировать, но когда в таком исследовании, как наше, радикально уменьшается число людей, которые в прошлом году стали невинными жертвами преступлений, это значит, что положение действительно улучшается. Я говорю о невинных жертвах, потому что жертвы огромной части преступлений — сами такие же преступники. Сужение анклава преступности наблюдается чрезвычайно отчетливо. Это тоже показывает, что люди в Польше во все большей мере становятся хозяевами своей жизни. Потому что они этого хотят, могут и имеют такую возможность. Наше общество — открытое, и каждый может в любой момент изменить свое социальное положение.

— *А наследственное социальное положение?*

— Конечно же, оно существует, но в настолько ничтожных масштабах, что можно на пальцах одной руки пересчитать социальные анклавы, где оно реально наблюдается. Главным образом это бывшие госхозы, погрязшие в пьянстве, без трудовых традиций и без стремления из этой нищеты выбраться. Там дети почти поголовно заражают-

ся апатией родителей и без помощи государства не смогут стать мобильными.

— *В семье миллиардера Кульчика роли тоже переходят по наследству.*

— Да, но неизвестно, сколько все это будет продолжаться. Состояние легко промотать, и в нашем «Диагнозе» видно, что наряду с продвижением вверх по социальной лестнице случается также, что люди с нее падают, причем с большой высоты. Когда-то я опубликовал расчеты показателя социального наследования. Так вот, прямо сейчас эти расчеты можете выбросить в корзину.

— *Когда я вас так слушаю, я начинаю задумываться, не сошли ли вы с ума. Или вы ненароком отправили ваши анкеты с опросами в какую-то другую страну?*

— Почему?

— *Потому что всё, что вы говорите, ничуть не совпадает с тем, что мы о Польше знаем.*

— А откуда у вас эти знания, с которыми мои данные так резко расходятся? Из телевизора? Я вам приведу пример. Этот же отчет я выслал вашим коллегам с телевидения. Они выбрали из него тему нищеты и сняли материал о том, как много у нас бедных, оставив на экране от моих высказываний ровно двадцать секунд. Я тогда сказал то же самое, что и вам. Что баланс положительный. Что повышение социального статуса наблюдается повсюду. Это они, конечно, вырезали, потому что был слишком большой контраст с общим содержанием материала. Остался один только мрачный образ.

— *То есть действительность в Польше прямо-таки сказочная, и только СМИ ее очерняют.*

— Да, СМИ и политики. Если телевидение начнет рассказывать людям, как им хорошо живется, то они просто переключатся на другой канал. Потому что такая передача вступает в противоречие с языковым рефлексом, который велит полякам говорить, что дела идут всё хуже и хуже. Вы представляете, какие громы и молнии свалились на мою бедную голову, когда я несколько лет назад начал людям говорить, что по уровню дохода на члена семьи пенсионеры занимают второе место в стране, сразу после частных предпринимателей?

— *Потому что эти семьи по большей части состоят из одиноких людей, которым жить трудно.*

— А семье с пятью детьми легко живется? Но здесь важно то, что поляки не хотят даже выслушивать хорошие новости. И читать их, видимо, то-

же не хотят. Интересно, сколько людей дочитало нашу беседу до этого места?

— *Нас читают неглупые люди, которых не нужно эпатировать чужим несчастьем. Но если люди в Польше так довольны, то зачем же они устроили эту революцию на выборах в Сейм?*

— Не хотели они никакой революции. В Польше нет революционных настроений. Если бы люди хотели революции, то пошли бы голосовать. А они не пошли. После того отвращения, которое у них осталось от предыдущей правящей партии, за победителей проголосовало лишь 10% избирателей от общего числа имеющих право голоса.

— *Гораздо больше было таких, которые считали, что не видят среди партий той, которая могла бы представлять их интересы. Но это вопрос общественного доверия, которое в Польше за последние пять лет резко упало. Люди, как правило, вообще никому не верят, и это отношение переносится на участие в выборах. А известно, что без доверия не могут нормально функционировать ни демократия, ни свободный рынок, ни семейная жизнь.*

— А вот в Польше — функционируют. Это наш национальный феномен. Поляки умеют заниматься бизнесом, никому не доверяя. Здесь есть что-то, что западные теоретики демократии и свободного рынка, по-видимому, проморгали. У нас эти механизмы как-то по-другому действуют, чем в Америке или в Западной Европе. Если бы в Польше действовали те же механизмы, что в Англии или Германии, то при таком низком уровне доверия у нас был бы какой-нибудь полный развал или, по-научному, коллапс.

— *Пока что у нас политический развал.*

— Какой еще развал?

— *Полная смена власти.*

— В Польше и так каждые четыре года происходит полная смена власти. Избиратели каждый раз голосуют за кого-нибудь совершенно другого. Это феномен общественной неблагодарности. Избиратели ни за что не полюбят тех людей, которые ими управляют. В Польше — да и в других странах, освободившихся от советской власти, — можно быть уверенным в том, что через четыре года власть придется отдавать. Каждый, кто начинает в Польше править, должен сразу написать завещание. Что бы он ни сделал, никакой благодарности от поляков он не дождется. За исключением тех самых отверженных, потому что они утратили ощущение суверенности и им кажется, что даже живут они только по милости властей.

— *Но вы сами сказали, что таких становится все меньше, так что если ничего не ухудшится, то сегодняшним победителям будет еще труднее удержаться у власти.*

— Но их благодарность все равно не имеет никакого значения, потому что эти люди редко ходят на выборы. А остальная часть общества все равно своего выбора не повторит. Независимо от того, насколько эффективно будут работать следственные комиссии. Раньше ведь никаких следственных комиссий не было, а поляки все равно каждый раз голосовали против тех, у кого была власть. Потому что мы неблагодарные. И это очень хорошо, что мы такие неблагодарные.

— *Вот теперь вы шутите.*

— Почему вы так думаете? Если кому-нибудь живется все лучше и лучше, то ведь он весьма неохотно скажет, что это благодаря государству. Люди в основном уверены, что они всего добились сами. А если не добились, то считают, что это им власть помешала. И даже те, кто признаёт, что всё у них хорошо благодаря власти, в основной своей массе не хотят за нее голосовать. Почти 30% респондентов признали в этом году, что именно благодаря мероприятиям власти последний год был для них удачным, а те, кто правил страной, получили на выборах в Сейм всего лишь около 12% голосов.

— *Это значит, что социальная мобильность, которую вы так восхваляете, составляет подлинное проклятие для власти, обрекающее ее на смену после каждых выборов. Потому что, по-вашему, любой человек, чья ситуация как-то изменилась, будет голосовать за перемены.*

— Можно сказать, что в Польше это стало правилом. Когда у нас хоть один премьер-министр останется на второй срок или даже сам уйдет в отставку, окруженный почетом, это будет означать, что социальная структура у нас окончательно окрепла. Но это наступит еще не скоро. Слишком много реформ нам еще предстоит провести.

Беседу вел Яцек Жаковский

POLITYKA

Тадеуш Шавель

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОЛЬШЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (1995-2001)

Исполненное обещание?

В работе половины польских неправительственных организаций принимают участие волонтеры (почти 1,6 млн.). Иными словами, потенциал огромен. В 1999-2002 гг. возникло 14 тыс. обществ и фондов, основанных несколькими десятками тысяч лидеров. Трудностей с их созданием нет — потенциальные основатели находятся всегда. Главной проблемой остается нестабильность и хроническая нехватка средств.

В Польше бытует мнение, что наше гражданское общество слабо. Бездумно повторяется сформулированный Хуаном Линцем и Альфредом Степаном тезис о слабости гражданского общества в посткоммунистических странах. Между тем страны эти оказались в данном отношении весьма разнородны, а мнение о слабости не отражает состояния польского гражданского общества, возникшего после 1989 года.

Обыкновенно в качестве главного аргумента приводят низкий уровень гражданского участия: низкая явка на выборы, малое число членов политических партий, беспомощность перед лицом патологий общественной жизни. Все это правда, однако это лишь один из аспектов гражданского общества. Существуют веские причины, чтобы, говоря о польской демократии после 1989 г., говорить о гражданском обществе и социальном капитале.

В 90-е годы Роберт Д. Патнэм в своих работах обратил внимание на связь между гражданским обществом и уровнем социального капитала. В своем знаменитом эссе «Bowling Alone» Патнэм писал, что «социальный капитал — это одна из черт социальной организованности, наподобие сетей, норм и общественного доверия, которые к обоюдной выгоде облегчают координацию и сотрудничество». Понятие социального капитала было важно Патнэму в связи с его значением для эффективности институтов и решения общественностью терзающих ее проблем. Среда, которая создает, поддерживает и умножает социальный капитал, — это гражданское общество, пространство между семьей и государством, которое заполняют добровольные ассоциации. Поэтому очевиден интерес к гражданскому обществу с точки зрения качества институтов и функционирования демократической системы.

Социальный капитал

На некоторые черты социального капитала стоило бы сразу обратить внимание. Социальный капитал — это «ресурс для личностей», но не «личностный ресурс», ибо он — черта не личности, а общественной структуры. Социальный капитал относителен: общественное доверие — не черта некоей конкретной личности, но свойство межличностных отношений. Это влечет за собой серьезные последствия: например, рост или падение уровня образования личностей не означает автоматического роста или падения уровня социального капитала. В двух обществах с одинаковым уровнем образования уровень социального капитала может быть очень разным. Во-вторых, сознательное и методичное изменение черт личностей (например, программы, направленные на повышение уровня образования) само по себе вовсе не обязательно ведет к росту социального капитала. В отличие от материального и человеческого капитала, социальный капитал в принципе невозможно создать сознательными, запланированными действиями. Он создается и передается такими институтами, как религия или исторически сформировавшиеся обычаи, т.е. некими структурами, которые определяют возможности личностей, формируют их и в то же время наделяют определенными надличностными благами.

Патнэм, изучающий гражданское общество с точки зрения умножения социального капитала, проводит четкую классификацию добровольных обществ. По его мнению, особые заслуги в создании социального капитала принадлежат т.н. традиционным вторичным организациям: группам при церк-

вах, профсоюзам, родительским и учительским комитетам, любительским хорам, скаутским организациям, братствам, обществам взаимопомощи, кооперативному движению, Красному Кресту или (приведем любимый пример Патнэма) кружкам игры в боулинг. От них Патнэм отделяет новые формы массовых организаций, которые называет «организациями третьего сектора». От классических добровольных обществ они отличаются отсутствием непосредственных связей между членами: членство ограничивается уплатой взносов и, возможно, подпиской на бюллетень. Их деятельность основывается на четких лоббистских структурах, активных в политических центрах и выражающих интересы различных групп. Другая форма организаций третьего сектора — это «неправительственные организации», как правило не столь многочисленные, но компетентные и эффективные. Однако обе эти новые формы не принимают заметного участия в повышении уровня общественного доверия — основного элемента социального капитала.

Эта точка зрения очень важна для дискуссии о гражданском обществе в Польше, о котором говорят почти исключительно в категориях «третьего сектора» или «неправительственных организаций» (НПО), т.е. организаций (ассоциаций, фондов), учреждаемых и возглавляемых профессионалами, чья задача — предоставлять услуги людям извне. Главное для третьего сектора — это эффективность в достижении поставленных целей. Неправительственные организации существуют для того, чтобы реагировать на общественные нужды, которые без них удовлетворялись бы хуже или вообще не удовлетворялись бы.

Между тем классические организации второго сектора отличаются массовостью, их члены имеют регулярный личный контакт друг с другом. В этом заключается сила кружков игры в боулинг. Там нет речи о профессионализме, услугах или целях, которых надо достичь. Победа той или иной команды игроков — не цель кружка в том смысле, в каком помощь бездомным — цель благотворительной организации. Чтобы наглядно показать разницу между традиционными и новыми организациями, Патнэм так комментирует свой знаменитый пример: «Когда человек участвует в чемпионате кружка по боулингу, то, встречаясь каждую неделю с одними и теми же людьми, он учится на практике тому, что де Токвиль назвал *habits of the heart* [привычками сердца]. Он учится личным качествам и добродетелям, без которых невозможна демократия, — например, умению слушать, записывать, составлять отчеты, брать ответственность за себя и свои взгляды. Именно в этом заключается разница между игрой в боулинг в кружке и в одиночестве».

По сравнению с традиционными организациями у НПО больше общего с задачами государства. Неправительственные организации все больше становятся одним из его исполнительных органов. Впрочем, это несколько не уменьшает их заслуг и веса в современных либеральных демократических обществах. Однако это означает, что НПО обречены использовать уже существующие ресурсы социального капитала, а не способствовать его сохранению и умножению.

Диагноз: политические действия...

После 1989 г. самые общие показатели состояния гражданского общества и размера социального капитала в Польше не давали оснований для оптимизма. Первые же свободные выборы в июне 1989 г. стали предупредительным сигналом: явка составила всего 62%. Сегодня уже известно, что средняя явка избирателей на всех четырех выборах в Сейм составила 47%. Много это или мало? Мало по сравнению со средней явкой в развитых западных странах в 1960-1995 гг., которая была на 25-48% выше (за исключением США и Швейцарии). Знаменателен тот факт, что явка на выборы в той или иной стране лишь в малой степени зависит от индивидуальных черт отдельных людей, например от уровня образования. Даже если бы в 2001 г. все взрослое население Польши имело высшее образование, явка составила бы не более 75% — столько, сколько в среднем в Великобритании.

В 1995 г. активное участие в предвыборной кампании, выразившееся в поддержке того или иного политика или партии, приняли 19% опрошенных; в 2001 г. — 16%. Таким образом, за шесть лет уровень активности во время предвыборной кампании практически не изменился. Однако если исключить «подписи в поддержку» или «финансовую помощь», т.е. действия, не требующие инициативы, и принять во внимание только раздачу материалов, сбор подписей или денег, то эта доля уменьшится до 4%

как в 1995, так и в 2001 году (таковы данные опросов Института социологии Варшавского университета). 4% — это 1,160 млн. человек. Цифра внушительная. Для сравнения, по данным проведенных в 1990 г. опросов «World Values Survey», в США безвозмездно помогали политическим партиям 5% населения, в Канаде — 4, в Германии — 3, а в Великобритании — 2%. Из этого можно сделать осторожный вывод, что участие поляков в предвыборных кампаниях в 1995-2001 гг. не слишком отличалось от других демократических обществ.

... общественное доверие...

У польских организаций гражданского общества существует явная проблема с созданием социального капитала. В Польше ощущается нехватка его главного компонента — общественного доверия. Нормой остается недоверие. В 1992-1999 гг. доля поляков, согласных с тем, что «большинству людей можно доверять», в принципе не изменялась: так считали лишь около 10% опрошенных Польским генеральным ЦИОМом. Небольшой рост этой цифры наблюдается лишь после 1999 г.: в 2002 г. так считали 14% поляков, и, быть может, это свидетельствует о некоей тенденции. В 1995 г. с таким же утверждением согласились 36% американцев, а в 1999 — 29% британцев, 37 — испанцев и 32 — итальянцев. Уровень общественного доверия был выше и в странах, с которыми мы любим себя сравнивать: в 1999 г., согласно опросу «European Values Study», в Венгрии он составлял 22, а в Чехии — 24%. Драматически недоверчива польская молодежь в возрасте от 18 до 24 лет: в 2002 г. только 8% молодых людей считали, что «можно доверять большинству людей», в то время как в том же году так думали 35% их немецких ровесников из западных земель.

... и членство

Однако интереснее всего вопрос о том, как проявляется гражданское участие поляков. К каким они принадлежат организациям, обществам или группам? Охотнее всего мы организуемся в профсоюзы — в принадлежности к ним признаются около 2,3-2,6 млн. поляков. Здесь Польша занимает место в пределах среднего показателя по западным странам, хотя наши данные отмечают незначительный спад в 1995-2001 годах. Поразительно высок уровень участия родителей в сотрудничестве со школой (почти 1,6 млн. поляков). Принимая во внимание разветвленную инфраструктуру Церкви, удивить может достаточно низкий уровень участия в церковных организациях, группах и движениях. В общей сложности в такого рода деятельность вовлечено около миллиона поляков, т.е. один из 15 посещающих церковь по крайней мере раз в неделю.

Среди новых движений и обществ немало членом насчитывают экологические организации: в 1995 г. они объединяли свыше 300 тыс. поляков, а в 2001-м — уже в два раза больше. Несколько ниже интерес к женским организациям, в которых в 1995 г. состояло около 200 тыс. членом, а в 2001-м — около 500 тысяч. И, наконец, политические партии, без которых невозможно представить себе функционирование демократической системы: в 1995 г. в них состояло около 360 тыс. поляков (1,3%). На протяжении следующих шести лет эта цифра слегка уменьшилась. На фоне таких демократий, как Великобритания (2,5%), Германия (2,8%), Италия (4,1%) или Чехия (3,6%), мы смотримся явно хуже.

Однако значительно интереснее сравнить общие показатели гражданского участия. Если в 1995 г. членом по крайней мере одной организации был каждый третий поляк (35%), то в 2001-м — только каждый четвертый (26%). Три четверти поляков полностью остаются вне сферы гражданского участия, что дает Польше одно из последних мест среди развитых стран.

Изменения, произошедшие между 1995 и 2001 г., заметны. В этот период количество членом хотя бы одной добровольной организации уменьшилось на 9% и составило 26%. Можно вновь задать вопросом: много это или мало? Мы не слишком отстаем от венгров (29%) или испанцев (31%), но явно отстаем от Чехии, лидера среди посткоммунистических стран (60%), и Германии, лидера европейской демократии (52%), не говоря уже о мировом лидере — США, где в 1995 г. членами хотя бы одной добровольной организации были 92% взрослых граждан.

Объясняя падение общего уровня членства в добровольных обществах, что равносильно понижению уровня и качества социального капитала в Польше, стоит обратить внимание на две разновидности факторов — постепенное исчезновение «старой организованности», существовавшей до 1989 г., и динамику нового, стихийного объединения в общества после 1989 года.

Масштаб нового объединения после 1989 г. нельзя недооценивать. В 2002 г. в Польше было свыше 40 тыс. обществ (в т.ч. около 5 тыс. фондов), что составляло почти половину всех добровольных обществ, так как исследование ассоциации «Клен/Явор» не охватывало профсоюзов, Церквей, добровольных пожарных дружин, общественных комитетов и т.п. 91% обществ и фондов, охваченных исследованием, возникло после 1989 года; 30% существовало меньше трех лет; 92% основали физические лица; в 50% состоит не более 46 членов. В работе половины организаций принимают участие волонтеры (почти 1,6 млн.). Иными словами, потенциал огромен. В 1999-2002 гг. возникло 14 тыс. обществ и фондов, основанных несколькими десятками тысяч лидеров. Трудностей с их созданием нет — потенциальные основатели находятся всегда. Главной проблемой остается нестабильность и хроническая нехватка средств.

Участие участников

Мужчины вступают в добровольные организации несколько чаще, чем женщины. Больше всего членов организаций среди людей в возрасте от 25 до 54 лет. Те, кто моложе или старше, объединяются реже. Чаще вступают в те или иные общества люди, активные профессионально. Объединению в общества явно способствует высокий уровень образования: половина людей с высшим образованием принадлежит хотя бы к одной организации. Для сравнения, среди лиц с начальным образованием эта доля составляет лишь около одной пятой. Членство в добровольных организациях заметно влияет на гражданскую позицию и поведение. В 1995 г. членство по крайней мере в одной организации повысило вероятность участия в выборах в Сейм с 52 до 66% (в 2001 г. — с 56 до 64), а вероятность активного участия в избирательной кампании — с 14 до 24% (в 2001 г. — с 13 до 22). Члены обществ гораздо больше интересуются политикой, а также значительно тверже уверены в том, что выборы — лучший способ выдвижения лидеров и влияния на власть. Они выше оценивают демократию как форму правления и чаще убеждены, что польскую демократию стоит защищать. Больше ценят они и политические партии.

* * *

Токвиль был прав. Добровольные общества способствуют функционированию демократии. В Польше падение уровня членства в обществах не повлияло на силу и направление их продемократического воздействия. Оценить состояние польского гражданского общества на пороге XXI века нелегко. От периода до 1989 г. оно унаследовало «социальный капитал», который трудно определить. От 1989 г. нас отделяет слишком короткое время, чтобы можно было говорить об устойчивых тенденциях. Исполнится ли обещание гражданского общества? Да, в том смысле, что польское гражданское общество будет способствовать демократическим убеждениям и действиям. Это важный и недооцененный фактор в укреплении и укоренении польской демократии.

Тадеуш Шавель — научный сотрудник Института социологии Варшавского университета, председатель фонда «Институт исследований основ демократии». Совместно с Мирославой Грабовской написал книгу «Строительство демократии. Расслоение общества, политические партии и гражданское общество в посткоммунистической Польше» (2-е изд., Варшава, ПВН, 2003).

ПОМОГАТЬ ДРУГИМ

1.

Пани Барбару сбила машина. На пешеходном переходе. Она хочет потребовать у водителя компенсацию. Операцию ей уже сделали, а вот средств на юриста у нее нет. В конце концов она попала в Бюро гражданских консультаций (БГК). Там ей посоветуют, что делать. В отделения БГК во всей Польше ежегодно приходят 32 тысячи таких, как она.

Сюда можно прийти, если ты не разбираешься в законодательстве, а у тебя возникли проблемы — например с жилищным кооперативом или алиментами. Консультанты БГК найдут подходящее решение, направят тебя в соответствующее учреждение или помогут написать заявление.

Бюро гражданских консультаций — неправительственная организация, консультирующая бесплатно. Сегодня во всей Польше действуют 29 таких бюро.

2.

Если ты собираешься в заграничный тур, прочти, что написано в договоре мелким шрифтом. А если турбюро пытается тебя обмануть или ты не знаешь своих прав, обратись за помощью в Федерацию потребителей.

Федерация потребителей — это ассоциация, защищающая наши потребительские права. Там нам подскажут, как поступить в той или иной конкретной ситуации. Например, как предъявить рекламацию, подписать договор с банком или телекоммуникационной фирмой, как вести себя с уличными торговцами. Недавно Федерация издала брошюру «Азбука потребителя», где можно найти полезные сведения о наших правах. В трудных ситуациях консультанты Федерации посоветуют, как составить иск в суд, или помогут решить дело полюбовно.

У Федерации потребителей почти 50 отделений во всей Польше. Туда можно позвонить, прийти, написать письмо или e-mail. Федерация потребителей — неправительственная организация, помогающая бесплатно.

3.

Семье Гарбачей из Гливице дом построили даром добровольцы из организации «Habitat for Humanity».

— Все это прямо как в моем сне. Несколько лет назад мне снилось, что я стою перед домом, похожим на этот, — говорит Веслава Гарбач, стоя на пороге своего нового дома. В прежней квартире ее сыновья Кароль (18 лет) и Михал (15 лет) готовились к занятиям в ванной или в общей комнате, но тогда родители должны были вести себя очень тихо, чтобы не мешать им.

Гарбачи построили свой дом вместе с молодежью из организации «Habitat for Humanity». Молодые волонтеры приехали в Гливице, где под руководством опытных каменщиков ставили и штукатурили стены. Так строятся дома для тех, у кого нет своей квартиры или кто живет в плохих условиях.

Дома, которые строит «Habitat for Humanity», возводятся самими семьями и волонтерами, помогающим им на стройплощадке. Каждая семья вносит 10% стоимости жилья. Остальную сумму она выплачивает в течение приблизительно 20 лет в рассрочку, без процентов.

Финансовую поддержку организации «Habitat for Humanity» оказывают также частные жертвователи и спонсоры. Благодаря этому ее квартиры дешевы.

До сих пор «Habitat» помог 66 польским семьям. Уже строятся следующие дома. Осенью этого года организация начинает осуществлять новую программу по ремонту старых, запущенных многосемейных домов.

4.

Мариушу Барчаку 27 лет. У него церебральный паралич. Он самостоятельно ходит, но говорит с трудом. Впрочем, это не мешает ему делать больше, чем другие. В прошлом году он окончил Летнюю школу лидеров — курсы для молодых, активных людей. Он был единственным

инвалидом на 40 участников. Мариуш участвовал во всех занятиях: ходил по бревнам, яростно спорил. Остальным это очень импонировало.

— Здоровые люди часто говорят: «Мы думали, что инвалиды неспособны проявлять инициативу», не говоря уже о том, чтобы быть лидерами. Мне удалось преодолеть этот стереотип, — радуется Мариуш.

Мариуш почувствовал себя самостоятельным еще в лицее. Тогда из родной деревни под Познанью он переехал в Варшаву. Это было почти 300 километров пути. Так он убедился, что даже больной может всё! Он поступил на экономический факультет Варшавского университета, начал работать в Совете студентов-инвалидов. В конце концов он основал вместе с друзьями фонд «Нормальное будущее». Они помогают молодым инвалидам обрести самостоятельность, находят им квартиру.

— Инвалиды заканчивают вузы и получают работу, — говорит Мариуш. — Да только, когда доходит до дела, оказывается, что некуда даже переехать из общежития. Варшавский стандарт — это дом без лифта, без въезда для инвалидов, со слишком узкой дверью. Если ты здоров, то можешь селиться хоть на чердаке, но если ты едешь на коляске или ничего не видишь, все гораздо хуже.

Фонд финансирует строительство таких квартир, в которые инвалиды могут сами попасть и передвигаться по ним без посторонней помощи.

5.

Нелегко на склоне лет начинать новую жизнь в чужой стране, даже если эта страна была родиной твоих родителей или дедов. В этом убедились репатрианты, вернувшиеся в Польшу из Казахстана. Однако части из них повезло: они попали под опеку волонтеров.

— Было трудно, — говорит Анна Сивакская, которая, покинув Казахстан, поселилась с семьей в Варшаве. — У нас не было работы, мы плохо знали язык, не знали, как вести себя в учреждениях...

Как правило, репатриантов приглашают гмины, которые на некоторое время обеспечивают их жильем и деньгами на обустройство. Однако вскоре обнаруживается, что этого недостаточно. Поляки из Казахстана чувствуют себя брошенными, а иногда бывают просто шокированы совершенно иной жизнью.

Часть репатриантов, разочаровавшись в польской действительности, решила вернуться на восток. Другим повезло больше: ими занялись волонтеры.

— Нам помогла пани Эмилия. Она водила нас по варшавским учреждениям, учила сына польскому, — перечисляет другая репатриантка, Нина Пашковская.

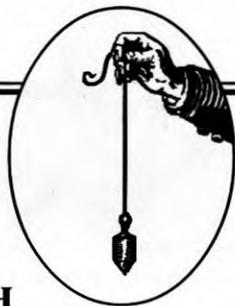
Пани Эмилия не только помогала решать практические вопросы, но и охотно проводила со своими подопечными свободное время. Благодаря совместным походам в музеи и театры, прогулкам по городу она стала настоящим другом семьи Пашковских.

Такая дружба расцвела и в Торунь, Лодзи и Кракове — везде, где волонтеры «Польской гуманитарной акции» взяли шефство над поляками, вернувшимися на родину с востока.

*Подготовили Малгожата Боровская
и Магда Добрановская-Виттельс*

Pozarządówka!

*Специальное приложение к «Газете wyborчей»,
подготовленное редакцией портала www.ngo.pl*

Лешек Бальцерович

ПРОТИВ МИФОВ

Современные страны резко отличаются друг от друга темпами развития, уровнем благосостояния, показателями безработицы. В чем здесь причина? Если оставить в стороне войны, главной причиной этих различий остается социально-политическое устройство различных стран. Огромную роль этого фактора можно без труда осознать, сравнивая Северную и Южную Корею, Восточную и Западную Германию, Кубу и Чили. А как обстоит дело в Польше? По оценкам начала 50-х годов, по доходу на душу населения мы не слишком отличались от Испании; а в 1989 г. он составлял менее 50% соответствующего испанского показателя. Даже несовершенный испанский капитализм оказался настолько более производительным по сравнению с антирыночным по своей природе социализмом!

Благосостояние зависит главным образом от общественного устройства, а от чего зависит само это устройство? В некоторых случаях оно навязывается извне, и тогда нужно говорить о том, как до этого дошло. Польша после II Мировой войны не сама выбрала социализм и — принимая во внимание существовавший тогда мировой геополитический порядок — увы, не могла самостоятельно от него защититься. С 1989 г. мы принадлежим к числу независимых и демократических стран, которые сами определяют свое устройство. Сравнить недавнюю зависимость Польши от Москвы и сегодняшние отношения с Брюсселем (то есть членство Польши в Евросоюзе) — не что иное, как самая бесстыдная демагогия.

В стране, где на протяжении стольких лет выборы были настоящим фарсом, нет причин сомневаться в преимуществах демократии, то есть выборности органов государственной власти. Можно только задуматься, почему в свободной Польше настолько меньшая (по сравнению с ПНР) часть населения вообще приходит на избирательные участки. Неужели ощущение долга перед собственной страной сегодня настолько слабее прежнего страха перед последствиями неучастия в тогдашних «выборах»?

Однако преимущества демократии не включают в себя гарантии, что независимо от поведения избирателей она всегда приведет к выбору достойных правителей, которые сформируют устройство страны, наиболее выгодное для ее развития. Существуют примеры демократических стран, где в результате бездействия или неосмотрительных решений граждан развитие пошло в неверном направлении.

Демократический выбор (то есть выбор большинства) угрожает развитию страны, если в умах многих избирателей господствуют схемы и концепции, неминуемо обрекающие нас на коллективную катастрофу и при этом расхваливаемые как чудотворные рецепты. Против таких мифов нужно бороться, ибо их триумф привел бы, в частности, к новым тысячам безработных.

Я хотел бы обратить внимание читателей на несколько недоразумений принципиального характера. Особенно тех, самых распространенных, которые порождают немало специфических мифов. Основные мифы относятся главным образом к триаде: тип государства — положение отдельной личности — способы взаимодействия между людьми (административно-командный, рыночный, гражданское общество). Положение личности включает в себя пределы ее экономической свободы, в том числе основную ее составляющую — частную собственность (или ее отсутствие). От пределов индивидуальной свободы зависят, в свою очередь, доступные для граждан способы общественного сотрудничества. Рынок возникает не «из воздуха», а из экономической свободы людей. Когда они свободны, то, стремясь к улучшению условий своей жизни, они неизбежно вступают в различные добровольные взаимоотношения, которые и создают рынок (другие добровольные взаимоотношения создают гражданское общество). Рынок исчезает, сужается или деформируется, когда государство ограничивает пределы индивидуальной свободы или снижает уровень ее защиты. В условиях демократии решения об этом принимают в конечном счете избиратели, действующие под влиянием политиков и СМИ. И здесь мы снова возвращаемся к проблеме мифов.

Склад ума советской номенклатуры

Я помню анекдоты о советских официальных делегациях в США, члены которых, видя в магазинах полки, полные товаров, расспрашивали хозяев, кто тут (какое министерство) отвечает за снабжение прохладительными напитками, обувью, детской одеждой и т.п. У них в голове не укладывалось, что никто в государстве не должен за это «отвечать», ибо всего этого сумеет добиться «невидимая рука рынка». Так вот, многие мифы в наших публич-

ных дискуссиях, затрагивающих возможности государства и рынка, полностью соответствуют складу ума тогдашних советских номенклатурщиков. Причем эти мифы у нас сосредотачиваются не только в левой части политического спектра. Вовсе нет — значительное участие в их создании принимают и правые политики. В конце концов, это бывший премьер-министр, считающийся представителем правых сил, прославился в 1992 г. грубым издевательством над «невидимой рукой рынка». Это было лишь одно из многих доказательств того, что этикетки «правый» и «левый» служат скорее инструментами партийной пропаганды, нежели информацией о различиях во взглядах на принципиальные государственные проблемы. Значительная часть правых заражена у нас такими же антирыночными и коллективистскими настроениями, как самые что ни на есть правоверные левые. Они отличаются только лозунгами: одни пропагандируют свои методы во имя блага нации, другие — во имя блага общества.

Схему мышления советского номенклатурщика можно в общем виде изложить в следующем утверждении: «Если этого не сделает государство, то этого не сделает никто». Эта схема, что особенно забавно, соседствует в Польше с преувеличенной критикой политиков и чиновников и с вполне обоснованными жалобами на слишком высокие налоги.

Однако дело здесь заключается не только в том, что попытка решения очередных проблем с помощью государства означает расширение и укрепление власти (никому не нравящихся) политиков, рост значения и численности (никому не нравящихся) чиновников, а также рост потребности в бюджетных средствах, то есть повышение налогов. Что еще важнее, эти проблемы зачастую вытекают именно из излишне разросшихся функций государства (а отсюда — и его аппарата), и при этом государство зачастую пренебрегает своими основными обязанностями, определяющими самое его существо (защита индивидуальной свободы от внешней и внутренней агрессии). Тогда мы начинаем иметь дело с порочным кругом государственного интервенционизма: разросшийся государственный аппарат порождает проблемы, которые государство пытается решить путем дальнейшего увеличения его численности, что порождает новые проблемы и т.д., вплоть до наступления кризиса.

В связи с этим стоит заметить, что любая более или менее глубокая дискуссия об экономике неминуемо связана с ролью государства, любая более или менее глубокая дискуссия о государстве неизбежно затрагивает форму и структуру экономики, то есть прав людей в их стремлении повысить свой жизненный уровень. Невозможно разбираться в государственных проблемах и в то же время быть полным невеждой в вопросах экономики, и наоборот — считать себя знатоком экономики и не интересоваться основными проблемами и ролью государства. Невежество в одной области неминуемо влечет за собой невежество в другой. Это в особенности относится к проблемам общества, которое проходит стадию преобразований. Я с беспокойством наблюдаю за попытками отделаться от анализа фундаментальных взаимозависимостей между государством и экономикой путем наклеивания этикеток-заклятий типа «сильное государство». Они выражают либо чисто пропагандистские расчеты, либо интеллектуальную беспомощность, либо то и другое одновременно. Что это вообще за штука такая — «сильное государство»? Государство, которое решает множество вопросов, много денег забирает у граждан и раздает им же, издает массу законов и правил? Государство развитого интервенционизма — это сильное государство?

Резкий рост отставания Польши от Запада в 1950-1989 гг. был результатом деятельности одного из самых интервенционистских общественных устройств, которые знает современность, — социализма. Эта система лишила людей экономической свободы, а частную собственность (за исключением потребительских благ) свела к преступлению против общества. В результате исчез легальный свободный рынок, а рыночное сотрудничество между людьми было сужено до «теневых сектора» и экономического подполья. Точно такой же опыт с социализмом пережили все страны бывшего советского блока, а также многие страны Третьего мира. Ускоренное экономическое развитие КНР с конца 70-х годов возникло не потому, что китайцы сумели найти какую-то лучшую форму социалистического устройства, а потому, что они быстро (хотя и в условиях отсутствия демократии) переходят к капитализму. В упомянутый период доля частного сектора в экономике выросла там с нуля примерно до 70%. Китай гораздо больше открылся внешнему миру и привлек в несколько раз больше прямых зарубежных инвестиций, чем Индия, считающаяся страной «капиталистической». И разве этот опыт не должен склонять нас к скептицизму по отношению к обещаниям антирыночных интервенционистов, воспевающих непомерно разросшееся государство и издевающихся над «невидимой рукой рынка»?

Путь к безработице и от нее

Скептицизм по отношению к обещаниям интервенционистов должен относиться и к менее крайним формам интервенционизма, чем социализм. Один из самых распространенных мифов приписывает социализму полную занятость, а капитализму — безработицу. А поскольку высокая безработица в Польше возникла в процессе перехода от социализма к капитализму, то, значит, в этом виноваты рыночные реформы! На этом рассуждении спекулируют самые разнообразные популисты, но иногда, как я заметил, «покупаются» и некоторые сторонники польских реформ. Зададимся вопросом: действительно ли капитализм неизбежно приводит к высокой безработице? И действительно ли ее причина в нашей стране — избыток рыночных реформ?

При социализме и только при социализме было возможно добиться своеобразной полной занятости, исходя из основного принципа уравниловки, выраженного в известном двустишии: «Хочешь — спи, а хочешь — куй...» За эту «уверенность в завтрашнем дне» приходилось платить растущим отставанием от стран с рыночной экономикой. Рост благосостояния невозможен при отсутствии условий для добросовестного и творческого труда; невозможно также, чтобы на заводах был социализм, а в магазинах — капитализм. Таким образом, поворот к свободному рынку должен означать отказ от социалистической «уверенности в завтрашнем дне», но — вопреки распространяемым мифам — свободный рынок или капитализм не ведут неминуемо к устойчивой высокой безработице. Подобные взгляды — пережиток марксизма, который провозглашал неизбежность «резервной армии труда» при капитализме. Марксизм по-прежнему раздает у нас направо и налево свои отравленные идейные дары. Нельзя позволять ослеплять себя доктрине, навязанное господство которой в Польше так дорого нам обошлось. Посмотрим на современный мир и на результаты научных исследований. Хотя все страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считаются капиталистическими, они значительно отличаются друг от друга уровнем устойчивой безработицы. Особенно высок этот уровень в Италии, во Франции и в Германии. Для всех этих стран характерен вовсе не разнузданный, «дикий» капитализм, но как раз наоборот — развитый интервенционизм, который в значительной степени ограничивает возможности и деформирует действие рынка в экономике. Существует множество эмпирических исследований (в частности, проведенных в самом ОЭСР), которые показывают, что сочетание высокой структурной безработицы и государственного интервенционизма вовсе не случайно. К основным причинам подобного рода безработицы относятся: во-первых, огромные государственные поборы, непомерно отягощающие стоимость рабочей силы (результат чрезмерных расходов на социальные нужды); во-вторых, институциональные барьеры на пути создания и развития предприятий; и, наконец, паралич рынка труда, обусловленный законодательно установленным минимальным размером заработной платы и некоторыми другими обязательными правилами, ограничивающими свободу трудовых соглашений, заключаемых между работниками и предпринимателями. Упомянутые исследования показывают также, что там, где наблюдается высокая безработица, она затрагивает в основном молодежь и женщин. Антирыночный интервенционизм — проводимый в жизнь во имя «защиты слабейших» — как раз сильнее всего бьет по группам, считающимся слабейшими! Это одна из его типичных черт — когда лозунги расходятся с действительностью. Можно даже сказать без обиняков, что его результаты, как правило, всегда оказываются противоположными обещанным.

Так что вовсе не капитализм как таковой неминуемо приводит к высокой устойчивой безработице, а лишь некоторые его виды, для которых характерны различные формы антирыночного интервенционизма. Таким образом, высокая безработица в Польше — это следствие вовсе не избытка рыночных реформ: оздоровления государственных финансов, либерализации рынка труда, устранения барьеров на пути предпринимательства, — а как раз наоборот, их торпедирования. Об этом можно прочитать, в частности, в ряде отчетов ОЭСР, Европейского банка реконструкции и развития, Всемирного банка и Международного валютного фонда.

Высокая структурная безработица в нашей стране — это не детище свободного рынка, а результат триумфа антирыночной демагогии, которая сумела блокировать его развитие. В результате экономическое устройство в Польше страдает теми заболеваниями, с которыми борются такие страны, куда богаче Польши, как Германия, Франция и Италия. Только политическое поражение демагогии позволит Польше быстро сократить безработицу. Сделать это вполне можно — в Испании при правительстве Аснара определенная доза дерегулирования и реформа государственных финансов позволили за несколько лет сократить безработицу с 24 до 12%. Великобритания до сих пор пользуется плодами рыночных реформ Маргарет Тэтчер — низкой безработицей и устойчивым экономическим ростом. Заслуги «Железной леди», не обращая особого внимания на идеологические этикетки, высоко ценят ее преемники. Страны Прибалтики и Словакия явно опережают нас в реформах и благодаря этому укрепляют свое развитие и снижают безработицу.

Пустые обещания и объективные законы

Уровень устойчивой безработицы во многих аспектах зависит от налоговой политики государства и от состояния его финансов. Возьмем простейший фактор: высокие налоги, особенно те, которые ложатся непосредственным бременем на стоимость рабочей силы (подходный налог, различные обязательные отчисления), повыша-

ют эту стоимость для предпринимателей и тем самым снижают их спрос на работников. Здесь действует могучий закон спроса и предложения. Он универсален, потому что уходит корнями в определенные особенности человеческой природы.

Закон спроса и предложения нельзя отменить, но его можно не соблюдать, что приносит различные неприятные для людей последствия — примером тут могут послужить массовые очереди при социализме. Эти неприятные последствия как раз и доказывают, что закон спроса и предложения действует объективно. Так же обстоит дело и с законом всеобщего тяготения: если кто-то в него не верит — пусть спрыгнет с вышки и ударится о землю. Заявления о том, что законы экономики можно обойти, свидетельствуют не только о самодовольном невежестве, но и о презрении к человеку. Не случайно эту доктрину провозглашали большевики. Обожествление коллектива (человечества, общества, нации) идет рука об руку с ухудшением положения человеческой личности.

Возвращаясь к финансам, нужно спросить: а откуда вообще берутся высокие налоги? Тут особенно задумываться не приходится, ответим сразу: это результат высоких расходных статей государственного бюджета. Поддержание их на высоком уровне, а тем более — дальнейшее раздувание (а значит, и повышение налогов), будет способствовать сохранению высокой устойчивой безработицы. А что мы слышим от многих участников наших публичных дискуссий? Обещания дальнейших бюджетных расходов как панацею против любых проблем, в том числе и против безработицы! И это происходит в ситуации, когда процент государственных расходов и налогов от ВВП в Польше значительно выше, чем в Швеции, Германии, Франции и Италии в те времена, когда у них был примерно такой же, как у нас сейчас, уровень доходов на душу населения. И это происходит тогда, когда нас явно опережают те постсоциалистические страны, которые ограничили чрезмерно разросшуюся фискальную позицию государства. И, наконец, все это происходит тогда, когда исследования развития так называемых «экономических тигров», то есть стран, которые достигли весьма быстрого и устойчивого долгосрочного роста экономики при почти полной занятости, позволяют сформулировать хорошо обоснованную гипотезу, что одним из условий их успеха были низкие бюджетные расходы и (благодаря этому) низкие налоги. Экономическая система Швеции, когда она была таким «тигром», то есть когда она пробивалась в передовой отряд экономически развитых западных стран, тоже характеризовалась этими чертами.

У нас же серьезная дискуссия на тему, как изменить фискальную позицию государства, чтобы сделать возможным устойчивое ускорение развития экономики и уменьшить безработицу, вытесняется «термодинамическими» лозунгами. Дальнейшее увеличение бюджетных расходов рекламируют под лозунгом стимулирования («разогрева») экономики. Это один из постоянно бытующих в Польше рецептов на чудесное исцеление. Однако при этом оздоровлению государственных финансов у нас препятствуют во имя борьбы против «охлаждения» экономики!

В этом соревновании демагогов постоянно слышны декларации о «социальной ответственности», об общественных нуждах, о солидарности, о соцобеспечении, об активном государстве, о противостоянии жестокосердым прислужникам богачей и заграничного капитала.

Каким образом эти лозунги могут привести к тому, что в Польше сократится безработица? Откуда возьмутся деньги на финансирование обещаний бюджетного распределения благ? Некоторые мифотворцы рассчитывают попросту на то, что люди не будут связывать бюджетные расходы с высокими налогами. Другие обещают, что отыщут недостающие деньги из различных резервов (тут немедленно вспоминается знаменитый антиинфляционный резерв Польского национального банка). Третьи, скромно представляясь представителями Добра, утверждают, что сумеют достать эти деньги благодаря эффективной борьбе против Зла (а что такое Зло, будут решать они сами).

Мифов и бредней избежать невозможно. Однако из этого тезиса ни в коей мере не вытекает призыв к безразличию и бездеятельности. Ибо здесь мы не говорим об ошибочных представлениях, относящихся к природе, — например, о мнении, что рост кенгуру достигает 10 метров. Мы говорим о широко распространенных ложных схемах и мифах, касающихся эволюции общественного устройства свободной Польши.

Подобные мифы свидетельствуют только о нашей отсталости. С ними можно и нужно бороться. И по меньшей мере — послать их вместе с их создателями куда подальше.

Лешек Бальцерович — вице-премьер и министр финансов в правительствах Тадеуша Мазовецкого, Яна Киши-тофа Белецкого и Ежи Бузека, с 2000 г. — президент Польского национального банка.

Николай Иванов

«СОЛИДАРНОСТЬ» И СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ

1981 год был в Советском Союзе годом особым. Ослабленный все новыми неудачами на международной арене, послаблениями в «братских» странах Восточной Европы, огромными экономическими трудностями и внутренней напряженностью, СССР искал, как выйти из тупика, не реформируя, а ужесточая систему. В Кремле нервно обсуждали возможность вооруженной интервенции в Польшу, чтобы подавить первое в соцлагере массовое оппозиционное профсоюзное движение — «Солидарность».

1979-1984 годы — это период усиленных гонений на всякие формы оппозиционной деятельности в СССР. Власти откровенно ужесточили репрессии против диссидентов. Приговоры за оппозиционную деятельность становятся все суровее, все чаще отбывших срок тут же арестовывают заново. КГБ, возглавляемый Юрием Андроповым, приобретает опыт в борьбе с оппозицией. Еще чаще, чем прежде, использует карательная психиатрия. Все это ведет к ослаблению оппозиции.

Безответственные поляки и рабочий класс Страны Советов

«Солидарность», родившаяся в 1980 г., оказала заметное, но косвенное влияние на ужесточение внутренней политики в Советском Союзе. Коммунистические власти внимательно наблюдали за тем, что происходит за восточной границей империи. КГБ и другие спецслужбы делали все, что могли, чтобы заглушить голос польских рабочих, который, по их мнению, мог расшатать советскую тоталитарную систему. Поэтому их реакция на I съезд «Солидарности» и его «Послание к трудящимся Восточной Европы» была такой нервной, резкой и непоследовательной.

В то время я жил в СССР и хорошо помню настоящий психоз, который охватил всю страну после того, как было оглашено послание. У меня было впечатление, что не было ни одного предприятия, учреждения или вуза, где по команде партийных властей не был бы организован митинг протеста против вмешательства «безответственных» поляков во внутренние дела советского рабочего класса. Сотни тысяч людей обязаны были громко обвинять «Солидарность» в предательстве интересов трудящихся и вмешательстве во внутренние дела Страны Советов.

Проводившаяся с размахом кампания достигла цели, весьма далекой от замысла организаторов. Гневное возмущение деятельностью «Солидарности», демонстрировавшееся на митингах специально подобранными партийными и профсоюзными чиновниками, часто было лишь видимостью. Тем более что почти никто из армии протестующих обращения «Солидарности» даже не читал. Их возмущение опиралось исключительно на партийные директивы. Они обязаны были протестовать, не вполне представляя, против чего и против кого протестуют. А те немногие, кто из подвергающихся мощной заглушке «вражеских голосов» кое-что знал о том, что происходило на I съезде «Солидарности», предпочитали молчать.

Такие розыгрыши могли быть успешными в атмосфере всеобщего страха, такого, какой господствовал в сталинские времена. А когда до горбачевской перестройки оставалось всего четыре года, их эффективность вызывала серьезные сомнения.

Текст «Послания к трудящимся Восточной Европы» был лаконичен:

«Делегаты, собравшиеся в Гданьске на I съезд независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность», приветствуют рабочих Албании, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Румынии, Чехословакии и всех народов Советского Союза и выражают им свою поддержку. Как первый независимый профсоюз в нашей истории, мы глубоко ощущаем единство наших судеб. Заверяем вас, что вопреки лжи, распространяемой в ваших странах, мы являемся подлинным 10-миллионным представительством трудящихся, возникшим в результате рабочих забастовок. Наша цель — борьба за улучшение существования всех трудящихся. Мы поддерживаем тех из вас, кто

решился вступить на трудный путь борьбы за свободное профсоюзное движение. Мы верим, что уже скоро ваши и наши представители смогут встретиться, чтобы обменяться опытом» (перевод: «Континент» №29, 1981).

Последние фразы о поддержке тех, кто выбрал «путь борьбы за свободное профсоюзное движение», были явным ответом на послание съезду «Солидарности» от Учредительного комитета свободных профсоюзов в СССР, где, в частности, говорилось:

«Ваша борьба за права простых людей в Польше — это и наша борьба. Все, чем вы способствуете гибели лжи и лицемерия, осуществлению фундаментальных нужд трудящихся, ослабляет и наш режим. Польша не станет свободной, пока не станет свободной Россия. (...) «Солидарность» сегодня указывает нам путь»*.

Провалившаяся кампания

В письме советских диссидентов были и слова о том, что «наше рабочее движение только рождается», выражена надежда, что и в СССР «рабочие порвут пути государственных профсоюзов».

Кем были люди, направившие польским профсоюзникам такое послание? Кто их поддерживал? Действительно ли в начале 80-х в СССР были люди, которые пытались учреждать свободные профсоюзы?***

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, хочу отметить один феномен. Проводившаяся с широким размахом кампания, целью которой было заклеить «Солидарность», не возбудила ожидавшейся властями враждебности к польским рабочим. Скорее она устроила своего рода рекламу «Солидарности» и ее борьбе за права трудящихся. Для многих русских, украинцев, белорусов, прибалтов и представителей других национальностей Советского Союза «Солидарность» благодаря этой кампании перестала быть чем-то далеким и непонятным. Откровенно возрос интерес к независимому профсоюзу, легально действующему в соседней социалистической стране. В СССР этот интерес усиливался еще тем, что польские профсоюзники ответили на послание учредительного комитета свободных профсоюзов в их собственной стране. Текст его неоднократно передавался и комментировался почти всеми западными радиостанциями.

Вокруг письма, оглашенного на съезде «Солидарности» будущим лидером подпольной «Сражающейся Солидарности» Корнелем Моравецким, до сих пор существует много неясностей и разночечий. В этой статье я попробую поставить все — или почти все — точки над «i».

Группа московских социалистов

Идея направить письмо съезду «Солидарности» родилась среди московских диссидентов, которых «Хроника текущих событий» определяет как «группу московских социалистов». Неформальным лидером группы был Андрей Фадин. Главным идеологом и автором большинства программных документов

* Приводится по: «Континент» №30, 1981, где письмо дано в обратном переводе с польского. Русский оригинал, по всей видимости, не сохранился (см. далее рассказ автора статьи об истории возникновения текста). — *Здесь и далее прим. Н. Горбаневской.*

** Такие люди были в СССР уже в 1977-1978 гг., когда был учрежден первый Свободный профсоюз (известный как «профсоюз Клебанова»), а вслед за ним — СМОТ (Свободное меж-профессиональное объединение трудящихся). Имена учредителей были объявлены, и на протяжении конца 70-х — первой трети 80-х первые ростки свободного профсоюзного движения были удушены тяжкими репрессиями. Тем не менее временно уцелевшие от репрессий и прибавлявшиеся к ним новые члены СМОТА продолжали выпускать «Информационный бюллетень», на страницах которого важное место занимали польские события. В частности, здесь было напечатано и «Послание к трудящимся Восточной Европы».

Что касается описываемого автором Учредительного комитета свободных профсоюзов, то и сам автор дальше признает, что никакой больше деятельности этот комитет не про-

водил, т.е. послание съезду «Солидарности» было его единственным актом. Зато принято считать, что из этой группы вышло обращение к польским рабочим после объявления военного положения, авторы которого пишут: «Мы, социалисты, социал-демократы и все честные люди России, присоединяемся к миллионам людей, желающих вам победу».

Можно отчасти согласиться с Н. Ивановым, когда он пишет, что документ съезда «Солидарности» был ответом на полученное из Москвы письмо. Оно было опубликовано в крупнейшем информационном издании независимого профсоюза «АС» («Агентство Солидарность») 30 августа 1981 г., а потом и прочитано с трибуны съезда. Но, безусловно, послание «Солидарности» было ответом не на одно только это письмо, а еще и на хорошо известные в Польше попытки организовать свободные профсоюзы в СССР и Румынии, по времени совпавшие с учреждением первых свободных профсоюзов в Силезии и городах Балтийского побережья Польши. Представители всех этих профсоюзов за границей контактировали друг с другом и информировали своих товарищей на родине о том, что происходит в

— Павел Кудюкин. Среди активных членов группы были также Борис Кагарлицкий, Юрий Хавкин, Михаил Ривкин, Владимир Чернецкий, Григорий Зайченко, Олег Буховец, Сергей Карпок. В большинстве своем они были студентами истфака МГУ, где и познакомились.

Первый опыт диссидентской деятельности Андрея Фадына и Павла Кудюкина относится еще к студенческим временам. На доске факультетской стенгазеты они поместили свою статью, призывавшую к демократизации политической жизни в СССР. Текст вызвал серьезный скандал, который факультетскому руководству едва удалось замять.

Первый опыт убедил лидеров группы в необходимости вести оппозиционную деятельность в условиях строгой конспирации. Поэтому им сравнительно долго удавалось действовать и оставаться незамеченными. Большинство членов группы были арестованы весной и летом 1982 года. Но причиной этого было не обращение к съезду «Солидарности», а другие — по мнению властей, серьезные — провинности.

Участники группы в то время отождествляли себя с марксизмом и разделяли мнение о необходимости улучшения социализма советского типа. Однако взгляды членов группы не характеризовал т.н. неоленинизм, в свое время довольно распространенный в оппозиционных кругах. «Молодые московские социалисты» отождествляли себя скорее с демократическим социализмом «шведского» типа. Тем не менее во время следствия их обвиняли в умысле на насильственное свержение советского строя. Речь шла о «Союзе коммунаров», создание которого проектировал Павел Кудюкин по образцу Парижской коммуны.

Попытка свержения в ста экземплярах

«Подрывной», по мнению властей, «Союз коммунаров» так никогда и не был создан. Однако идея его создания довольно часто обсуждалась на страницах издаваемых группой самиздатских журналов: «Варианты», «Левый поворот», «Социализм и будущее». Следователи КГБ установили, что члены группы размножили на пишущей машинке и распространили около ста экземпляров своих журналов. На самом деле их общий тираж был больше.

Возникновение «Солидарности» было для «молодых социалистов» дыханием свежего ветра, знаком надежды, подтверждением, что избранный ими путь, направленный на пробуждение рабочего класса в государствах коммунистического лагеря, верен. Они ловили в западных радиопередачах всякую новость о польском свободном профсоюзе, часами обсуждали, как использовать опыт поляков в условиях Советского Союза. Я был свидетелем и участником этих разговоров.

Деятельность группы «молодых социалистов» была направлена на создание в условиях тогдашнего Советского Союза сильной, сравнительно многочисленной и эффективной подпольной организации, способной затронуть рабочий класс и побудить его к открытому протесту. Образцом для них был польский Комитет защиты рабочих (КОР), а позднее — и «Солидарность». Пока было возможно, я подписывался на «Жиче Варшавы» и «Политику», из которых что-то можно было узнать о положении в ПНР.

Обсуждали вопрос создания подпольных типографий, способных печатать тысячи листовок. Велась подготовка к «хождению в народ». Андрей Фадин перед арестом собирался уволиться с работы и пойти простым рабочим на предприятие, чтобы вести пропагандистскую деятельность среди рабочего класса.

других странах соцлагеря. Еще шире эта информация распространялась в эпоху легальной «Солидарности». У СМОТа, по-видимому, были и прямые контакты с «Солидарностью» — в редакционной статье 25-го номера, посвященной введению военного положения в Польше, между прочим, говорится: «В марте нынешнего [1981-го] года мы предупреждали «Солидарность» о тайной войне «ястребов»...» К сожалению, ни предыдущего номера (№23-24), где содержится материал «Россия и Польша» (может быть, с откликами на послание съезда «Солидарности» трудящимся Восточной Европы?), ни следующего, который редакция обещала целиком посвятить Польше (да и вышел ли он?), мне пока найти не удалось.

Выходя за рамки узкой темы о ростках свободного профсоюзного движения, стоит отметить, что послания

съезду «Солидарности» направили и советские политзаключенные. Мне известно два таких обращения:

«Мы с вами, наши дорогие польские братья, в ваш звездный час. Григорян, Жгенти, Маринович, Монаков, Некипелов, Огородников, Сафронов». Авторы — политзаключенные 36-й зоны Пермских политлагерей; опубликовано в «Русской мысли» и в «Континенте».

«Приветствуем вашу борьбу за вашу и нашу свободу, ваше стремление построить общество демократического социализма Русская, украинская, литовская и латышская оппозиция выражают вам солидарность». Это письмо, которое написали заключенные 3-й зоны мордовских политлагерей В.Осипов, Е.Анцупов, Ю.Бадзьо, Д.Мазур, В.Скуодис, А.Янулис и Зариньш, было опубликовано в «Хронике текущих событий».

Кроме своих самиздатских журналов «молодые социалисты» перепечатывали на машинке книги Солженицына, Оруэлла, Фридриха фон Хайека и других запрещенных авторов. Среди изъятого на обысках были «Посев», «Континент», «Грани», «Хроника текущих событий», документы Московской Хельсинкской группы.

Обучение конспирации

С Андреем Фадиным и Павлом Кудюкиным я познакомился через их друга и однокурсника Олега Буховца, который в 1977 г., окончив истфак МГУ, был взят в Институт истории АН Белорусской ССР, где я работал. Тогда деятельность «московских социалистов» только-только начиналась.

Интеллектуальный уровень друзей Буховца, их свободные речи и восхищение польским оппозиционным движением произвели на меня, человека из советской провинции, огромное впечатление. Вскоре мы подружились, и я стал членом их группы, завсегдаем диссидентских разговоров.

Знаменательным было отношение Фадына и Кудюкина к конспирации. Фадин создал сложно устроенную систему конспирации, правилам которой должны были подчиняться все члены организации и ее окружение. Вначале это выглядело несколько инфантильным и даже наивным, но во время следствия, когда многие вещи удалось скрыть от КГБ, мы убедились в правильности на вид преувеличенных мер Андрея. А в 1981-1982 гг. ГБ уже вплотную ходило за социалистами и их арест был только вопросом времени.

В 1979 г. я женился на польке, вроцлавянке. Фадин и Кудюкин отнеслись к этой перемене в моей личной жизни как к замечательной возможности установить контакты с «Солидарностью», а при случае — и сотрудничество. С тех пор наши отношения стали глубоко законспирированными. Иногда я несправедливо нервничал, когда Андрей часами заставлял меня менять маршрут в метро, пока не был уверен, что за нами нет «хвоста». Почти никогда мы не говорили по телефону. Встречались в нескольких заранее установленных, трудно поддающихся расшифровке местах. Главным конспиративным связным между нами была машинистка Фадына Ольга Иванова.

И все-таки эта конспирация не спасла меня от КГБ. Меня вызывали на допросы, угрожали судить. Не позволили поехать в Польшу, к жене и сыну. На постоянное жительство в Польшу я приехал только в 1985 г., уже во время перестройки.

Лучший тайник — голова

В 1981 г. советские власти закрыли польскую границу для частных поездок. Это касалось и меня, несмотря на жену и сына в Польше. Существовала, однако, возможность обойти запрет. Во Вроцлаве у нас был знакомый врач — потом в подполье он стал активистом «Сражающейся Солидарности», — который обещал дать справку о тяжелой болезни ребенка. На этом основании, получив соответствующие документы из Польши, я мог рассчитывать, что мне разрешат краткую поездку к семье. Ехал я с письмом съезду «Солидарности» в голове.

Идею обращения выдвинул Андрей Фадин. Мы обсуждали этот вопрос в конце весны 1981 года. Фадин доказывал, что люди в Польше должны узнать, что борьба «Солидарности» за права рабочих не осталась без отклика в самой большой стране социалистического лагеря, что в СССР есть люди, которые хотят пойти путем, проложенным «Солидарностью». Текст был написан в одном московском парке в июне того же года. Написали его Андрей Фадин и автор этих строк. Записали мы письмо шифром, а перед отъездом в Польшу я выучил его наизусть. Угрозы провала на границе не было.

Под документом была поставлена подпись: «Учредительный комитет свободных профсоюзов в СССР». Идея создания свободных профсоюзов в СССР рассматривалась среди «молодых социалистов» задолго до 1980 года. Однако это были чисто теоретические дискуссии, которые только после польского Августа и создания «Солидарности» приобрели реальную основу. Но конкретные действия в этом направлении так и не были предприняты. Сначала не было никаких возможностей, а потом руководство группы было арестовано.

В Польше путь письма был простым. Во Вроцлаве я с лета 1980 г. дружил с активистом «Солидарности», делегатом съезда Корнелем Моравецким, позднее в подполье учредителем и лидером «Сражающейся Солидарности». Он и прочитал наше письмо с трибуны.

Игра на жизнь или смерть

Наши первые отклики на известие о том, что план доставки обращения удался, были триумфальными. Однако вскоре под влиянием крайне нервной реакции властей на «вмешательство «Солидарности» во внутренние дела СССР» триумф превратился в подавленность. Мы поняли, какую бурю ярости вызвали. Был и страх перед репрессиями. О съезде «Солидарности», который старательно замалчивали советские СМИ, внезапно узнала вся страна. Это явно превзошло наши ожидания.

Я неслучайно употребил слово «страх». Советская тоталитарная система была куда более грозной и жестокой, чем польская. К востоку от Буга ставкой в игре были жизнь и смерть, а не свобода и тюрьма. Тем не менее никто и не подумал прекращать деятельность. После ареста членов группы среди вещественных доказательств оказались десятки изъятых на обысках листовок с текстом «Послания 1-го съезда «Солидарности» трудящимся Восточной Европы» на русском языке. Молодые социалисты стремились в меру своих ограниченных возможностей распространять правду о борьбе польских рабочих, правду о том, что происходит в ПНР. Однако перед лицом механизма тоталитарного государства они были бессильны.***

odra

Николай Иванов — в 1989-2004 гг. сотрудник белорусской и северокавказской редакций радио «Свобода». Автор ста с лишним научных и публицистических трудов. За книгу «Первый наказанный народ. Поляки в Советском Союзе. 1921-1939» получил премии «Политики» и имени президента Эдварда Рачинского (Лондон). Учредитель и на протяжении многих лет председатель организации «Охрана польских могил на востоке». В настоящее время профессор Опольского университета. В 80-е годы тайно сотрудничал с парижской «Русской мыслью», в частности доставил в редакцию белорусский текст экспертизы вскрытия массовых могил в Куропатах, в русском переводе целиком опубликованный как спецприложение к газете.

*** Следует добавить несколько слов о том, чем кончилось ныне уже забытое (в немалой степени — стараниями самих главных участников) «дело молодых социалистов».

«6 апреля 1982 года были арестованы Андрей Фадин, Павел Кудюкин, Борис Кагарлицкий, Юлий Хавкин, Владимир Чернецкий, а несколько позже — Михаил Ривкин в Москве и Андрей Шилков в Петрозаводске. Их обвинили в «антисоветской пропаганде» и в создании антисоветской организации, но — случай почти беспрецедентный — заступничество западных коммунистических и социалистических партий и согласие «раскаяться» привело к освобождению от суда всех, кроме Шилкова и отказавшегося от раскаяния Ривкина» (Л.Алексеева. История инакомыслия. На основе анонимного документа, составленного В.Прибыловским). Михаил Ривкин получил семь лет лагеря и пять — ссылки (то есть высший предел по ст.70), Андрей Шилков — три плюс три.

О поведении лидеров группы на следствии и суде говорят по-разному. Владимир Прибыловский, автор сообщения о «деле социалистов» (отправленного прямо на Запад; «Хроника» уже не выходила — в двух ее последних номерах сведения только об аресте и ходе следствия), в недавнем интервью Алексею Пятковскому (сайт «Игрунов.ру») говорит: «Да, насчет «поколотись» и «всех заложить» — я, так сказать, живое свидетельство, что не все и не всех. То есть, они, конечно, дали показания на себя и отчасти друг на друга, что противоречит диссидентской этике. (...) Но еще не попавшихся людей они старались не впутывать. (...) ...о том, что я имел отношение к группе, знали и Кудюкин, и Фадин, и Кагарлицкий (Борис, правда, мою фамилию тогда вроде не знал). Никто из них меня на следствии не назвал. Если б кто назвал, со мной были бы совсем другие разговоры в ГБ. Ну а больше всех про меня знал — тоже без фамилии, правда — Миша Ривкин, который вел себя на допросах вообще героически. (...)

С Ривкиным мы встречались и незадолго до его ареста. Он спросил: «Ты как, собираешься это дело продолжать?» Я говорю: «Пока еще да — годочек собираюсь». Он: «А я ухо-

жу. Но перед этим я сведу тебя с кем-то другим». Я спрашиваю: «А в чем дело?» Он: «Меня достало и это подполье, и этот социализм. Я лучше примкну к какой-нибудь открытой диссидентской группе и буду правами человека заниматься».

Это был наш предпоследний разговор перед его арестом. А буквально за несколько дней перед началом этих арестов мы с Ривкиным случайно столкнулись в метро, и он сказал, что всё, он точно уходит, и что на нашей следующей встрече он меня кому-то передаст. А следующей встречи не получилось, потому что его арестовали. Так как на суде и следствии он не раскололся и отказался каяться, то ему дали по полной — семь плюс пять».

Иначе оценивал поведение своих поделщиков Андрей Шилков: «...не все причастные к тому делу держались после ареста достойно. Если Михаил Ривкин получил 7 лет лагеря и 5 ссылки, то большинство его поделщиков, дав «откровенные» показания, вышли после следствия на свободу. Как, например, нынешний лидер Партии труда Борис Кагарлицкий, который сегодня пытается оболгать Михаила Ривкина. Оправдывая свое предательство, он стремится доказать, что в то время нужно было не садиться, а, сохранившись, донести «святую искру» да наших дней... Другой — Паша Кудюкин — стал замминистра труда в правительстве России. Если после суда над Ривкиным он каялся в своей слабости и не пытался оправдаться, то месяц назад заговорил иначе: «Ну сели, так сели, а я здесь причём? Мишка — сам дурак, дал бы показания, его бы выпустили...»

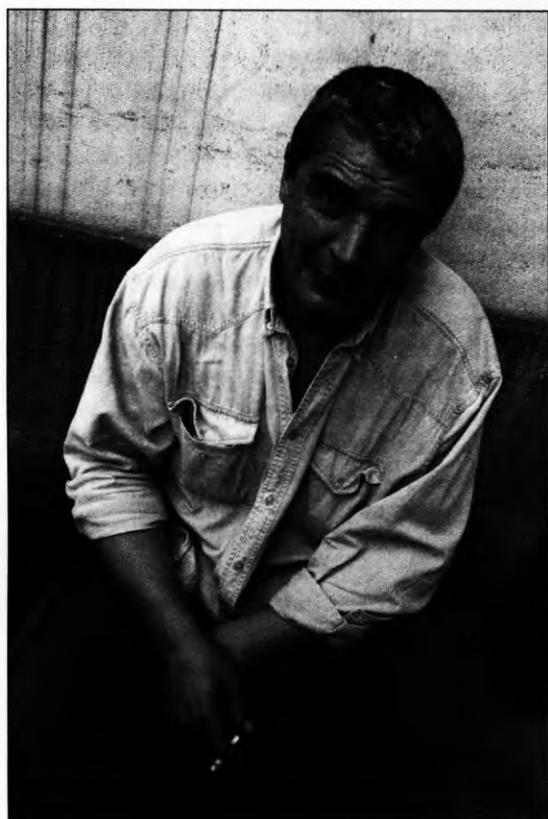
Кстати, Прибыловский в своем интервью, целиком посвященном самиздату, рассказывает (безотносительно к «группе социалистов»):

«Еще наша университетская общежитская компания размножала... Сколько там их было — требований польских рабочих? «Двадцать одно требование»? Я достал канадскую (даже не английскую) коммунистическую газету (она тогда продавалась), где они были напечатаны на английском языке. Мой однокурсник Владик Зубок перевел их мне, а я их размножил».

Лешек Шаруга

ОТСТРАНЕННОСТЬ И СОЧУВСТВИЕ

Анджея Стасюка (род. 1960) часто, исходя из его возраста, относят к поколению «Брульона» — журнала, нелегально издававшегося во второй половине 80-х, который сторонился как пропаганды, так и «высокого штиля» политической оппозиции. Стасюк был связан с оппозиционной группой «Свобода и мир»; полтора года он провел в тюрьме за отказ продолжать военную службу — после того как не вернулся в часть из увольнения. Этот опыт, мне кажется, повлиял на характер его творчества. Основанные на тюремных впечатлениях рассказы, вошедшие в его первый сборник «Стены Хеврона» (1994), как и ряд позднейших произведений Стасюка, можно определить как квазирепортаж. Внима-

ние критики привлекла не столько экзотическая среда, которая там показана (хотя она тоже весьма любопытна), сколько сам языковой строй этой прозы. Впрочем, то же можно сказать и о следующей книге писателя — «Белый ворон» (1994), по которой Ежи Залевский в 1995 г. снял фильм «Поганцы». Рецензент «Газеты выборчей» подчеркивал: «Содержание „Белого ворона“ вызывает у меня сомнения, но язык романа местами просто блистательный».

Что же это за язык? В отношении Стасюка, безусловно, уместно употребить термин «поэтизация прозы». Эта тенденция в его творчестве усиливается от книги к книге, особенно ярко она проявляется в таких вещах, как «Галицийские рассказы» и «Дукля», где предметом художественного освоения становятся пограничные пространства, периферия. Здесь Стасюк опирается и на традиции «литературы кресов» (т.е. восточных окраин Польши), обращаясь прежде всего к таким авторам, как Зигмунт Хаупт (к сборнику его рассказов Стасюк написал послесловие, которое подтверждает их родство*), Ежи Стемповский и Станислав Винценц, чья многотомная эпопея «На высокой полонине» стала важной вехой на пути литературного становления писателя. Ну и не стоит забывать о «genius loci», духе местности, пусть изменившемся, но не исчезнувшем, несмотря на все исторические потрясения XX века.

Однако дело не только в насыщенности прозы Стасюка поэтическими элементами. Писатель обладает редким даром наблюдения и обобщения. Вот прекрасный пример из его последней книги «По дороге в Бадабаг» (2004), награжденной важнейшей в Польше премией «Нике»:

*Сборник рассказов З.Хаупта «Бумажный перстень» вышел в издательстве «Чарне» в 1999 г. — *Здесь и далее прим. пер.*

«Я прихватил домой буклет, который нашел на каком-то постоялом дворе около хорватской границы. В цветной брошюрке вместе с рекламой трактиров, гостиниц и кемпингов была напечатана маленькая карта Европы. Испания со своим Мадридом, Франция — с Парижем, Швейцария — с Цюрихом, Австрия — с Веной и т.д. На юг и восток от Праги и Будапешта начиналась некая terra incognita: у государств не было столиц, а некоторые и сами отсутствовали. Не было Словакии; Молдавия, Украина и Белоруссия растворились в высошем море бывшей империи».

В этом смутном пространстве Стасюк передвигается уже давно. В произведении «Середина лета, Плоскогорье»** он признается:

«Не будет сюжета с его обещанием начала и надеждой на конец. Сюжет — отпущение грехов, мать дураков, но он исчезает в свете забрезжившего дня. Темнота или слепота придают вещам смысл, когда разуму приходится искать пути во мраке и он светит сам».

Но не стоит, конечно, принимать эти слова до конца всерьез. Хотя Стасюк, скорее, мастер малых форм, и его романы не столь убедительны, как рассказы, перипетии созданных им сюжетов увлекают читателя. Только происходит это по несколько иным причинам, чем, например, в классической литературе. Стасюк, как мне кажется, нашел для своей прозы место на границе литературы и репортажа. Рискну высказать предположение, что при всем своеобразии творчества Рышарда Капустинского, Ханны Краль и самого автора «По дороге в Бабадаг», это созвездие современных польских писателей

объединяет нечто общее. Их тексты — к какому бы из традиционных жанров их ни относили — совмещают в себе литературный репортаж и поэтическое эссе, в основе которого лежит глубокое переживание истории. В них сочетаются внимание к детали и способность к обобщению, отстраненность и сочувствие.

Каждый из этих писателей идет своим путем, имеет свою, четко определенную тему. Но их объединяет попытка уловить смысл происходящих в мире перемен как следствия современного исторического опыта. Капустинского интересуют глобальные изменения, Краль — осознание (или неосознание) значения Катастрофы, Стасюк же пытается проникнуть в особое самоощущение периферии, существующей на стыке культур, и спасти его от исчезновения. Пограничные области не просто находятся вне центра (по определению), они своим самоощущением этот центр отрицают — в чем, как мне кажется, и заключается самая суть рассказа, который Стасюк ведет из книги в книгу. Лишь область Бескид писатель исключает из понятия пограничья, хотя она, несомненно, играет здесь особую роль. Стасюк отправляется дальше, вглубь отвергаемых, но продолжающих жить своей жизнью территорий «другой Европы», без которых Париж и Брюссель, даже не отдавая себе в этом отчета, не могли бы существовать в своем теперешнем виде. Эти тонкие, едва ощутимые связи — в свое время рассмотренные Стемповским в превосходном эссе «От Бердичева до Рима» — превратились теперь в основной мотив творчества Стасюка.

* *Опубликовано в журнале «Контексты», № 3-4 за 1995 год.

Анджей Стасюк

Перевод Марины Курганской

ПО ДОРОГЕ В БАБАДАГ

(отрывки)

ТОТ СТРАХ

Да, это тот страх, те поиски, следы, истории, происшествия, которые должны заслонить собой недостижимую линию горизонта. Снова ночь, и все отдаляется, теряется под покровом черного неба. Я совсем один и заставляю себя вспоминать разные случаи, потому что на меня накатывает страх перед бесконечностью. Душа растворяется в пространстве, как капля в пучине моря, но я слишком труслив, чтобы сделать это своей верой, слишком стар, чтобы смириться с утратой, и еще я знаю, что только в видимом можно найти утешение, что только в теле мира мое тело найдет приют. Я хочу, чтобы меня похоронили во всех тех местах, где я побывал и еще побываю. Голову среди зеленых гор Земплени-Хедьшег, сердце где-нибудь в Трансильвании, правую ладонь — в Черной-Горе¹, левую — в Спишской-Беле, зрение — на Буковине, обоняние — в Рашинари, сознание, может, где-то здесь... Так я думаю этой ночью, когда в темноте шумит вода и оттепель отмывает землю от белых пятен снега. Я вспоминаю те давние времена, когда очень многие пускались в путь, твердя, как заклинание, названия далеких городов: Париж, Лондон, Берлин, Нью-Йорк, Сидней... Для меня они были лишь красными или черными точками на карте, затерявшимися среди зеленой или голубой бесконечности. Я не умел пленяться просто звуками. Происшествия, с ними связанные, — фикция, способ занять время и разогнать скуку. В ту давнюю пору каждое далекое путешествие каза-

лось побегом. Попахивало истерикой и отчаянием.

Как-то летом восемьдесят третьего или четвертого я доехал автостопом до Слубице и на противоположном берегу реки увидел Франкфурт. Близился вечер. Влажный серо-голубой воздух

поднимался над водой. Гэдээровские высоты и заводские трубы казались угрюмыми и нереальными. Ржавое солнце, казалось, вот-вот погаснет. Все на той стороне было мертвым и совершенно неподвижным, словно догорало после большого пожара. Только в речном запахе еще чудилось что-то человеческое — тление, разложение, рыбий ил, — но я не сомневался, что там, на другом берегу, этот запах внезапно исчезал. Во всяком случае, я вернулся об-

ратно и в тот же вечер снова стоял на шоссе, чтобы отправиться восвояси, на восток. Как собака — обнюхал чужую территорию и пошел своей дорогой.

Заграничного паспорта у меня тогда, конечно, не было, да мне и в голову не приходило его выправить. Сочетание двух слов: «свобода» и «паспорт» — звучало довольно красиво, но совершенно неубедительно. Определенность понятия «паспорт» не гармонировала со «свободой», которая казалась отрицанием определенности. Не исключено, что где-то в окрестностях Гожува мои мысли сложились во фразу наподобие: «Свобода или есть, или ее нет, и всё». Просто мне моей страны хватало, поскольку меня не интересовали ее границы. Я жил внутри нее, в глубине, и эта глубина перемещалась вместе со мной. Я не предъявлял к пространству никаких требований, ничего от него не ожидал. Выходил из дома до восхода солнца,

¹ Горы на территории Западной Украины. — *Здесь и далее прим. пер.*

чтобы успеть на желто-голубую электричку до Жирардува. Она отправлялась с Восточного вокзала, проезжала центр, за окнами разматывались золотые и серебряные ленточки огней. В вагоне становилось теснее. На мужчинах заношенные пиджаки. Большинство выходили в Урсусе и двигались на свет — к ледяному сиянию завода. Десятки, сотни темных фигур, едва различимых во мраке, и только за воротами их охватывало ртутное свечение, словно они входили в гигантский костел. Я оставался почти один. Пассажиры снова начинало прибывать где-то ближе к Милянувеку, в Гродзиске, но среди них уже преобладали женщины, потому что Жирардув — это текстильная промышленность, шитье, ткань и все такое. Черный табак, кислотоватый душок бутербродов из папок на молнии, отдающих клеенкой, аромат дешевых духов и мыла. Ночь отрывалась от земли, и сквозь расширяющиеся щели дня уже можно было заметить будки путевых обходчиков и их самих, стоящих по стойке смирно, выставив на показ оранжевые флажки, коров по брюхо в тумане и последние забытые огни в домах.

Жирардув — красный и кирпичный. Выходил я вместе со всеми. Человек в общем-то праздный, я делал это из уважения к тем, кому приходится вставать ни свет ни заря, ибо без них мир так и остался бы игрой красок или метеодрамой. Я выпивал стакан крепкого чая в привокзальном буфете и ехал обратно, чтобы через день-два снова отправиться в путь на север или восток без видимой цели. Как-то летом проехал 72 часа без перерыва. Поддерживал беседу с водителями грузовиков. Их слова заполняли кабину, складываясь в гигантские замедленные монологи, текущие откуда-то из пространства, — так действовали усталость и бессонница. Пейзаж за окном то приближался, то отступал, пока не застыл, замер, словно время решило, наконец, сдать. Рассвет где-нибудь в Пуцке на обочине шоссе, полоса перистых облаков над Пуцкой бухтой, выскользнувшее из-под них светлое острие забрезжившего дня и холодный запах моря, пронизанный скрипучим криком чаек. Кажется, я

добрался тогда до самого берега и проспал несколько часов где-то у дороги, потом подъехал пикап и водитель сказал, что едет через всю страну на юг, и это было в сто раз интереснее, чем скука приливов и отливов, — итак, я вскочил в кузов и, завернувшись в одеяло, задремал под хлопающим брезентом. В полусне мне являлись минувшие пейзажи вперемежку с фантазмагориями, будто я наблюдал то, что видит кто-то другой. Варшаву проскочили незаметно, словно чужой город, и мое сердце даже не дрогнуло. На зубах скрипела пыль, поднимающаяся с дощатого пола. Я пересекал страну, как незнакомый материк. Terra incognita между Радомом и Сандомиром. Небо, деревья, дома, земля — все это могло быть где угодно. Я перемещался в пространстве, у которого не было никакой истории, никакой судьбы, никаких достойных памяти свершений. Где-то у подножия Пепшовых гор² я был первым человеком, и все здесь начиналось с меня. Время сдвигалось с места, а вещи и пейзажи начинали стареть лишь тогда, когда я касался их взглядом. За Тарнобжегом я постучал по кабине. Меня так поразили размеры серного карьера, что я решил выйти. Гигантские экскаваторы стояли на дне пропасти. Мне было все равно, откуда они взялись. Я был волен представить, что они упали с неба, чтобы вгрызться в землю, пробить ее, прокопать насквозь до самой изнанки, и тогда через эту огромную скважину хлынул бы сюда поток, и безмерность вод затопила бы все, а с той стороны осталась бы пустыня. Адовы испарения поднимались над этим местом, но я не мог оторвать глаз от чудовищной ямы, чья мертвенность наводила на мысль о могиле, свалке тел, об inferнальном холоде. Внизу царила полная неподвижность. Наверное, было воскресенье, если в таких местах вообще действителен календарь. И

добрался тогда до самого берега и проспал несколько часов где-то у дороги, потом подъехал пикап и водитель сказал, что едет через всю страну на юг, и это было в сто раз интереснее, чем скука приливов и отливов, — итак, я вскочил в кузов и, завернувшись в одеяло, задремал под хлопающим брезентом. В полусне мне являлись минувшие пейзажи вперемежку с фантазмагориями, будто я наблюдал то, что видит кто-то другой. Варшаву проскочили незаметно, словно чужой город, и мое сердце даже не дрогнуло. На зубах скрипела пыль, поднимающаяся с дощатого пола. Я пересекал страну, как незнакомый материк. Terra incognita между Радомом и Сандомиром. Небо, деревья, дома, земля — все это могло быть где угодно. Я перемещался в пространстве, у которого не было никакой истории, никакой судьбы, никаких достойных памяти свершений. Где-то у подножия Пепшовых гор² я был первым человеком, и все здесь начиналось с меня. Время сдвигалось с места, а вещи и пейзажи начинали стареть лишь тогда, когда я касался их взглядом. За Тарнобжегом я постучал по кабине. Меня так поразили размеры серного карьера, что я решил выйти. Гигантские экскаваторы стояли на дне пропасти. Мне было все равно, откуда они взялись. Я был волен представить, что они упали с неба, чтобы вгрызться в землю, пробить ее, прокопать насквозь до самой изнанки, и тогда через эту огромную скважину хлынул бы сюда поток, и безмерность вод затопила бы все, а с той стороны осталась бы пустыня. Адовы испарения поднимались над этим местом, но я не мог оторвать глаз от чудовищной ямы, чья мертвенность наводила на мысль о могиле, свалке тел, об inferнальном холоде. Внизу царила полная неподвижность. Наверное, было воскресенье, если в таких местах вообще действителен календарь. И

добрался тогда до самого берега и проспал несколько часов где-то у дороги, потом подъехал пикап и водитель сказал, что едет через всю страну на юг, и это было в сто раз интереснее, чем скука приливов и отливов, — итак, я вскочил в кузов и, завернувшись в одеяло, задремал под хлопающим брезентом. В полусне мне являлись минувшие пейзажи вперемежку с фантазмагориями, будто я наблюдал то, что видит кто-то другой. Варшаву проскочили незаметно, словно чужой город, и мое сердце даже не дрогнуло. На зубах скрипела пыль, поднимающаяся с дощатого пола. Я пересекал страну, как незнакомый материк. Terra incognita между Радомом и Сандомиром. Небо, деревья, дома, земля — все это могло быть где угодно. Я перемещался в пространстве, у которого не было никакой истории, никакой судьбы, никаких достойных памяти свершений. Где-то у подножия Пепшовых гор² я был первым человеком, и все здесь начиналось с меня. Время сдвигалось с места, а вещи и пейзажи начинали стареть лишь тогда, когда я касался их взглядом. За Тарнобжегом я постучал по кабине. Меня так поразили размеры серного карьера, что я решил выйти. Гигантские экскаваторы стояли на дне пропасти. Мне было все равно, откуда они взялись. Я был волен представить, что они упали с неба, чтобы вгрызться в землю, пробить ее, прокопать насквозь до самой изнанки, и тогда через эту огромную скважину хлынул бы сюда поток, и безмерность вод затопила бы все, а с той стороны осталась бы пустыня. Адовы испарения поднимались над этим местом, но я не мог оторвать глаз от чудовищной ямы, чья мертвенность наводила на мысль о могиле, свалке тел, об inferнальном холоде. Внизу царила полная неподвижность. Наверное, было воскресенье, если в таких местах вообще действителен календарь. И

добрался тогда до самого берега и проспал несколько часов где-то у дороги, потом подъехал пикап и водитель сказал, что едет через всю страну на юг, и это было в сто раз интереснее, чем скука приливов и отливов, — итак, я вскочил в кузов и, завернувшись в одеяло, задремал под хлопающим брезентом. В полусне мне являлись минувшие пейзажи вперемежку с фантазмагориями, будто я наблюдал то, что видит кто-то другой. Варшаву проскочили незаметно, словно чужой город, и мое сердце даже не дрогнуло. На зубах скрипела пыль, поднимающаяся с дощатого пола. Я пересекал страну, как незнакомый материк. Terra incognita между Радомом и Сандомиром. Небо, деревья, дома, земля — все это могло быть где угодно. Я перемещался в пространстве, у которого не было никакой истории, никакой судьбы, никаких достойных памяти свершений. Где-то у подножия Пепшовых гор² я был первым человеком, и все здесь начиналось с меня. Время сдвигалось с места, а вещи и пейзажи начинали стареть лишь тогда, когда я касался их взглядом. За Тарнобжегом я постучал по кабине. Меня так поразили размеры серного карьера, что я решил выйти. Гигантские экскаваторы стояли на дне пропасти. Мне было все равно, откуда они взялись. Я был волен представить, что они упали с неба, чтобы вгрызться в землю, пробить ее, прокопать насквозь до самой изнанки, и тогда через эту огромную скважину хлынул бы сюда поток, и безмерность вод затопила бы все, а с той стороны осталась бы пустыня. Адовы испарения поднимались над этим местом, но я не мог оторвать глаз от чудовищной ямы, чья мертвенность наводила на мысль о могиле, свалке тел, об inferнальном холоде. Внизу царила полная неподвижность. Наверное, было воскресенье, если в таких местах вообще действителен календарь. И

² Расположены в восточной части Сандомирской возвышенности. Здесь находится лесной заповедник.

вообще это была не Польша, эта вереница картин, это была не страна, а повод. Очень возможно, что человек осознает свое существование только тогда, когда чувствует кожей прикосновение безымянного пространства, которое соединяет нас с древнейшим временем, со всеми умершими, с началом истории, когда сознание только отделялось от мира и не ощущало еще своего сиротства. Высовываешь руку из окна грузовика, и между пальцами течет древность. Да, это была не Польша, это было первобытное одиночество. Это могло быть где угодно — в Томбукту или на Кейп-Код. Справа Бараново, «жемчужина Ренессанса», — проезжал мимо, наверное, раз десять, но ни разу мне не пришло в голову задержаться ненадолго и посмотреть на него. Меня устраивало любое место, ибо я покидал его без сожаления. Оно могло и вовсе никак не называться. Беспредельные расходы, непрерывные потери, неслыханное расточительство, бесконечный бал, сплошные россыпи, транжирство, накопления нет и в помине. Утром море, вечером лес на берегу Сана, мужики над пивными кружками в деревенской пивной, — как фантомы, замершие на месте при виде меня. Так они мне запомнились, но, вполне возможно, все это было на год раньше или позже, где-нибудь в деревне под Легницей или на сорок километров северо-восточнее Седльце. Мы жгли костер, а из ночного мрака выныривали деревенские парни, которые, наверное, первый раз в жизни видели чужих. Мы казались им ненастоящими, так же, как и они нам. Парни стояли, курили, поблескивая в темноте массивными пряжками ремней с головой быка или скрещенными кольтами. В конце концов они садились рядом, но разговор имел привкус галлюцинации, не помогало даже вино, которое они принесли с собой. На рассвете они встали и ушли. Кажется, через день-два после этого я десять часов простоял в Злочеве, и ничего. Помню плетень и каменные перила мостика, хотя в плетне я не совсем уверен, он мог быть где-то и в другом месте, как почти все, что остается в памяти, — раз я это запомнил, значит, вырвал из окружения и навсегда сделал частью своей собственной карты, собственной фантастической географии.

А однажды я ехал в Познань в открытом кузове «Стара». Водитель крикнул: «Прыгай, только осторожно, там рыба!» Я лежал среди целлофановых мешков с водой. Внутри плавали рыбки размером с ноготь. Сотни, тысячи рыбок. Вода было

очень холодная, и мне пришлось закутаться в одеяло. Во Вжесне рыбам надо было поворачивать на Гнезно, и я остался один на пустом шоссе. Светало. Солнце еще не взошло, и было холодно. Не исключено, что через Познань я ехал во Вроцлав. Скорее всего затем, чтобы через день-два отправиться к морю или в Бешады. В последнем случае где-то в лесу у реки Ославы я увидел голого мужчину. Он стоял в реке и мылся. Заметив меня, он просто повернулся спиной. А если все-таки я ехал к морю, то, кажется, в Ястшембью-Гуру, и был вечер, пустой пляж, я шел босиком по направлению к Карвии³, когда на фоне пунцового неба показались черный мегалит Стоунхеджа. Мне было негде заночевать, и эти руины стали подарком судьбы. Они были сделаны из досок, фанеры и толстого холста. В то время такие вещи случались. Кто-то это построил и оставил — наверное, телевидение. Через дыру я вполз внутрь одного из муляжей и заснул.

СЛОВАЦКАЯ ДВУХСОТКА

Лучшая карта, какая у меня есть, — это словацкая двухсотка. Она настолько подробна, что как-то раз с ее помощью я выпутался из бескрайних кукурузных полей где-то у подножия Земплин-Хедьшег. На огромном листе, где помещается вся страна, обозначены даже полевые тропинки. Карта порвана, обтрепана по краям. Местами сквозь плоскую проекцию земного рельефа и немногочисленных здесь водных источников проглядывает небытие. Я всегда беру ее с собой, хотя она неудобная и занимает много места. В этом есть что-то от магии, ведь дорогу до Кошице и дальше до Шаторальяуйхей я знаю почти наизусть. Но все равно ношу карту с собой, потому что меня занимает ее обветшание, ее распад. Сначала она протерлась на сгибах. Разрывы и складки сложились в новую сетку, *гораздо* более выразительную, чем тонкие голубые линии прежней сетки координат. Города и села постепенно перестают существовать, изнашиваются от того, что карту бесконечно сворачивают и разворачивают, засовывают то в рюкзак, то в багажник. Исчезают Михаловце, исчезает Стрпков, дырявое небытие подбирается к предместью Ужгорода. Скоро исчезнет Гуменне, сотрется Вранов-над-Топлеу, истлеет Циганд на бе-

³Морской курорт в г. Владиславове в Поморском воеводстве, западнее Ястшембьей-Гуры.

регу Тисы. Собственно говоря, я начал обращать внимание на карты только в последние несколько лет. Раньше я относился к ним, как, скажем, к украшению или устаревшим условным картинкам, которые уже отжили свой век в эпоху факта и прямых, в лоб, репортажей из самых отдаленных уголков планеты. Все началось с войны на Балканах. У нас все начинается с войны или войной заканчивается, поэтому ничего удивительного. Мне просто захотелось узнать, на что наводят орудия и что видят летчики с самолетов. Схематические изображения в газетах выглядят слишком красиво и слишком стерильно: название местности, а рядом стилизованная вспышка взрыва. Ни тебе рек, ни рельефа местности, ни топографии, ни природы, ни цивилизации — ничего, только название и взрыв. Я хотел найти Воеводину, потому что она ближе всего к нам. Война всегда возбуждает мальчиков, даже если внушает им ужас. Красные вспышки вдоль Дуная: Белград, Батайница, Нови-Сад, Вуковар, Сомбор — двадцать километров от венгерской границы и всего сорок пять от моего дома. Только настоящая карта заставит вас прислушиваться к далекому эху. Ни телевидение, ни газета не в состоянии передать конкретность расстояния.

Может, поэтому обветшание моей словацкой карты сразу наводит меня на мысль об уничтожении вообще. В местах красных вспышек вдоль Дуная бумага начинает тлеть, огонь из Воеводины, огонь из Баната разливается по Среднедунайской равнине, охватывает Трансильванию и в конце концов перекидывается через Карпаты.

Все это исчезнет, перегорит, как лампочка, в которой остается только шарик вакуума. Пустоту заполняют какие-то новые формы, но мне они не особенно интересны, поскольку это будут все более низкопробные варианты: повседневность, прикидывающаяся праздником, бедность, притворяющаяся богатством, карнавальный мусор, разрастание помоек, пластик, который служит недолго, зато как отброс и содержимое свалок он почти вечен,

его уничтожит только огонь, другие стихии перед ним бессильны. Такие мысли приходили мне в голову, когда мы ехали мимо Леордени, Вишеу-де-Жос, Вишеу-де-Сус в направлении перевала Прислоп. На шоссе почти не было машин, зато людей все прибывало. Они стояли, сидели, шагали, прилично одетые и принаряженные. Выйдя из своих деревянных домов, крытых дранкой, словно чешуей, они, точно капли воды, сливались в ручейки, и в конце текли широким потоком по обочинам дороги, по асфальту, по дну долины. Белые рубашки, темные платья и пиджаки, шляпы и платки. Сквозь приоткрытые окна автомобиля до нас долетал запах нафталина, праздника и дешевых духов. В Вишеу-де-Сус стало так тесно,

что мы почти остановились, а толпа все двигалась с обеих сторон. Мы стояли на месте, но путешествие продолжалось. Праздничная толча вбирала нас в себя, мы будто плыли против течения времени. Никто ничего не продавал и не покупал. Во всяком случае, мы этого не видели. Вдали высилась бурая громада Пьетросуля. На вершине лежал снег. Был третий день православной Пасхи, и праздник означал легкий паралич материи. Человеческие тела уступали закону всемирного тяготения, словно хотели вернуться в исходное состояние, когда дух еще не был лишен свободы, не метался, не пытался слепить себе неповоротливой оболочки, довольно-таки жалкого подобия.

За Моисеем мы остановились. На пустыре у шоссе сидели четверо деревенских стариков. Они показывали нам куда-то руками, вперед, на далекий лесистый склон. Мы догадались, что там монастырь. Среди деревьев виднелась верхняя часть башни. Старики просто сидели и смотрели в ту сторону, словно это могло заменить им участие в пасхальной литургии. Им хотелось, чтобы мы туда пошли. Но нам нужно было торопиться. Они остались неподвижно полулежать, вглядываясь и вслушиваясь. Не исключено, что они ждали, когда раздастся колокольный звон, когда что-то шевельнется в застывшем пространстве праздника.

За Моисеем мы остановились. На пустыре у шоссе сидели четверо деревенских стариков. Они показывали нам куда-то руками, вперед, на далекий лесистый склон. Мы догадались, что там монастырь. Среди деревьев виднелась верхняя часть башни. Старики просто сидели и смотрели в ту сторону, словно это могло заменить им участие в пасхальной литургии. Им хотелось, чтобы мы туда пошли. Но нам нужно было торопиться. Они остались неподвижно полулежать, вглядываясь и вслушиваясь. Не исключено, что они ждали, когда раздастся колокольный звон, когда что-то шевельнется в застывшем пространстве праздника.

Все это должно исчезнуть. Ночью на главной улице города Гура-Хуморулуй пятнадцатилетние мальчишки пыгались продать нам немецкие автомобильные номера, уверяя, что те сняты с BMW. Все должно пропасть, слиться с окружающим миром. Да, в первый день в Румынии на меня низошла вся печаль континента. Повсюду я замечал следы упадка, а возрождение невозможно было себе представить. На бензозаправке в Кымпулунге хозяин носил с собой пистолет в кобуре. Этот человек вынырнул откуда-то из полумрака и жестами показал, что для нас у него ничего нет. Зато в километре от того места мы увидели еще одну станцию, сиявшую огнями среди первобытной ночи. И здесь было все, а заправочные пистолеты торчали из горлышек бутылок от кока-колы. Подходили мужчины с одной или двумя бутылками, а потом исчезали в темноте, ища свои автомобили.

Марамуреш остался за спиной. Как и покрытый ледяной коркой снежный перевал, и смуглый мужчина в старом «ауди» с немецкими номерами. Он открыл багажник и вынул из него детский мотоцикл — уменьшенную копию какого-нибудь «Сузуки» или «Кавасаки», посадил на него малыша и шелкал фотку за фоткой. Через перевал дул ледяной ветер, и мы были совсем одни. Никого и ничего — только холодная прекрасная пустота, солнце катилось куда-то за болота между Кареем и Сату-Маре, я слышал треск затвора, у мальчика было серьезное лицо, щеки его пылали, потом отец убрал мотоцикл, и они поехали вниз, на запад, наверное домой. Мы тоже тронулись в путь, потому что в этом заоблачном, забытом Богом месте коченели руки и горели щеки. Дорога вилась серпантинном, мы опускались в долину Бистрицы, вглубь темнеющего воздуха.

Теперь я вижу, как мало мне удалось сохранить в памяти, почти все это могло случиться и в другом месте. Путешествие из страны короля Убю⁴ в страну вампира Дракулы не может оставить воспоминаний, в которые потом можно поверить, как

мы верим, например, в Париж, Стоунхедж или площадь св. Марка. В конце концов Сигету-Мармацией больше всего был похож на сон. Мы пересекли его быстро, без остановок, и мне нечего сказать о нем кроме того, что он смахивал на изощренную фантазию. Во всяком случае, мы проскочили его очень быстро, на горизонте вновь встали зеленые горы, а меня сразу охватила грусть и тоска. Так бывает, когда после пробуждения нас мучает желание вернуться к онирической конфабуляции⁵, которая лишает человека свободы воли, давая взамен полную свободу непредсказуемости. Так происходит в тех местах, по которым редко скользит взгляд чужака, взгляд пришельца. Взгляд

разглаживает вещи и пейзажи. Именно с этой стороны надо ждать уничтожения и распада. Мир изнашивается и сотрется, как старая карта, от избытка взглядов.

Мы въезжали в округ Синистра. Все в этих горах принадлежало вооруженным людям, полковнику Пуйу Боркану, а после его смерти Изольде Мавродин-Махмудии, коротко Коке, тоже в ранге полковника. С перевала Баба-Ротунда открывался вид на гору Поп-Иван, внизу по

узкоколейке ползли паровозы, работавшие на дровах. Жители Синистры носили армейские бронежилеты. Каждый приезжий, который задержался здесь подольше, получал новое имя. Кока время от времени устраивала у горы Поп-Иван засады на Мустафу Муккермана, который возил на грузовике баранину откуда-то с Украины аж в Салоники, а может, даже на Родос, но кроме баранины ему случалось перевозить в своем рефрижераторе и тепло одетых людей. Польские «товарищи»

⁴ То есть из Польши. «Король Убю» — герой одноименного фарса Альфреда Жарри (1873-1907), место действия которого определено словами «В Польше, то есть нигде».

⁵ Психическое расстройство, характеризующееся яркими вымышленными картинами, похожими на сновидения, которые больной принимает за реальность.

информировали Коку о планах Муккермана — трехсоткилограммового полу-турка, полу-немца. В этих местах сушеные грибы вымачивали в разведенном денатурате, его и пили, смешав с забродившим соком лесных плодов и ягод. Матовое стекло для местной тюрьмы делал у себя в мастерской Габриэль Дунка — он клал лист стекла в ящик с песком и топтался по нему долгими часами. Дунка был 37-летний карлик. Однажды, в дождливый день, он взял в свой грузовичок голую Эльвиру Спиридон и первый раз в жизни почувствовал запах женского тела, но лояльность победила желание, и он донес на нее, ибо она точно так же могла сесть в грузовик Муккермана и не сделала этого лишь по чистой случайности.

Вот что должно было происходить за Сигету-Мармацией, и наверняка происходило. Но я узнал об этом два года спустя, из книги «Уезд Синистра» Адама Бодора, которая преследует меня до сих пор. Преследует и заслоняет двухмерное пространство карты. Вновь картинка бледнеет перед рассказом. Бледнеет, но не исчезает совсем.

Лишь теряет выразительность, частично утрачивая свою несносную очевидность. Это свойство стран вспомогательных, наций второго ряда и народов со скамейки запасных: мерцание, двойной, тройной вымысел, кривое зеркало, волшебный фонарь, фата-моргана, фантастика и фантазмагория, которая милосердно проскальзывает между тем, что есть, и тем, как должно быть. Это та самоирония, которая позволяет играть со своей судьбой, дразнить ее, передразнивать, превращать упадок в героико-комическую легенду, а выдумку в нечто вроде спасения.

Там, где мы в конце концов остановились на ночлег, не было воды. Хозяин, светя фонариком, вел нас по холодным коридорам. Объяснял, что насос сломался, а механик уже третью неделю едет то ли из Сучавы, то ли из Ясс. Объяснял, что здешний жилец — чужак, приехал с дальней стороны

и, чтобы справиться с одиночеством, пьет местную дешевую водку, поэтому запустил дом, но механик, наверное, скоро приедет.

Было холодно. Мы легли спать одетые, погасили свет, и через окно к нам вошла румынская ночь. Я пытался заснуть, но вместо того, чтобы отдаться течению времени и сна, мысленно продолжал плыть против течения одного долгого дня, когда мы пересекали границу в Петеа. Посреди знойной равнины стояли черные сторожевые башни. Вскоре началось Сату-Маре со стенами, крошащимися от старости и жары, с тенями огромных деревьев вдоль тротуаров и куполами

церквей в длинных зеленых перспективах улиц. Венгрия же осталась позади, позади осталась печаль низин Эрдухата, и, хотя с другой стороны границы все оставалось таким же плоским, я ясно чувствовал перемену, какой-то другой вкус воздуха, и сияние неба с каждым километром становилось все более беспощадным. Далекая тень Карпат на горизонте замыкала этот яркий свет, ограничивала его, и мы ехали в густой лучезарной взвеси. По шоссе катились конные

повозки. Тела животных лоснились от пота. Автомобиль старинного образца вез на крыше груды мешков, набитых овечьей шерстью. Смуглые тела людей блестели. Дул ветер. Может быть, поэтому их дома казались такими бедными и непрочными на большой равнине.

Я лежал в холодной комнате и вспоминал все это — так же, как теперь лежу и вспоминаю ту холодную комнату и утро, когда, встав и выйдя во двор, я увидел, что ночью были заморозки и теперь их следы таяли в солнечных пятнах. Люди с ведрами шли к колодцу и наблюдали за мной, делая вид, что не смотрят в мою сторону, что заняты своими делами, что их слепит свет начинающегося дня. Сейчас, вспоминая все это, я понимаю, что именно там могло начинаться действие какого-нибудь рассказа. Например: «В тот день, когда я видел отца в последний раз, потому что трое неизвестных посадили его в машину и увезли куда-то,

— в тот день я коснулся груди Одри Ноприц». Или: «В тот день Гизелла Вейш отправилась в путь под всеобщее одобрение окружающих. Даже сам великий товарищ Онага заглянул ей в глаза и произнес: „Вот это я понимаю. У вас, товарищ, прекрасные намерения и похвальные планы”». Ну, стало быть, в тот день, в то утро, мог появиться мужчина, который испортил насос. Он мог прийти по узкой деревенской улочке, бегущей вдоль дощатых заборов, и спросить, а что я, собственно, делаю тут, у его дома. Опухший, с красными глазами, в помятой одежде, этакий буковинский Джеффри Фермин, он мог бы, небрежно опершись о штакетник, строго спросить, кой черт принес меня сюда, в эту, допустим Пырештий-де-Жос или Пырештий-де-Сус, в его дом, чтобы застать его в таком виде в шесть тридцать утра, на глазах соседей, выглядывающих из-за плетней: онемеченных поляков, румынских немцев, польских украинцев — всей этой приграничной мешанины, этого золотого сна приверженцев культа мультикультури... Ну, стало быть, мог бы начаться какой-то циничный монолог или нервный диалог, он мог бы начаться с позвякивания ведер у колодцев, со всех этих утренних звуков, которые свойственны забытым местам, — с кудахтанья кур, ударов топора по поленьям, стука копыт, похлопывания по коровьим задкам, а в шесть тридцать пять по дну долины прокатил бы проржавевший пассажирский до Сучавы. Это могло бы стать хорошим началом и продолжением повествования и судьбы, путешествием вглубь времени, где *события* приобретают блеск по мере удаления от сегодняшнего дня. Но человек, сломавший насос, не пришел, и его жизнь осталась в сфере домыслов, то есть полной свободы.

А я подошел к реальному мужчине, который спокойно стоял у себя за забором и курил. Мы разговорились. Пассажирский до Сучавы и в самом деле прогрохотал по дну долины. Мой собеседник был грузным человеком лет шестидесяти, одетым в застиранный диагональный кос-

тюм. Он ничем не отличался от всех мужчин, которых я видел в своей жизни. Дым его сигареты синел, потом серел и исчезал. Был он словоохотлив. Я слушал и поддакивал. Он говорил, что сейчас плохо, при Чаушеску было лучше, тогда была справедливость, поскольку было равенство, была работа и порядок на улицах. Старая история, но я снова слушал ее, затаив дыхание, — есть что-то пленительное в том, что ты уезжаешь так далеко от дома, а так мало меняется. Он рассказывал о ночных визитах «секуритате» и без перехода о фабриках, которые *сейчас* закрывают. Я спросил, что он знает о тех знаменитых переселениях, когда семь тысяч деревень должны были

исчезнуть, а жители переселиться в бетонные многоэтажки. Да, он знал, видел даже самолеты, с которых фотографировали местность, чтобы лучше распланировать все мероприятия, но за справедливость — то есть за равенство — можно заплатить любую цену. Поэтому я замолчал, а что мне оставалось, если я появился здесь, у этого забора, как живое воплощение неравенства, приехал и уехал, когда вздумается, а этот старый человек в зано-

шенной одежде, с дешевой сигаретой, догорающей в руке, останется тут, на разбитой дороге между красивыми деревянными домами, которым под сто лет и которые сохранились по прихоти судьбы, несмотря на то что их обитатели не особенно к этому стремились. Я больше не поддерживал разговор. Слушал о его тоске по диктатору. Власть кто-то должен олицетворять, и, когда она уже воплощается в реальной фигуре, та оказывается вне добра и зла. Все мы осиротевшие дети какого-нибудь *кесаря* или диктатора. Я угостил мужчину «Собескими super light». Солнце поднималось над зеленой линией гор, а я чувствовал, что моя свобода передвижения ни черта тут не значит и грош ей цена.

Мы попрощались, и я пошел за ведром, чтобы набрать воды из колодца.

Ночь, идет дождь, и я вспоминаю все это, Бог знает который раз. Адам Бодор и Синистра накладываются, как калька, на реальный Марамуреш и Буковину, а сверху на них ложится живая, просвечивающаяся материя моих мыслей, моей любви и моего страха. Просто Синистра не дает мне спать. На полке стоит «История Украины» рядом с «Историей Болгарии», «Историей Венгрии», множество историй и историек поменьше, включая «Историю Словакии» и «Румын» Элиаде, но толку от этого нет. Я читаю их перед сном, и в конце концов засыпаю, но мне еще ни разу не приснился ни Янош Хуньяди, ни император Фердинанд, ни Василе Николае Урсу, которого звали Хорией, ни Влад III Дракула, ни ксендз Глинка⁶, ни Тарас Шевченко. Самое большее, приснится некий весьма загадочный уезд Синистра. Какие-то мундиры несуществующих армий и минувшие войны, в которых никто не умирает по настоящему. Мне снятся белые известковые руины и усатые стражи границ, пересечение которых меняет всё и в то же время не меняет ничего. Снятся мне банкноты с изображениями героев с одной стороны и видами романтических окраин с другой. И монеты тоже снятся. И коробки от папирос, которых я никогда не курил. Мне снятся бензоколонки на равнинах — все, как одна, похожие на ту, в предместье словенского Ново-Места — и снится мне red bull с надписью: «...špeciálne vyvinutý pre obdobie zvýšenej psychickej alebo fyzickej namahy»⁷. Мне снятся тронутые тлением сторожевые башни на пустырях и велосипедисты на своих проржавевших машинах посреди холмистого пейзажа, они

⁶ Хуньяди Янош (ок. 1407-1456), венгерский магнат, регент Венгерского королевства в 1446-1452 гг. Хория (Василе Николае Урсу) (ок. 1735-1785) — один из предводителей крестьянского восстания в Трансильвании в 1784-85 гг. После ряда побед был схвачен и казнен. Андрей Глинка (1864-1938), ксендз и политик, словацкий сепаратист.

⁷ ...создан специально для периодов повышенного психического или физического напряжения.

катят от поселка к поселку, названия которых произносятся по крайней мере на трех языках, снятся мне конные упряжки и люди, и еда, и гибриды ландшафтов, и все остальное.

Да, дождь льет на все эти места, на Марамуреш, на сны, на Синистру, льет на Спишске-Подградье в тот день, пятницу 21 июля, когда мы остановились у реки Моргечанки, на стоянке, где была грязь непролазная. Одноэтажная застройка тянулась вдоль единственной здесь улицы. Мы пошли вперед по узкому тротуару. Увидели желтую синагогу. Ее фронтон венчали четыре круглых металлических купола. Арочные окна были темны и мертвы. Они напоминали окна фабрик, которые строили в XIX веке. В просвете между синагогой и домами виднелись холмы и далекие башни Спишской Капитулы⁸. Над городком возвышались руины белого замка. Он был такой большой и белый, что казался каким-то метеорологическим курьезом, угловатым скоплением кучевых облаков или миражом, перенесенным сюда из страны, которой давно уже

нет. Проехал автомобиль, потом другой и все затихло. Серый зад «Шкоды» исчезал в зеленой тени деревьев, а на самом деле исчезал во времени. Машина двигалась по тоннелю, прорытому в неподвижности. Шоссе пробивалось через городок как сквозь недра горы, *глухомань*, чужую территорию, которая милостиво дала свое согласие на транзит. Из низкого домишки на повороте вышла толстая смуглая женщина, плеснула обмылками на асфальт и смыла все следы от автомобилей. В нескольких шагах от нее в открытом низком оконце была видна большая комната. Кто-то затеял там стройку и бросил. Через все помещение тянулась недоделанная кирпичная стена. Где-то в глубине работал телевизор. Голубые отсветы загорались и гасли в полумраке. У новой стены стоял бильярд-

⁸ Древний религиозный центр Словакии, сейчас находится в черте города Спишске-Подградье.

ный стол. Несколько шаров раскатились по столу и остались так лежать. Было слишком темно, их цвет я не сумел определить. Только чувствовал запах мокрой извести и гнили. Откуда-то из-за стены, из темноты, перекрывая болтовню телевизора, доносились возбужденные мужские голоса. Потом я увидел этих мужчин в узком просвете между домами. Они препирались, стоя над перевернутой вверх дном тележкой. Один крутил обод колеса со спицами, а другой качал головой и размахивал руками, мол, он никуда не годится, металлолом, и придется все переделывать. Оба были смуглы, коренасты и подвижны, словно их тела не чувствовали неподвижности вокруг, словно пребывали в ином пространстве, в невесомости. Наверное, так оно и было. Эти люди жили в старом еврейском квартале, на окраине словацкого местечка у подножия венгерского замка, и, чтобы существовать, чтобы не исчезнуть, им пришлось выработать какие-то свои принципы, своеобразную теорию относительности, закон притяжения, который должен удерживать их на поверхности земли и не дать сгинуть в пустоте космоса, в бездне забвения.

Мы вернулись к машине и поехали дальше. Толстуха снова вынесла из дома полный таз обмылков. Моргечанка текла внизу справа. Слева высилась вершина Древеника. За городом на склоне, на сооруженных там террасах, стояли их дома. Не чужие, не старые, оставшиеся от кого-то, а их собственные. Они были похожи на детские рисунки — такие простые, маленькие и беззащитные.

Скорее идеи, которые только начали материализовываться. Стены были сделаны из едва очищенного от коры соснового кругляка, почти жердей, не толще мужской руки, венчали их двухскатные смолистые крыши. Все, что можно было делать в этих скромных жилищах, — сидеть и переживать время от одного события до другого. Они льнули друг к другу, карабкались один на другой, сбивались в кучу наподобие деревянного пуэбло⁹. Из тонких труб тянулся смолистый дым. Раскардаш дворов, склад старья, живая клубящаяся субстанция вещей, на поверхностный взгляд мертвых и отработавших свой век, покрывали землю как постиндустриальная растительность. То ли эти люди только

что приехали, то ли им надо было отправляться в путь. Внизу, у тенистой дороги, играли дети. Взрослые стояли и обсуждали свои дела, а может — чужих, которые изредка проезжали мимо. Здесь все принадлежало им. Я и представить себе не мог, что пространство можно так явно и бесповоротно присвоить, не причинив ему при этом никакого вреда. Поодаль в полном одиночестве стояла девушка в красном платье. Мне показалось, что она

была необыкновенно красива. Она смотрела куда-то вбок, в сторону, где ничего не происходило. Я видел ее одно мгновение, а потом красная икорка исчезла в зеркале заднего вида.

A.Stasiuk. «Podróż do Babadag».
Wydawnictwo Czarne. 2004

⁹ Pueblo (*исп.*) — дома некоторых индейских племен, строились из кирпича-сырца или песчаника и имели П-образный, кольцевой или дугообразный план. Этажи такого дома, вмещавшего от одной до трех тысяч человек, поднимались кверху террасами.

Виктория Дунаева

НА КРАЙ СВЕТА С АНДЖЕЕМ СТАСЮКОМ

Наша первая встреча произошла в Молдавии почти два года назад. Анджей Стасюк приехал сюда вместе с женой Моникой Шнайдерман, директором издательства «Чарне», которое специализируется на авторах из Центральной и Восточной Европы. На самом деле Анджей Стасюк был приглашен в Румынию по поводу издания двух своих книг на румынском языке. От Бухареста до Кишинева — одна ночь на поезде. К тому же писателя настойчиво приглашал посол Польши в Кишиневе Петр Мартиняк, личность незаурядная в своем неустойчивом желании показывать польскую культуру в Молдавии и налаживать польско-молдавские связи.

Итак, Кишинев, комнаты в польском консульстве, встречи с молдавскими писателями и поэтами, знакомство с представителями польской диаспоры...

Но Анджей Стасюк не был бы Анджеем Стасюком, если бы ему этого было достаточно.

На севере Молдавии живут цыгане, есть целый городок — Сороки, жители которого выступили несколько лет назад с предложением сделать здесь столицу цыганской республики. Анджей Стасюк отправился туда. Умудрился подружиться со многими представителями этого необычного народа. Остался в полном восхищении от мировоззрения молдавских цыган и их умения построить себе такую жизнь, какая им нравится.

Приднестровье. Регион, куда заглядывает ради интереса далеко не каждый иностранец, да и не каждый житель Молдавии, живущий на другой стороне Днестра. Приднестровский режим до боли напоминает советские времена. Границы охраняются от любых нежеланных гостей. Однако ему удалось. Он побывал во всех крупных приднестровских городах.

На юге Молдавии живет другой удивительный народ — турецкого происхождения, но православной веры. Гагаузы. Конечно, Стасюк доехал и до этой добела раскаленной летом части Молдавии.

Свое путешествие он описал в книге, изданной в конце прошлого года, — «По дороге в Бабадаг», став единственным современным польским писателем, который уделит внимание теме маленькой и странной Молдавии.

Я спросила его тогда, во время нашей первой встречи, что вызвало его интерес.

— Люди в Молдавии, в общем-то, не знают, кто они. Для писателя это важное и интересное открытие. Я увидел страну, которая обрела свою независимость 12 лет назад и еще недостаточно сильна и независима, я встретил людей, которые сочетают в себе славянское и романское происхождение и часто затрудняются определить, к какому народу они относятся. Я увидел сочетание влияний Востока и Запада, инерцию, характерную для развития бывших социалистических республик, и одновременно попытки построить общество на современной основе. Часть молодых людей здесь сознательно стремится быть современными европейцами, но их не много, это скорее элита... Большинство же людей находится в поисках того, какими и кем им быть. Мы проехали практически через всю Молдавию, останавливались и разговаривали с людьми. Чаще всего мы сталкивались с теми, кто с горечью отмечал экономические трудности, нужду, чувство своей ненужности, ощущение себя где-то на обочине Европы. Но эта страна, на мой взгляд, замечательна для людей интеллектуальных, поскольку здесь взаимодействуют различные культуры, этносы и цивилизации. Она разительно отличается от тех стран, которые на протяжении веков четко знали свое место в истории и культуре Европы — как, к примеру, Англия или Франция. В тех странах все развивается уже давно по инерции, и они не удивляют, не поражают воображение, как страны, которые развиваются, борются, чувствуют себя в чем-то проклятыми, но при этом именно там есть вдохновение и энергия. Поэтому я и люблю эту часть Европы — не исследованную до конца, непонятую.

Следующая наша встреча с Анджеем Стасюком состоялась уже в Польше. Писатель живет в маленьком селе Воловец почти на границе Польши со Словакией. Мы договорились встретиться в Горлицах. Была зима, и добраться до его дома без машины было практически невозможно. Обледенелая автобусная остановка в Горлицах, довольно поздний вечер. К счастью, он появляется вовремя. Высокая фигура, энергичная походка, выразительный смех. Стасюка можно узнать даже в кромешной темноте.

Вместе с ним приехала Моника. В их доме часто кто-то гостит, они уже привыкли. Чувствую себя, однако, неловко, но это чувство моментально проходит, когда мы садимся в машину и едем куда-то во мглу навстречу летящей пурге.

Стасюк весело говорит: «Завезу тебя на край света. Это потрясающее место, увидишь!» По дороге мы встречаем перевернувшуюся машину. Оказалось, соседка Стасюка. Отделалась легкими ушибами.

«Здесь это часто случается, — говорит он. — Мы тоже попадали в аварии. Тут жизнь зимой суровая, надо быть всегда настороже».

Подъезжаем. На взгорье стоит уютно освещенный большой дом. Навстречу нам выбегает огромный пес. «Это Сибирь!» — говорит Стасюк.

Как захватывает дух от открытого горизонта и ясного вида гор, я узнаю только на следующий день. А пока я вхожу в дом, в котором, что неудивительно, конечно, — огромное количество книг. Деревянные полки с книгами тянутся на всю ширину и высоту стен. Дом двухэтажный. Услышав наши голоса, сверху кубарем сваливаются трое котят-подростков и замирают, затормозив на полу когтями, когда видят Стасюка. «Так, теперь дисциплина! Я собираюсь работать», — говорит он им строго.

Дом, в котором живет писатель, наверное, всегда подчинен его распорядку.

Мы договариваемся утром поехать в Крилицу. Но с утра — сильная пурга. В доме тихо. Я тоже соблюдаю тишину и не выхожу из своей комнаты. Меня поселили в комнату для гостей, под самой крышей, с потрясающим видом на горы. На столе, на полу и на полках — огромное количество книг и литературно-исторических журналов. Я углубляюсь в чтение, открыв для себя, как способствует этому абсолютная ти-

шина. В мою комнату, осторожно цокая коготками, входят котята. И начинают бесшумную борьбу, не обращая на меня никакого внимания.

Скоро внизу хлопает дверь. Это пришла Моника и их 13-летняя дочь Тося (Антонина). Как оказалось, они тихонько выбрались с утра покататься на лыжах. «Здесь всегда встаешь рано», — говорит Моника.

Вопрос, который я хотела задать Анджею Стасюку по дороге из Горлиц в его село, уже не кажется мне важным. Однако я все же спрашиваю его, как он, урожденный варшавянин, отважился поселиться в деревне, маленькой и далекой от цивилизации. Я знаю, что вначале они жили в деревне Чарне (Черное), где всего несколько домов. Когда они создали свое издательство, то не стали долго думать над названием. Так и назвали — издательство «Чарне». Однако из этого места пришлось уехать.

В Воловце, несмотря на то, что здесь всего 13 домов, есть практически все необходимые блага цивилизации. Есть Интернет — конечно, когда не вмешиваются силы природы. С телефонной связью бывают затруднения, но связь есть. Покупки можно сделать в нескольких соседних деревнях побольше. Но все же... Люди обычно, наоборот, стремятся вырваться в город. Отвечая на мой вопрос, Стасюк иронизирует:

— Молодые люди часто уезжают из сел исключительно под влиянием телевидения — к примеру, программ MTV. Они хотят быть европейцами, похожими на своих героев, которых видят по телевизору. Кепки козырьком на затылок, широкие, волочащиеся по земле штаны... Они уезжают для того, чтобы стать кем-то другим — европейцами или гражданами мира, они точно сами не знают. Если они хотят, пусть едут. Мир так устроен, что всегда будет существовать эмиграция и все больше людей будет стремиться куда-то уехать, чтобы изменить свою жизнь. Им кажется, что их отъезд все изменит, все повернет к лучшему, но это не всегда бывает так. В эмиграции, в другой стране, люди часто чувствуют себя одинокими и никому не нужными.

Почему я уехал? Я свободный человек. Я хотел жить в горах и уехал в горы. Но на меня действовали не красочные картинки в телевизоре, нет, впечатление на меня в детстве и юности произвел горный пейзаж. Я жил в Варшаве, но увидел горы и сказал себе: горы — это то, что мне надо. И сделал все, чтобы уехать.

Потом он умолкает. И остается неразговорчивым во время всего пути, пока мы не подъедем к Кринице. По дороге мы слушаем музыку — балканские, а точнее румынско-венгерские мотивы. Он отмечает, что эта музыка его восхищает. Мы в Кринице. День стоит замечательный, яркий, солнечный. Мы забираемся на подъемнике на гору и спускаемся вниз пешком. Нам с Моникой не угнаться за Стасюком. После этой прогулки он оживлен и весел. Спрашивает меня, что изменилось в Молдавии за несколько лет. Из его вопросов я понимаю, что он в курсе основных политических событий в моей стране. Но его интересует атмосфера, ощущение людей. Я замечаю, что у многих начинает появляться комплекс жителей «обочины Европы». Он резко возражает:

— Здесь не может быть повода для стыда. Из этого можно извлечь много пользы. Когда живешь на самом краю Европы, можешь видеть и понимать больше. И можешь быть более независимым. Поэтому у меня, к примеру, и возникла идея написать свою последнюю книгу, показать страны, которые живут обособленно от старой Европы. Я стал интересоваться ими после распада Советского Союза. Меня интересовал не Запад, а страны посткоммунистического блока, которые только начинали развиваться, в которых появилось ощущение свободы. Я начал свое путешествие по этой части Европы со Словакии, потом мы поехали в Венгрию, потом в Румынию... Так все и началось. И так и возникла моя книга «По дороге в Бабадаг». Можно сказать, что причина ее появления — то, что я тоже живу на периферии. Отсюда видна совсем другая перспектива и другая Европа.

В Воловец мы возвращаемся из Криницы вечером. По дороге Анджей Стасюк показывает мне полузабытые лемковские деревни, рассказывает их историю. Видно, что эти места он любит всем сердцем.

На следующий день я уезжаю. Немного переживаю, что мне не удалось записать с ним «серьезное интервью». Он понимает, приглашает меня на кухню, где в большой кастрюле кипит под его контролем суп и работает стиральная машина. Я смотрю на него и понимаю, что на все

вопросы можно найти ответы, если вспомнить наше путешествие из Горлиц в Воловец и из Воловца в Криницу. А еще, конечно, существуют его книги, где он, как и в жизни, — противоречивый, иронично-насмешливый и одновременно внимательный к знакам и деталям окружающего мира, к его красоте, которую он показывает без лишней сентиментальности, оттого она проникает в самое сердце. И из всех приготовленных вопросов я задаю ему один — о причине тишины в его доме, о его новой книге.

— Я пишу ее уже несколько месяцев, но пока не знаю, как она закончится. Пишу все о той же неисследованной Европе. Мои герои — это двое торговцев подержанными вещами. Это сейчас распространенное явление. В Польше, к примеру, даже в таком маленьком городе, как Горлице, находится около двадцати магазинов «секонд хенд». Я бы сказал, что во многих странах Центральной и Восточной Европы сегодня пользуются спросом вещи, уже бывшие в употреблении. Люди покупают подержанные машины, доставленные с Запада, одежду, которую уже кто-то носил. Я бы сказал, что в наших странах находят спрос не только подержанные вещи, но, к сожалению, и идеи. Об этом я и хочу написать роман. Я смотрю на проблему «секонд хенд» глазами двух торговцев, которые стараются расширить свой бизнес в Европе. Однажды они приходят к мысли: сколько можно торговать в маленьком городе, где только двадцать магазинов, — поедемка мы лучше в Румынию, к цыганам, там откроем свой бизнес. И они начинают ездить в Румынию на большом автомобиле, полном подержанных вещей, присланных из Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Они начинают продавать вещи и цыганам в Словакии. И пользуются огромной популярностью. На самом деле это роман о явлении многократного использования вещей и идей. Эту книгу, думаю, я буду писать долго. Для меня это интересная и вдохновляющая тема.

Так мне удалось побывать на краю света, откуда лучше виден мир. И где живет писатель Анджей Стасюк.

Лешек Шаруга

ИНАЧЕ

Сборник стихотворений Кристианы Робб-Нарбутт «Всё иначе иначе» поразил меня. Я знаю ее графику, но не знал, что она пишет, что это еще один за последнее время человек, который стремится дополнить поэтическим словом поиски, идущие с помощью других выразительных средств. Это, разумеется, в искусстве не новость: художников-«многостаночников» — несчетное число. (Кстати, кто помнит, что наша олимпийская медалистка Халина Конопацкая в 1929 г. издала сборник стихов «В какой-то день», к тому же довольно доброжелательно встреченный критикой?) Другое дело, что Кристиана Робб-Нарбутт довольно поздно решилась публиковать стихи.

Необычайно простой и вместе с тем поразительной выглядит концовка этой книги:

*нас коснулось время
всё иначе
иначе*

(Стихи здесь и далее — в пер. Н.Горбаневской)

Если знать, что этими словами книга еще и открывается, то окажется, что перед нами рондо, кругобразный, круговой возврат к исходной точке, которая уже стала иной, — действительно «всё иначе». Быть может, стоило бы задуматься, круг это или спираль, — вторая возможность представляется мне более вероятной.

Стоит также отметить, что эта книга — не просто сборник стихотворений, но цикл (в этом мы находим подтверждение круговой или спиральной конструкции книги в целом) поэтических записок и заметок, как правило без названий, складывающихся в повесть об изумлениях и неожиданностях бытия. И повесть, творящую такие неожиданности, что в стихотворении, открывающем сборник, говорится: «рассказываю о своей голове / говорю медленно / хочу чтоб ты понял / половина черная а половина белая / значит я дерево добра и зла». Так открывается эта повесть — вмешательством в миф начала, переистолкованием Книги. Быть может, даже — страшно и подумать! — сомнением в первородном грехе. Ибо дальше мы читаем: «а змей? Надо проверить / где он снес яйцо / спокойно чищу яблоко / говорят съесть яблоко полезно перед сном».

Кристиана Робб-Нарбутт

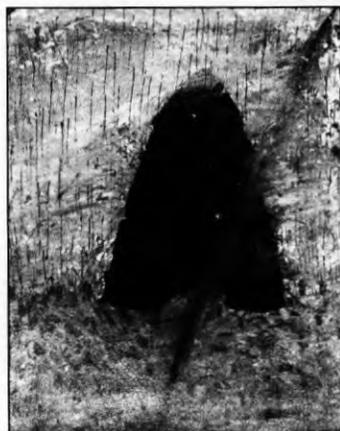
Кристиана Робб-Нарбутт.
«Черногория»

Интересное введение в мир, создаваемый в стихах Робб-Нарбутт: мы проникаем под поверхность событий, в пространство сна, насыщенное эротической, плотской тональностью, где известно, что «тёла не отыщешь в ночь цветенья розы». Выныривая на поверхность, мы участвуем в парадоксальном опыте: «между сном и сном / минуты растягиваются в ночи и дни / день всё короче». Впрочем, этот парадокс, по-видимому, мнимый. Граница, разделяющая сон и явь, текуча, обе сферы опыта проникают друг в друга и друг друга насыщают смыслом, обмениваясь своими противоположностями: «время стоит / нету дня / нет и ночи / нет вчера / нет и завтра / один туман». В этом тумане мы друг друга ищем, узнаём, теряем: в безвременье, в вечном теперь, в постоянном «всё», которое по-прежнему «все иначе».

Это всё подспудно содержится и в слове: «слова потрескались», «но слов всё меньше», «слова от меня отлетели», «между словами тропинка на холмы» — эти признания кажутся демонстрацией языковой беспомощности. Однако сами слова не значат ничего — они начинают значить, когда насыщены чувством, эмоциями:

*взвешиваешь слова
на одной чашке чутье
на другой интеллект*

*И дальше:
слова по стенам снуют
попадают в паучьи ловушки
свернувшись ждут
солнечного лучика*

Кристиана Робб-Нарбутт.
«Сон о черной горе»

Этот процесс обретения слов — одновременно он и стремление к пониманию и взаимопониманию с другими, условие диалога, разговора, где один из голосов расписан на фрагменты поэмы.

**Кристиана
Робб-Нарбутт**

Перевод Натальи Горбаневской

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из книги «ЗЕМЛЯ КАСАЕТСЯ АНГЕЛА. ТРОПИНКА СЛОВ» (1997)

*

Боль собирает твои мысли
прислушиваясь к ее вздохам
неровным шагам
серой тишине
она втягивает тебя в игру
ты муха запутавшись в паутине

*

Иосифу Бродскому

И вот в конце концов она притронулась
к тебе так много лет прожившему в ее тени
притворствуя что ничего не происходит
что притрагиваются к тебе лишь солнечные лучи
она это сделала ночью
так умирают далеко не все
может стоит вывести отсюда что Яхве разбирается в поэзии
если б только нам знать что это был за сон
и что за ночь

*

Я слушала музыку М.
между шестью и семью вечера
лежа с закрытыми глазами
за окном голос горлицы
соединялся
с голосом органа из которого М. извлекал птичье и божественное
я верила
что очень многое могу изменить
а когда открыла глаза
верилось в это не так твердо

*

Набоков касается истока
извлекает корни
и все приправляет
облачком эрудиции
хотя и знает — как я
важна лишь кружка цвета бледного неба
из которой мы пили молоко
в детстве

Paulina Zielona

*

Яцеку Р.

Перед праздником Песах
навожу в словах порядок
подпоротые выброшу
со старых осторожно смету пыль
разболтавшиеся спрячу в коробку из-под чая
надо быть осторожной
чтобы не прозевать слово
открывающее сезам ворота

*

Эмили Дикинсон

Это ты Эмили
спрашиваю крупную ночницу трепещущую над постелью
в порядке реванша
декламирую
ее стихотворение 185 (мое любимое)
отлетая подает сигнал
всё это случайность
даже та тысяча стихотворений
найденных после ее смерти

*

Писать радостные стихи
как делают неконфессиональные поэты
творить рифмы достойные муз
радоваться тучам
учиться у деревьев выносливости к ветру
где тот мастер что научил бы нас жить
вслушиваться в его радостную музыку
веры
что окончание всего лишь игра в прятки

*

Когда исчезает человек
от него остается дыра тишины
никак ее не залатать
надо быть осторожным
чтобы в нее не упасть

*

Нам пора теперь собирать ракушки
камешки запирать в сундук
зернышко к зернышку
остров нашей жизни

*

*Вату**

Боли платок укутывал его всё плотнее
в конце концов он стал реальным Иовом
бунт привел его на кладку ночи
он шел один
старательно сложенный платок
оставил на берегу

*

Любовь смертельная болезнь
день за днем
ночь за ночью
всё ближе конец

Из книги «СТИХОТВОРЕНИЯ СО СТАНЦИИ СКОО»

*

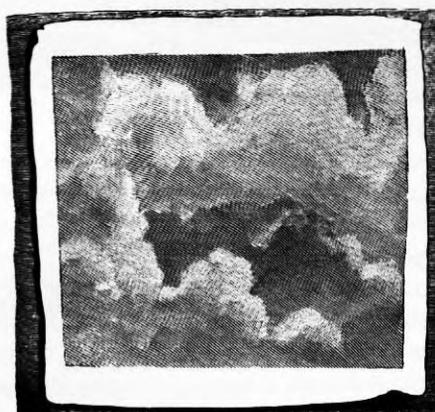
на пригорке
между восходом луны
и заходом солнца
мы гадаем
будет
не будет
конец света

*

запах скошенного луга на холме
за которым садится солнце
сладость медуницы
закрывающейся к сумеркам
горечь ореха
анисовый вкус дягиля
холодное касание ночи

*

Мыши ждут
нашего возврата
устраивают ночью
обрядовые пляски
слышны их писклявые запевы
по комнате разбрасывают
цветастые шарики
в знак что они здесь были
потом умолкают —
составляют план игры
в прятки

* Александр Ват (1900-1967) — польский поэт, прозаик, публицист; в нач. 1940-х политзаключенный в СССР. В 1946 вернулся в Польшу, с нач. 1960-х в эмиграции. Самая известная книга — посмертно изданный «Мой век», запись бесед, которые со смертельно больным Ватом вел Чеслав Милош. — *Пер.*

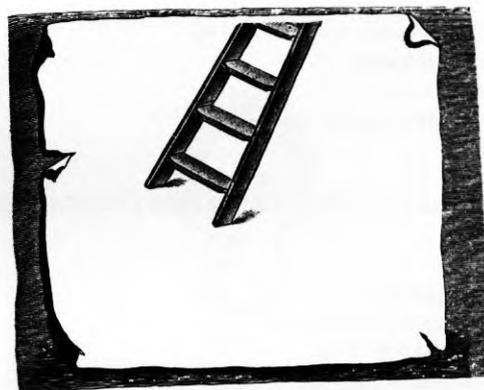
*
идиллия —
трава зеленая
конь красный
облако — булочка с кремом
запах акаций
паук взбирается
по солнечному лучу
все завершает лазурная рамка
тебе не терпится
это ж так коротко

*
воробьи нанизаны
на прутья куста
крошки что остались
от завтрака
наступит день
когда ангел сядет
за наш стол

*
бой Иакова с ангелом
на воображаемой лестнице
схватки
ветер
молния
шум дождя
лужа на земле

*
слышен поворот земли
шаги
дверей скрип
ключа скрежет
это дня конец

*
слова травой поросли
самые важные мрачные
засыпали кроты
помечая бугорками
вступила в дело крапива
распрявленная охранница природы
мы молчим —
да и что скажешь
о красоте заходящего солнца
тайне падучей звезды
беззвучии летучей мыши

Ремигиуш Гжеля

СТРАСТНО ЛЮБЯЩИЕ ЖИЗНЬ

О Екатерине Кобро и Владиславе Стржеминском

Они стояли у истоков мирового модернизма. Их творения и сейчас воспринимаются как новаторские. Немного найдется польских художников, которые пользовались бы за границей таким признанием. В Лос-Анджелесе поставлен спектакль об их жизни. В Италии издана о них книга. Музеи Парижа, Рима и Лондона организуют выставки их работ. И все же. Внешний успех не может заслонить горькой и болезненной правды. Они оказались на обочине жизни. В тридцатые годы они были творцами авангарда. Их союз был прекрасным, гармоничным и плодотворным. Счастью положила конец война — она если не задала их совсем, то унизила. Нищета, голод и борьба за выживание поглотили их целиком. Эта борьба лишила их чувства собственного достоинства. А в таких условиях от любви до ненависти и вправду один шаг. Какой на самом деле была жизнь скульптора Екатерины Кобро и художника Владислава Стржеминского?

Их судьба обросла легендами. В них Кобро всегда жертва, Стржеминский всегда обидчик. Наверняка так оно и было. Но, работая над статьей о них, беседуя с их дочерью Никой, которой теперь уже нет в живых, встречаясь с их общими знакомыми и с учениками Стржеминского, читая то, что писали они, и то, что писали о них, я понял, что правда лежит глубже. Екатерина Кобро была жертвой. Но и Владислав Стржеминский был жертвой. Он бил Кобро костью. Это факт. В письмах к Пшибосю он называл жену «эта паршивая кобра». Это тоже факт. Но ведь было и другое: восхищение ее творчеством, общая ра-

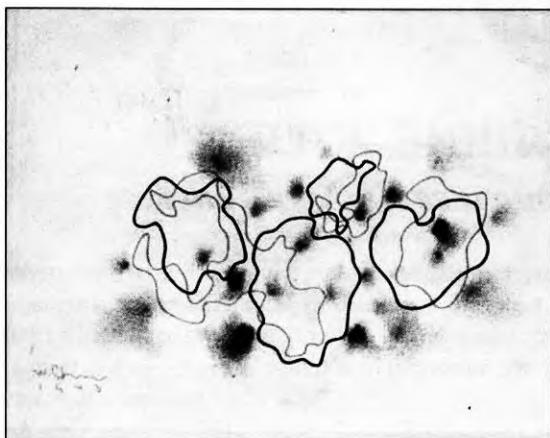
бота, любовь к дочери. Нельзя обойти и тот неоспоримый факт, что первые серьезные конфликты между ними вспыхнули в начале войны, в 1940 году, а поженились они в 1921-м, — то есть два-

дцать лет прожили в счастливом супружестве. Они ездили отдыхать в Закопане и Халупки. У них было много друзей, среди которых был и Юлиан Пшибось. На фотографиях, относящихся к тому периоду, они выглядят счастливыми, особенно на берегу моря. Об этом отрезке их жизни никто не пишет, а жаль. Их союз распался. Но были и иные времена. Возможность развода даже не рассматривалась. Кобро не смогла уйти от мужа. Сносила унижения. Чувствовала ответственность за него, ведь он был калекой. Еще факт? Часто цитируют фрагмент дневников Кобро, где она, например, вспоминает, как муж заставлял зимой

Юлиан Пшибось, Владислав Стржеминский и Екатерина Кобро

возить его на санках. Сказано довольно резко. Но даже здоровому человеку нелегко передвигаться по обледенелой улице. Что уж говорить о человеке на костылях, лишенном ноги и руки. Все не так просто, как кажется на первый взгляд. В предисловии к своей книге о родителях Ника Стржеминская написала: «Жизнь матери осложнилась после моего рождения. Сначала все свое время и энергию она отдавала мне, орущему младенцу, потом началась война, и мать почти перестала заниматься творчеством. Отец во время оккупации был угнетен, его мучили страхи...» Эти слова подтверждают мои догадки. Давайте внимательнее рассмотрим жизнь этих замечательных художников европейского масштаба.

Владислав Стржеминский. *Натюрморт*

В московском госпитале

Владислав Стржеминский с одиннадцати лет учился в московском Александровском кадетском корпусе. В 1911 г. закончил его. Ему тогда не было и восемнадцати лет. Поступил в петербургское Николаевское военно-инженерное училище, а в 1914 г., в середине июля, оказался в I Кавказской дивизии.

28 июня 1914 года сербский студент Гавриил Принцип застрелил в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Основное подоружие в подготовке покушения пало на Сербию. Австро-Венгрия в ответ напала на Сараево. Так началась I Мировая война. Стржеминский служил тогда офицером в саперных частях. Его откомандировали в крепость Осовец. Спустя годы он рассказывал дочери о том, что ему довелось там пережить: холод, разбитые дороги, грязь, вши. Потом их часть перевели в местечко Першай в Белоруссии. В ночь с шестого на седьмое мая 1915 г. солдат, споткнувшись, уронил в свой окоп гранату со снятой чекой. Погибло много его товарищей. Стржеминский попал в полевой госпиталь, где ему ампутировали левую руку ниже локтя и правую ногу, оставив только треть бедра. Осколком повредило глаз. Позже Стржеминского перевезли в Москву.

Там, в госпитале имени Прохорова, работала медсестрой юная Екатерина Кобро. Она, как и многие девушки из хороших семей, считала своим долгом во время войны ухаживать за ранеными. Среди них был и Стржеминский. Катя рассказывала ему о своих увлечениях. Говорила, что хочет

учиться скульптуре. Раненый офицер тоже увлекался искусством, правда, никогда серьезно не думал о том, чтобы посвятить ему свою жизнь. Теперь он решил, что самое время начать все сначала. Ни несчастный случай, ни тяжелое ранение и увечья не поколебали его душевного равновесия. Это больше всего привлекало в нем Екатерину Кобро. Они много разговаривали. Другие пациенты не отличались терпением, быстро впадали в отчаяние. Но только не Стржеминский. Сейчас бы сказали, что у него была харизма. Он умел привлекать к себе людей, они к нему тянулись. Это подтверждает и учившаяся у него позже Кристина Кригер, с которой я беседовал в Лодзи.

Стржеминский долго оставался в госпитале. Его уговаривали учиться ходить на протезе. Но ни к одному он так и не смог привыкнуть. Стржеминского мучили фантомные боли в ампутированной ноге. Окрепнув, он стал передвигаться на костылях. Кобро во всем ему помогала, учила его ходить заново. В это время он начал писать красками.

Кобро приходила в госпиталь все реже, потому что ей надо было готовиться к экзаменам. Осенью 1917 г. она поступила в московское Училище живописи, ваяния и зодчества. А Стржеминский, выйдя из госпиталя, в октябре 1918 г. тоже начал учиться в Москве, в Первых свободных художественных мастерских, куда скоро попала и Екатерина Кобро. Это был знак судьбы. И не единственный. Осенью 1919 г. Стржеминский переехал в Смоленск. Летом 1920-го там поселилась и Кобро. Оба были полностью поглощены творчеством. Стржеминский много писал и уже сумел получить признание. Скульптуры Кобро тоже привлекали к себе все больше внимания, ей даже предложили преподавать в местном училище керамики.

А кроме того, я вышла замуж

«Отец тогда уже был известным художником, занимал несколько ответственных должностей, постоянно участвовал в различных выставках. В профессиональном сообществе к нему прислушивались. Мама, хотя и была на пять лет моложе отца и меньше успела сделать, несомненно, была одной из самых заметных фигур советского художественного авангарда», — много лет спустя писала дочь.

Они начали работать вместе. Их взгляды на искусство совпадали. Кобро была привлекательной женщиной с большими серо-голубыми глазами. Стржеминский ей импонировал своим честоло-

бием, упорством и талантом. Она не замечала его инвалидности. Для нее была важна не физическая, а духовная сторона.

Они стали жить вместе. В то время решиться на это, бросив вызов общепринятой морали, было непросто. Но они были авангардистами не только в искусстве, но и в жизни. В конце 1921 г. они зарегистрировали брак — о чем Кобро сообщила своим родным в письме так: «А кроме того, я вышла замуж». В их мастерскую на Большой Советской в Смоленске приходило все больше народу. Януш Загородский вспоминал, что их студия выглядела довольно забавно: вся была заставлена ящиками, кусками жести, разнообразным стеклом, завалена опилками. Он окрестил ее «палитрой конструктивизма».

Примерно в 1922 г. они приехали в Польшу. Почему? Это остается неясным, и даже дочь не смогла найти ответа на этот вопрос. Путь в Польшу был нелегким. Им пришлось ночью продираться через заросли и болота. Весь багаж тащила на себе Кобро, Стржеминскому это было не под силу. Их задержали польские пограничники и водворили в камеру, обвинив в шпионаже в пользу Советов. Проведя в заключении несколько недель, они в конце концов добрались до Вильно, где находилась семья Стржеминского.

Свекровь невзлюбила Кобро. Говорят, из-за ее русского происхождения.

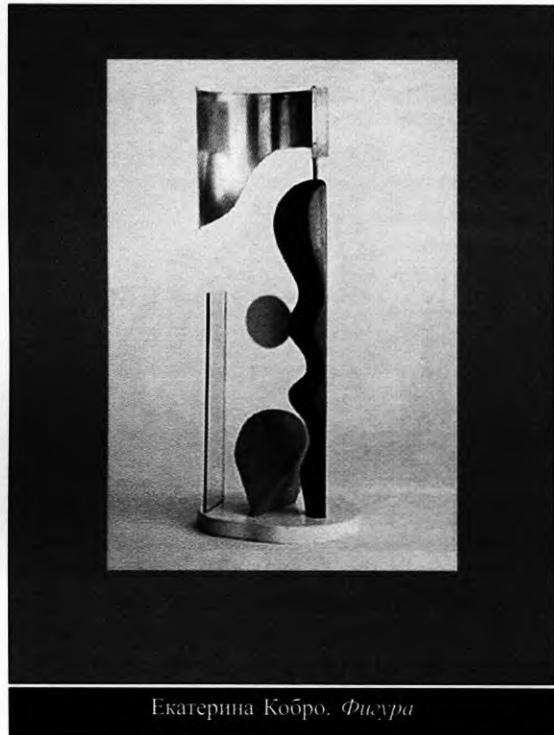
«Когда мы приехали в Польшу, Стржеминский начал подчеркивать, что он поляк, я ушам своим не верила», — отмечала художница в дневнике, который, правда, писался спустя годы, когда супруги уже ненавидели друг друга.

Кобро пришлось жить в семье мужа, ей там было плохо. Ее роль сводилась к помощи свекрови. Стржеминские разговаривали между собой исключительно по-польски, то есть на языке, которого Кобро не понимала. Она надумала вернуться к своим, в Латвию. Так она и сделала.

Они писали друг другу письма. В конце концов было принято решение съехаться, но поселиться отдельно от семьи. Чтобы получить польское гражданство, Кобро пришлось обвенчаться со Стржеминским в костеле, это произошло 29 июля 1924 г. в Риге. Супруги переехали в Польшу и поселились в Щекочиных, что на реке Пилице. Тогда они часто меняли адреса. Из Щекочин переехали в Бжезины, потом в Жаковице, а оттуда в Колюшки.

«Колюшки показались маме чуть ли не метрополией. Ей довелось прожить здесь четыре го-

да». Это было счастливое время. Они вместе работали над книгой «Пространственная композиция. Расчет пространственно-временного ритма». Совместная работа была вызвана необходимостью, поскольку Кобро неправильно писала по-польски. Стржеминский исправлял ей орфографические ошибки. Это был период интенсивного творческого роста, скульптор работала над своими знаменитыми пространственными композициями. Кобро была первой в мире художницей, которая

Екатерина Кобро. *Фигура*

вписала скульптуру в пространство, в этом она опередила даже Генри Мура.

В конце концов, осенью 1931 г. супружеская чета переехала в Лодзь. Они снова работали вместе. Хотели открыть художественную школу, где исповедывались бы более передовые взгляды, чем в знаменитом немецком Баухаузе.

В Лодзи они снова переезжали с места на место. Это были, как правило, комнатки без удобств, и там еще надо было выделить место для работы. Зимой и летом супруги устраивали себе каникулы. В Закопане они познакомились с Виткацием, тот даже написал портрет Кобро. Рождество встречали с семьей Пшибося в городе Висла. Их

браку было уже десять лет, и ничто не предвещало катастрофы.

Владек

«В 1935 году мамино желание родить ребенка окончательно созрело. Она была красивой, сильной, энергичной женщиной, которая не успела познать радости материнства. Жизнь, целиком посвященная творчеству, перестала ее удовлетворять. Кроме того, она понимала, что ей 37 лет и скоро будет уже поздно рожать». Стржеминский

Екатерина Кобро. *Композиция*

вначале не хотел ребенка. Его мать твердила Кобро, что ее долг — заботиться о «Владеке», мазать ему хлеб маслом, резать ножом то, что лежит у него на тарелке... «И этот Владек был моим ребенком. Мне казалось, что я смогу заглушить в себе инстинкт материнства», — писала Кобро.

Ника родилась в ноябре 1936 г., на три месяца раньше срока. Персонал роддома состоял в основном из немцев. Стржеминский говорил, что это фашисты и что они хотят убить его дочь. Говорил, что они дают ей яд.

«Тогда и началось почти параноидальное отношение отца к немцам». Стоит обратить внимание на эту фразу, потому что последующие его конфликты с женой были явно замешаны на национальных предрассудках. Во-первых, она была русской. Во-вторых, со стороны отца имела немецкие корни.

До двух лет Ника тяжело болела. Для всех это было трудное время. Вокруг говорили о войне.

Когда она началась, семья, спасаясь от бомбардировок, бежала в Вилейку*. Кобро массировала парализованным старухам ноги за молоко или макароны для ребенка. В самые лютые морозы она ходила без чулок, потому что на них не было денег. Денег вообще ни на что не было. Так начался их ад. Спустя девять месяцев в телячьих вагонах они вернулись в Польшу. В Лодзи на Кобро стали оказывать давление, чтобы она, из-за ее немецкого происхождения, подписала Volksliste**. Фамилия ее деда звучала «фон Кобро». В конце концов оба подали заявление о включении их в так называемый «русский список», что давало возможность получать больший продовольственный паек. Стржеминский не мог себе этого простить до конца жизни, обвиняя жену в том, что, если бы она не была русской, их бы не заставили это сделать. Такой шаг казался ему предательством, хотя они совершили его ради ребенка.

С творчеством было покончено. Надо было выживать. Кобро шила игрушки для детей, которые выменивала на продукты или деньги. Стржеминский рисовал открытки. Пейзажи «С праздником» или букеты «С днем ангела». Оба шили сумки. Положение было хуже некуда. Это время хорошо запомнилось Нике Стржеминской: «Без ссор и стычек не проходило ни дня». Они снимали комнату у хозяев. Когда хозяйские дети заболели скарлатиной, Кобро воспользовалась этим и уехала с дочерью к подруге, Аде Краузе. Стржеминский приходил к ним почти каждый день.

Обвинения

В 1943 году Кобро втайне от мужа крестила дочь в православной церкви. Стржеминский, узнав об этом, впал в бешенство. В письме к Юлиану Пшибосю он писал: «Представьте, во время войны фон кобра сбежала с Укой (так он называл дочь. — *Р.Г.*) к немке и, пока жила там у нее, окрестила Уку в православной церкви».

В мае 1944 г. они снова поселились вместе. Теперь уже дело не ограничивалось ссорами. Стржеминский стал бить жену, пуская в ход костыли.

«От этих лет, так же, как и от следующих, у меня остались в памяти мамины синяки на плечах, спине и голове».

* До II Мировой войны Вилейка входила в состав Польши. Сейчас это город на территории Белоруссии. — *Пер.*
** Volksliste — реестр немецкой национальности, который вели немецкие оккупационные власти на территории Польши во время II Мировой войны. — *Пер.*

Когда Стржеминский стал обвинять жену в том, что она не привозит дров, а значит, не заботится о дочери, Кобро спустилась в подвал и порубила топором свои скульптуры. Наверное, она надеялась, что муж ее остановит, но он этого не сделал. А ведь он прекрасно знал, что для нее значили.

Осенью 1945 г. Стржеминский начал работать в Высшем училище изобразительного искусства. Он вел курс «Композиция и принципы формы» и был замечательным преподавателем.

Кристина Кригер: «Он был прекрасен. Так нам казалось, несмотря на его физические недостатки. Занятия он вел, стоя у доски и поясняя свои слова рисунками. Говорил всегда конкретно. Студенты его обожали, коллеги не выносили. Особенно после 1949 года, в период расцвета соцреализма. Художники в Лодзи стали соцреалистами, разве мог им понравиться человек с другими взглядами на искусство?»

В начале 1947 г. Стржеминский подал на жену в суд, прося лишить ее родительских прав, и тем самым отрезал все пути к примирению. Они продолжали жить вместе, ненавидя друг друга еще больше. В это время в училище собирались предложить Кобро возглавить кафедру скульптуры. Стржеминский воспринял это как личное оскорбление. Он не видел для себя возможности не только сотрудничать с женой, но даже встречаться с ней в коридорах училища. Когда спросили его мнение по поводу назначения Кобро на должность, он высказался против, заявив, что жена лишает дочь национального самосознания, внушая ей неприязнь к Польше и любовь к немцам и русским. Такой аргумент, когда после войны прошло всего два года, решил дело.

«Старые друзья и ученики отца в один голос заявляли, что, когда разговор заходил о жене, профессор менялся до неузнаваемости. Со злобой и

яростью он обвинял ее во всех смертных грехах. Мама тоже жаловалась всем подряд на ссоры и низкие поступки мужа, возлагая на него ответственность за все зло, которое ей пришлось испытать в жизни».

Владислав Стржеминский. Женщины

Начались взаимные обвинения. Их частная жизнь стала предметом всеобщего обсуждения. Посторонние посвящали в самые интимные подробности. Каждый старался не остаться в долгу. Кристина Кригер признаёт, тем не менее, что они никогда не отзывались плохо о творчестве друг друга.

В конце учебного года Стржеминский уехал из дома. Он снял комнату на улице Коллонтая, дом 8. Мебели там почти не было. Кровать, столик и несколько стульев, чтобы было где разместиться студентам, которые постоянно его навещали.

В письме Юлиану Пшибосю от 25 октября 1947 г. Стржеминский со-

общал: «Я сужусь с паршивой коброй, чтобы у нее отобрали дочь (...) Кажется, против нее будет возбуждено уголовное дело. Она это заслужила».

Ника Стржеминская как-то написала мне: «Я не понимаю, что творилось с отцом. Он мог прекрасно говорить и писать об искусстве. У него была чуткая душа художника. И при этом он так плохо говорил о маме. Его письма к Юлиану Пшибосю заставили меня серьезно призадуматься. Страница с захватывающим рассказом об искусстве соседствует там с другой, где он очень грубо, вульгарно отзывался о маме».

В судебный процесс было втянуто очень много людей, на заседания вызывали все новых свидетелей. Это было шумевшее дело. Зофья Налковская, восхищавшаяся Стржеминским, написала в своих дневниках:

«Какая-то тяжелая история с женой (...) Он был бы прекрасен, если бы не отсутствие передних зубов, которые ему не хочется вставлять (...) Наконец, у него какие-то трудные семейные

Владислав Стржеминский. Цветы

обстоятельства, в отношении которых с ним трудно солидаризоваться».

Хуже всего, что в судебном процессе участвовала их одиннадцатилетняя дочь. Суд решил оставить дочь с матерью.

«По мнению судей, мать воспитывала во мне враждебность и неуважение к отцу. Она хотела, чтобы я не забывала о своей национальной принадлежности, рассматривая это как средство борьбы с мужем». Свое решение суд обосновал следующим образом: «Семейный конфликт провоцируют обе стороны, он имеет глубокий характер и вызван различными причинами, исследование которых выходит за рамки текущего процесса».

Конечно же, Стржеминский оспорил принятое решение. Кобро в заявлении в суд писала: «Я буду защищать своего ребенка до последнего вздоха. Я бедна, на мне нет целой рубашки. У меня нет двадцати тысяч, чтобы купить хотя бы одно выступление ловкого адвоката, и потому я прошу суд извинить меня, если я совершаю какую-то

юридическую ошибку». Суд утвердил решение низшей инстанции.

Стржеминский в то время вполне преуспевал. Водил дочь в кондитерскую, покупал ей подарки. Давал деньги на ее содержание. Приносили их Кобро студенты Стржеминского. В том числе Стефан Кригер.

Кристина Кригер: «Стржеминский помогал Кобро и дочери деньгами. Он чувствовал свою ответственность за семью. Тогда это имело значение, даже если они поливали друг друга грязью в судах. Как-то мой муж привез Нике велосипед — подарок Стржеминского, и Кобро якобы сказала дочери: «Смотри, велосипед тебе прислал, чтобы ты на нем разбилась»».

Голубые цветочки

Самым трудным был 1949 год. Против Кобро выдвинули обвинение в подписании Volksliste и в принадлежности к фашистским организациям. Ее приговорили к шести месяцам тюрьмы.

«Для матери начался кошмар. Она вообще перестала спать по ночам. Ложась в кровать, она гадала, не придут ли за ней утром, чтобы отвезти в тюрьму». Апелляционный суд признал ее невиновной, благодаря участию знаменитого адвоката Генрика Финкштейна, который заявил, что суд неверно истолковал положения закона.

Материальное положение Стржеминского ухудшилось. Его выгнали с работы, лишив средств к существованию. Выручали по-прежнему студенты, они приносили любимому профессору продукты.

Состояние здоровья Кобро становилось все хуже, начались кровотечения. У нее обнаружили рак шейки матки. В это время она весила 44,7 кг при росте 164 см. Ее поместили в институт им. Складовской-Кюри в Варшаве, где она прошла курс облучения. Когда Кобро вернулась в Лодзь, ее болезнь продолжала прогрессировать.

«Мать не брали в больницу, несмотря на то, что ее мучили ужасные боли. Капли с морфием давно перестали помогать. Все чаще ей приходилось делать уколы (...) В какой-то момент я заметила, что мама пытается снять коронки с передних зубов. Они были золотые, с накладками из фарфора. Мама не хотела, чтобы ее с ними похоронили. Вручая мне эти свои искусственные зубы, она сказала, что дает их мне на черный день».

Стржеминский узнал о болезни жены. Решил-ся ее навестить. К сожалению, ничем хорошим это не закончилось. Она сказала ему: «Я не хочу, чтобы ты приходил на мои похороны». Когда состояние Кобро еще больше ухудшилось, ее забрали в дом для неизлечимо больных, где она умерла 21 февраля 1951 года. Дочь не сообщила Стржеминскому о похоронах.

Ни одна газета не опубликовала некролога. Стржеминский узнал о смерти жены, только когда в очередной раз зашел к дочери. Он спросил ее: «Почему ты мне сразу не сказала о похоронах? Я бы положил на ее могилу голубые цветочки». Многие годы Ника Стржеминская спрашивала себя, почему именно голубые. Но не нашла ответа. Девочку поместили в детдом в Хеленувке. Стржеминский, чтобы чаще видеться с дочерью, вызвался бесплатно вести там кружок художественного творчества. Вскоре Ника сбежала из детдома к Стржеминскому, которому после долгих хлопот разрешили заняться воспитанием дочери.

«Атмосфера в доме отца сильно отличалась от той, к которой я привыкла у матери. К нам на Сребжинскую почти никто не заходил. Здесь же вечерами двери, можно сказать, не закрывались».

У Стржеминского обнаружили запущенный туберкулез. Он попал в больницу, а Ника в детдом для девочек на Каролевской улице, 51. Студенты продолжали помогать Стржеминскому.

Кристина Кригер: «Он провел в больнице почти год. Мы его навещали. Приносили кофе, который он очень любил. Чтобы кофе не успел остыть, мы заваривали его у нашего товарища, ко-

торый жил ближе всего к больнице. Стржеминский ждал нас, по-прежнему рассказывал нам об искусстве и вел себя, как ни в чем не бывало, словно никакой болезни и не было. Интересовался нашей личной жизнью».

Умер он 26 декабря 1952 года.

«Похороны отца состоялись 31 декабря 1952 г.

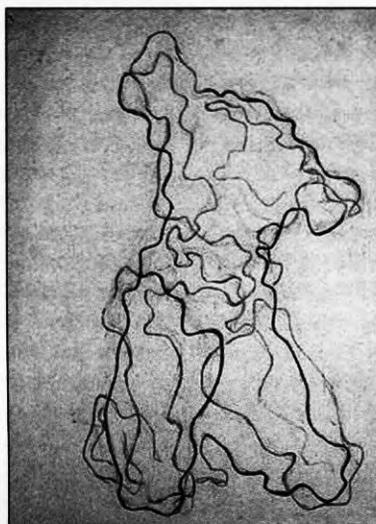
на Старом кладбище в Лодзи. Через несколько часов наступал новый, 1953 год. Мне показалось, что похороны были очень многолюдными. Я хорошо запомнила похороны мамы, на которые, кроме меня, пришло всего несколько человек».

Художник Стефан Вегнер, который тоже работал в Лодзи, в своих воспоминаниях написал: «Я не знаю человека более пылкого, чем Стржеминский, он был полон страстного желания жить, способен на глубокие переживания, не опошленные банальной экзальтацией».

Я навестил оба кладбища. Нику Стржеминскую похоронили на православном, в могиле матери. Надгробие украшала копия скульптуры Кобро в

виде обнаженной девушки. Она была сделана из эпоксидной смолы. Кладбищенские воры, думая, что это металл, хотели украсть ее и сдать на лом. Отрезали скульптуре ногу и отстали.

На могилу Екатерины Кобро и Ники Стржеминской я положил голубые цветы.

Властислав Стржеминский.
Из цикла ВОЙНА ДОМАМ, 1941

Юлиан Пшибось

Перевод Марины Курганской

Из книги «ЗАПИСКИ БЕЗ ДАТЫ»

Рисунок Стржеминского

Мне прислали второй номер журнала «Нурт», который доставил мне большую радость: я обнаружил в нем репродукцию рисунка Стржеминского «Образ леса». Он подействовал на меня совсем как музыка Равеля, которая всегда по-особенному волнует и будоражит воображение. Видение Стржеминского поразительно совпадает с моим синтетическим восприятием формы. Сколько же я видел лесов — и снизу, и сверху, с самолета, — и вот все они вернулись ко мне в этом рисунке — легком, воздушном и в то же время точном и прочитанном. Линия, которая взметнулась справа, создавая образ дерева-великана, производит более мощное впечатление, чем самый мощный дуб, который я видел в жизни. Стржеминский — это сосредоточенность, концентрированность видения.

Стржеминский перед смертью

Палата в туберкулезной больнице в Хойнах в Лодзи, где лежал Стржеминский, была предназначена для умирающих. (...)

Я привез ему из Швейцарии «римифон», который тогда (в 1952 году) считался у нас лучшим лекарством от туберкулеза, способным творить чудеса, — и в самом деле, после недели лечения Стржеминский почувствовал себя лучше, был оживлен и полон планов на будущее. Он признался, что было собрался уже, как положено, умереть от туберкулеза, да вот появился «римифон», и... Кто знает, как все обернется, ведь теперь он уже может подниматься и сидеть в постели... Стржеминский был необыкновенно чутким, пронизательным наблюдателем, и остался им до конца жизни: он постоянно перерабатывал окружающий мир в мысль, в теорию; изложил мне нечто вроде *artis moriendi*, теории умирания.

Он никогда не забивал себе голову таким не стоящим внимания — ибо зависящим от воли случая — вопросом, как смерть. Главное — это жизнь, то есть целеустремленный труд, а значит, и конец этого труда, который никогда не может быть достигнут, даже если получены осязаемые и важные для всех результаты, потому что цель все время отодвигается и видоизменяется. А раз так...

— Хочу набросать еще пару картин в духе метафорической живописи. Большого формата, примерно четыре на два метра. Чтобы показать, как это делается

средствами живописи, без этой их пачкотни, соцреализмов и портретов вождей величиной с дом!

Раньше, до неизлечимой болезни, разговор о смерти показался бы Стржеминскому смехотворным, комедийским — сам он никогда не упоминал о том, что ему уже однажды довелось умирать, когда он был тяжело ранен во время атаки на немецкие окопы. Его жена мне рассказывала, что в эту безумную атаку он бросился первым, в полном одиночестве, прежде, чем поднялось его отделение — уже за тем, чтобы забрать его, раненого, с линии огня. Это был не столько боевой порыв (за который Стшемникий получил Георгиевский крест), сколько желание встретить смерть... (...)

Стржеминский говорил о положении в польской живописи. Правда, руководителей и идеологов официального искусства он справедливо называл вредителями и слепцами, но делал это без яда и презрения — он, который так умел ненавидеть! Он словно удивлялся, сколько прежней глупости может сохраниться и возродиться при новом строе. Уволенный из Высшего училища изобразительных искусств за «формализм», он какое-то время зарабатывал оформлением витрин в магазинах, получая гроши, на его содержании была дочь, он недоедал, пока в конце концов не упал от истощения на улице.

А ведь в этот, самый тяжелый для изобразительного искусства период только он один, и больше никто, мог стать родоначальником той живописи, о которой так хлопотали пропагандисты. Е.Путрамент в своей книге «Полвека» вспоминает, как в 1940 г. Стржеминский к празднику 1 Мая превратил убогий, серый городишко Вилейку в красочную феерию, сцену для пространственных художественных композиций. Но в тот раз власти предоставили ему полную свободу действий в украшении города. Тогда еще не требовали гигантских портретов вождей и сплошного кумача на фасадах домов — везде, где придется, кумача и только кумача, метров, километров кумача, как для дальтоников. Такая монохромность не только не радует глаз, а, напротив, производит угнетающее впечатление. Один красный флажок, контрастирующий с фоном, может значить для глаз и души больше, чем сто красных транспарантов, не вписывающихся в окружающее пространство и развешенных где попало.

Стржеминский искал решения — принципы социалистического реализма он воспринял серьезно и подошел к ним как художник. Он сделал серию ри-

сунков и набросок картины (позже утраченный), которые, с его точки зрения, положили начало новому «метафорическому» искусству. Картина, созданная в духе социалистического реализма, рассуждал он, должна служить пропаганде социализма. Значит, речь идет о прикладном искусстве. Так пусть это будет живопись, художественные достоинства которой так органично и ненавязчиво сольются с вложенной в нее пропагандистской идеей, что зритель воспримет ее с радостью, — такое искусство не только сможет обогатить публику художественно, но и пробудит ее общественное самосознание.

Как этого добиться? Изобразить рабочих за работой? Но это вряд ли вдохновит их на новые трудовые подвиги. По двум причинам. Во-первых, восемь часов подавать кирпичи — вполне достаточно, чтобы после работы постараться об этом не думать, а просто отдохнуть. Искусство — это высшая сублимированная форма отдыха, восстановления сил для дальнейшей работы. Как же подноски кирпичей отдохнуть, если даже в выставочном зале картина «Поддай кирпич!» будет напоминать ему о тяжком труде! Во-вторых, где ему набраться сил и трудового энтузиазма, если эта картина (как и все ей подобные) просто плохо написана! А значит, она не может воздействовать на зрителя так, как должно действовать прекрасное, которое, по словам Норвида, для того и существует, чтобы восхищать и тем самым мобилизовать на доблестный труд.

Итак, Стржеминский предложил живопись на заданную тему, решенную, однако, «метафорически». Эта тема легко просматривалась, но просматривалась благодаря художественным, а не литературным средствам выражения (как в картине «Поддай кирпич!» или не помню чьей картине под названием «Сельскохозяйственная реформа»). На единственной (не сохранившейся) «метафорической» картине, которую я видел, Стржеминский изобразил жатву. Сноп пшеницы в руках жницы, вверху солнце. Каждый из этих образов был решен не натуралистически и многозначно, как в поэтической метафоре. Голова одной из крестьянок ассоциируется с картофелиной, колоски в снопе похожи на миниатюрные буханки хлеба, а сам сноп напоминает охапку звезд на небе, где солнце имеет форму четырехлистника клевера, символа счастья. Всё вме-

сте — замечательный пропагандистский плакат или художественный «венюк» к празднику урожая. Я легко мог бы его себе представить — увеличенным в несколько раз — на том празднике урожая, который каждый год проводился на стадионе в Варшаве, — там он стал бы главным элементом оформления.

Я спросил Стржеминского, как он пришел к идее «метафорической» живописи.

— Я позаимствовал ее у поэзии. Если этот «рифмфон» мне еще поможет, я напишу такую картину — большую, в два-три раза больше — к вашему «Луку». Там есть письмо крестьянки: «Кривые грядки, словно их серпом писали...»

Когда я смотрю на картину Стржеминского «Жнецы» и его «метафорические» рисунки, мне хочется сравнить их с композициями Пикассо «Война и мир», которые появились на несколько лет позже «Жнецов». Пикассо написал солнце в виде вместительного многоугольника, из которого торчит непонятно что. Фрукты? Нет, это солнце-завязь пустило побеги. Мало того, что Стржеминский со своим солнцем-четырёхлистником опередил Пикассо, он и подошел к этой пропагандистской живописи принципиально иначе, чего нельзя не заметить. (...) Предметы-гибриды на картине и последних рисунках Стржеминского — это действительно метафоры. Форма солнца и форма четырёхлистника сливаются воедино, — как сливаются две разные формы, взаимно трансформируясь, если быстро, почти мгновенно перевести взгляд с одной на другую. Точно так же лица крестьянок отождествляются с формой картофеля. Солнце Стржеминского можно определить метафорой: «четырёхлистник солнца». В то же время солнце Пикассо из веток, фруктов и солнечного круга не дает результирующей формы. Оно представляет собой бесформенное нагромождение смыслообразующих элементов — то есть аллгорию. Такую же, как, например, аллегория «Лето»: дева в венке из колосьев. Птиц в аквариуме и рыбок в клетке Пикассо помещает на противоположных чашах весов, качающихся на голове ребенка, — это, скорее всего, просто шутка. Или, может быть, имеется в виду, что детское сознание полно фантазий, что ребенок все понимает превратно?

Пикассо по-старомодному аллегоричен и повествователен, по-кубистски угловат; Стржеминский — по-унистски* лаконичен и метафоричен.

* Унизм — направление в конструктивизме в 20-30-х гг. XX века, идеологами которого были В.Стржеминский и Е.Кобро.

Кшиштоф Бурнетко

СМИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

Совпавшие по времени парламентские и президентские выборы принесли не только изменения в верхних эшелонах власти. Обе предвыборные кампании оказались еще и важной проверкой для польских СМИ, которые внесли в общественную жизнь совершенно новое и, быть может, революционное качество: они вместе начали контролировать, кто из политиков нагло врёт избирателям. Правда, не удалось избежать и старых ошибок.

Хотя со времени падения коммунизма в Польше прошло уже больше 15 лет, эта идея возникла только сейчас: ведущие СМИ страны решили создать коалицию, чтобы совместно проверять, не обманывают ли граждан кандидаты на государственные должности. А ведь уже давно ясно, что ложь и демагогия прочно обосновались в современных избирательных кампаниях — в Польше же их концентрация, похоже, особенно сильна. Несмотря на это наша демократия не выработала механизмов, которые эффективно защищали бы граждан от политического мошенничества. Даже Государственная избирательная комиссия решила не изменять содержания предвыборных программ (а также не вмешиваться в ход дебатов перед конституционным и европейским референдумами), какую бы явную ложь они не содержали. СМИ, у которых была особенно удобная возможность проявить себя, тоже выполняли свою задачу не лучшим образом: их действия были случайными и спорадическими. Часто журналисты некритически цитировали и распространяли ложь политиков, не требуя от них доказательств и не комментируя ложных высказываний.

В результате четкие стандарты того, что в политической борьбе допустимо, а что нет, так и не сформировались. Ложь в общественной жизни оставалась безнаказанной.

Между тем, как недавно напомнил в своей нашедшей книге «Республика граждан» известный конституционалист проф. Виктор Осятынский, связанный с Хельсинским фондом по правам человека, у опытных демократий есть методы проверки выдвигаемых политиками тезисов. Например, в США сразу же после окончания знаменитых публичных дебатов между кандидатами в президенты как государственное телевидение, так и частные телеканалы проводят т.н. facts check, т.е. с помощью экспертов и ресерчеров проверяют истинность фактов, на которые ссылались участники дискуссии. В результате, когда во время первых дебатов в октябре 2004 г. Джон Керри сказал, что война в Ираке обошлась США уже в 200 млрд. долларов, ему мгновенно заметили, что истинная ее стоимость составила 119 миллиардов. Впрочем, его конкурент тоже пытался ввести общественное мнение в заблуждение по этому вопросу: Джордж Буш сообщил, что курсы полицейских окончили уже 100 тыс. иракцев. Эксперты поправили его: на самом деле к несению службы были готовы только 50 тыс. полицейских.

Такого рода контроль за высказываниями политиков с точки зрения соответствия правде должен стать навыком и в польских СМИ. Более того, это одна из их главных задач — доказывал Осятынский.

Далее он подчеркивал, что это может касаться всех элементов риторики предвыборной кампании. Разумеется, в категориях правда—ложь легче всего оценить утверждения, которые кандидаты представляют как факты. В этом случае просты и выводы: неблагоприятный результат свидетельствует либо о некомпетентности кандидата, либо о сознательной попытке обмануть избирателей. Труднее проверить обоснованность высказываемых в ходе кампании мнений. Но и здесь можно выяснить, истинны ли посылки, на которых основано высказывание, и не делаются ли из них слишком далеко идущие выводы. Подобным образом можно оценивать и обещания кандидатов: нужно только узнать, во сколько обошлось бы их выполнение, не противоречат ли они закону, каковы могут быть их негативные последствия и т.д.

Отсюда — идея акции, направленной на искоренение лжи и ограничение демагогии в предвыборных кампаниях (как парламентской, так и президентской). Речь шла, с одной стороны, о том, чтобы избиратели получили неопровержимые доказательства, кто из кандидатов хочет их обмануть, а кто заслуживает доверия, с другой же стороны — чтобы политики начали более старательно взвешивать свои слова.

Под влиянием проф. Осятынского в акцию, названную «Кампания под контролем», включились ведущие польские СМИ: газеты «Жечпосполита» и «Выборча», журнал «Политика», частное телевидение ТВН, информационное радио ТОК ФМ, а также интернет-портал Onet.pl. На протяжении обеих кампаний с помощью независимых специалистов они проверяли высказывания главных кандидатов, программные документы, предвыборные лозунги и т.п. Результаты систематически объявлялись. Участие в акции как электронных, так и традиционных СМИ (причем и ежедневных газет, и журнала-еженедельника) позволило разнообразить формы комментариев и сообщать друг другу о самых вопиющих случаях лжи. Поскольку подобная акция проводилась в Польше впервые, не обошлось и без недочетов. Самым большим из них было то, что проверялись прежде всего официальные программы и высказывания партийных лидеров. Слишком редко удавалось контролировать высказывания кандидатов на местах.

Так или иначе оказалось, что кандидаты пытались манипулировать абсолютно всем. Историей: аграрная партия ПСЛ утверждала, что после войны весь народ боролся с властью под ее предводительством, а националистические правые — что и после 1989 года в Польше правят коммунисты. Определениями общественных наук: Анджей Леппер из «Самообороны» заявлял, что 70% поляков живут ниже уровня прожиточного минимума, что означает нищету и нарушение прав человека. Законами экономики: маргинальная Польская партия труда, а также правивший до недавнего времени Союз демократических левых сил (СДЛС) пробивали идею, что повышение минимальной зарплаты улучшит конъюнктуру и обеспечит новые рабочие места. Экономическими понятиями: «Самооборона» планировала пустить валютный резерв центрального банка на текущие нужды. Наконец, статистикой: лидеры СДЛС убеждали, что за последние четыре года правления их старших товарищей Польша стала богаче на 20%. «Право и справедливость», ведущая консервативно-социальная правая партия, страшила избирателей, говоря, что Польша переживает демографический спад невиданного в Европе масштаба. С потолка бралось множество оценок — взять хотя бы расчет консервативно-либеральной «Гражданской платформы», сколько можно сэкономить, уменьшив налоговую администрацию. Был и вздор, недостойный опровержения, — например, шовинистический. (Другие примеры лжи, выявленные в ходе «Кампании под контролем», приводил в предыдущем номере «Новой Польши» Ежи Редлих). Надо сказать, что если кампания некоторых партий должна была создавать хотя бы видимость дельных предложений, то были и программы, опиравшиеся исключительно на лозунги (в частности, программа омоложенного СДЛС).

Даже если принять, что иногда ложные утверждения были следствием не злой воли, а некомпетентности, это все равно слабое утешение для тех, кто стремится к власти.

Операция вызвала широкий отклик среди читателей, зрителей и слушателей — каждая из редакций получала не только письма поддержки, но и новые высказывания, нуждавшиеся в проверке. Интересной темой сочли ее и влиятельные западные СМИ (в частности, газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» и радио АРД). Зато, что характерно, «Кампанию под контролем» пытались замолчать польские политики. Например, на более чем 30 высказываний, признанных в журнале «Политика» ложью или манипуляцией, в редакцию пришло только одно (!) разъяснение, которое вдобавок касалось не сути тезиса, а лишь того, официальная ли это позиция партии или только мнение кандидата, баллотировавшегося по ее списку. Более того, это разъяснение тоже оказалось манипуляцией: цитировавшееся высказывание было взято с официального сайта партии. В связи с этим знаменательно, что все участвовавшие в акции СМИ решили продолжать ее и после выборов.

Конечно, некоторым СМИ не удалось избежать старых ошибок — особенно погони за сенсациями, касавшимися кандидатов, но необязательно оказавшимися хоть какое-то влияние на их публичную деятельность. Часто при этом некритически распространялись утечки информации, отобранные избирательными штабами конкурентов. Примером здесь может послужить скандал вокруг распространения информации о том, что дед одного из главных кандидатов в президенты якобы служил в Вермахте. Только некоторые журналисты добавляли к этому, что поляков с территорий, включенных в состав Третьего Рейха после сентября 1939 г., насильно брали в немецкую армию. И уж совсем не было комментариев о том, что прошлое предков не может существенным образом влиять на политические решения их внуков.

Неудачей обернулось и большинство шумно разрекламированных теледебатов между кандидатами, причем как на государственном телевидении, так и на частных телеканалах. Здесь причина была прозаическая: совпадение по времени обеих предвыборных кампаний в конце концов неизбежно должно было породить чувство усталости и впечатленности, что все уже сказано. К тому же обе кампании в значительной мере базировались на дискуссии по существу — по крайней мере по сравнению со сложившимися польскими стандартами. Например, практически впервые за последние 15 лет предметом жаркого спора стали проекты налоговой реформы. Само собой, такие вещи гораздо труднее увлекательно и доступно представить в СМИ. И наконец — последнее: самые серьезные кандидаты как никогда прежде пользовались советами пиар-агентств и специалистов по политическому маркетингу, что, конечно же, стало для журналистов дополнительным вызовом. Однако по крайней мере здесь ведущие СМИ выиграли битву: избиратели регулярно получали анализ использованных приемов и предостережения о том, на что нельзя клонуть.

Agencja Czwartak

Анна Мицнер

ЗИНГЕРОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ В ВАРШАВЕ

Окрестности Гжибовской площади — Пружная и Твардая улицы — были когда-то еврейским кварталом, где жизнь была ключом. Большую часть старой застройки этого района война сравняла с землей. Но на небольшой Пружной улице старые доходные дома каким-то чудом уцелели. Они не отремонтированы по сей день. Дома эти практически не заселены, все больше и больше разрушаются, выставляя напоказ свои голые стены прямо рядом с самыми туристическими кварталами города.

Впервые это место привлекло к себе внимание, когда в прошлом году фонд «Шалом» провел здесь дни еврейской культуры, назвав их Зингеровским фестивалем — по примеру проходящего вот уже много лет Фестиваля еврейской культуры в Кракове, который ежегодно собирает толпы публики. В Варшаве для проведения фестиваля была выбрана улица Пружная как место, связанное с довоенным еврейским кварталом, а следовательно, с жизнью и творчеством Исаака Башевиса Зингера (1904-1991), выдающегося писателя, лауреата Нобелевской премии. И сегодня на той же Гжибовской площади находится Варшавский центр еврейской культуры — синагога, школа и еврейский театр, там же располагаются еврейская община и еврейские культурные организации. Фестиваль имел целью вновь вдохнуть жизнь в атмосферу обычно безжизненной улицы, а варшавяня тем самым — задуматься над ее дальнейшей судьбой.

Правда, никаких шагов по спасению уцелевших домов на протяжении этого года предпринято не было, но прошлогодний фестиваль пользовался таким успехом, что в этом году решено было его повторить. 15-18 сентября Пружная снова ожила. Над дверями появились вывески на польском языке и идише, информирующие о магазинах и мастерских, некогда находившихся в этих домах. Внутри расположились книжные магазины, пекарни, рестораны, мастерские, выставки, сувенирные лавки. Прямо на улице свои лотки развернули старьевщики, торговцы книгами, сладостями и сувенирами. Прохожих развлекали клоуны и шарманщик. По обоим концам недлинной улочки расположились две эстрады, на которых почти непрерывно шли концерты, представления, проводились танц-классы и актерские мастер-классы, а также различные конкурсы. Пружную улицу, всю Гжибовскую площадь и ее окрестности заполнили толпы.

Наряду с развлекательными мероприятиями, связанными с вновь ожившей улицей и адресованными широкой публике, в программе фестиваля было и несколько десятков мероприятий для тех, кто глубже интересуется еврейскими традициями. В старых домах были устроены художественные инсталляции. В одном небольшом помещении зрители, входя, наступали на рассыпанное по полу перо и задевали висящую в углу наполовину распоротую подушку, напоминание об эпохе погромов, — это были компоненты инсталляции Кристины Пиотровской «Комната на Пружной». Расположенная в соседнем доме инсталляция Кристианы Робб-Нарбутт «Сон Давида Рубиновича» представляла детскую комнату с постелькой посреди, с бумажным самолетиком под потолком и надписью на стене: «Кончилось время тревог, пришло время надежды», — это была иллюстрация к опубликованным запискам еврейского мальчика. Третья инсталляция, «Серсо», сопровождалась демонстрацией одноименного кинофильма Марек Пахольца и была вдохновлена изданным несколько лет назад альбомом довоенных фотографий, запечатлевших польских евреев «Я постоянно вижу их лица» (Леха Маевского и Анны Биконт). В фильме Марек Пахольца мы видим, что случилось в будущем с героями этих фотографий.

Наряду с инсталляциями можно было увидеть также несколько фотовыставок, среди которых интереснее всего были черно-белые фотографии хасидов, сделанные Вальдемаром Сосновским. Эти фотографии особенно хорошо смотрелись во дворике старого дома на фоне повседневного быта, например веревок с развешанным бельем. Среди самых лучших можно назвать также фотографии из собрания Томаша Томашевского «Последние современные польские евреи» (1981-1985), где они предстают в своей привычной среде — дома, за исполнением своих повседневных, характерных для евреев обязанностей, таких как молитва, изучение Торы, или во время еврейских праздников, таких как Суккот и Йом-Кипур. Фотографии, показанные в рамках фестиваля, можно было посмотреть в синагоге на Гжибовской.

На этой площади и на эстрадах, устроенных на Пружной, проходили многочисленные концерты, в частности «Ночь клезмеров» — концерт под открытым небом клезмерских коллективов «Di Naye Kapele» из Венгрии, «Ритуал» из Польши и «Den Flygande Bokrul-

len» из Швеции, а также концерт «Классические клезмеры» (Вадима Бродского и Вальдемара Малицкого). В эти же дни можно было послушать концерт канторов синагоги с Пятой авеню из Нью-Йорка и мужского хора канторов «Хасидская капелла» из Москвы под управлением Александра Цалюка, а также еврейские песни в исполнении «Karoten Тройке» и Берлинского трио. Одновременно проходило много театральных представлений и спектаклей кабаре, а также музыкальных зрелищ. Завершился фестиваль большим финальным концертом «Чудеса ребе», в котором выступили многие польские музыканты и актеры.

По примеру краковского фестиваля организаторы наряду с художественными подготовили также многочисленные образовательные мероприятия, киносеансы, лекции, мастер-классы для детей и взрослых. Во время этих мастер-классов можно было ближе познакомиться не только с еврейским искусством, но и с языком этого народа (проводились занятия по идишу и по древнееврейской каллиграфии), а также с еврейской кухней. Для детей было запланировано большое количество занятий, посвященных еврейской музыке и танцу, а также искусству (например, занятия по художественной аппликации из бумаги или по фотографии). В дни фестиваля состоялось несколько экскурсий с целью ближе познакомить людей с довоенной еврейской Варшавой, которая так мало сохранилась. В программу было включено также посещение варшавской синагоги семьи Ножик на Гжибовской, сопровождавшееся лекцией о деятельности еврейской религиозной общины в Варшаве. Экскурсоводы рассказывали также о Варшаве покровителя фестиваля И.Б.Зингера и показывали связанные с ним места. Желающие могли даже прокатиться на довоенной бричке.

Были, конечно, занятия и лекции, посвященные еврейской литературе и философии, а также самому иудаизму. Можно было послушать лекцию американского ученого Пинхаса Гиллера о каббале, побывать на встрече с раввином Михаэлем Шудрихом и Беллой Чарнотой («Почему мы ожидаем Мессии...») или же посетить выставку «Еврейские праздники», однако по сравнению с количеством разнообразных мероприятий и лекций, посвященных музыке, искусству или хотя бы кухне, несколько удивлял столь малый интерес к тому, что составляет суть еврейской культуры, то есть к религии. Быть может, организаторы пошли на поводу у публики, которую больше интересовали еврейская му-

зыка и кухня, чем религия. С еврейской литературой можно было познакомиться, в частности, на лекции «Азбука литературы на идиш», прочитанной Яковом Вейцнером из Израиля, а также на научной конференции «Тломацкое, 13», посвященной Еврейскому союзу литераторов и журналистов, существовавшему в Польше в межвоенное двадцатилетие.

Но литературой тут занимались не слишком много, ввиду того, что в последний день Зингеровского фестиваля открылись VIII Дни еврейской книги, продолжавшиеся четыре дня (18-21 сентября). На этом мероприятии, которое проводится уже несколько лет подряд и, следовательно, имеет за плечами более долгую традицию, больше внимания было посвящено именно еврейской литературе и мысли, но адресовано оно более узкой аудитории интересующихся иудаизмом. Здесь можно было послушать лекции на литератур-

ные темы, например, «Еврейские сюжеты в „Улиссе“ Джойса» Петра Пазинского или «Поэзия Хаима Нахмана Бялика» Мацея Томали, а также встретиться с такими авторами, как скажем, Эли Барбур — журналист и писатель, автор книги об Израиле «Зона Эйлата», или Алина Мосалик-Сова, которая в этом году выпустила прекрасную монографию «Иудаизм как судьба. О Богдане Войдовском» — авторе романа «Хлеб, брошенный умершим». Кроме того, в течение этих дней состоялось несколько встреч и дискуссий об отношении католической Церкви к евреям, о еврейской истории и современности, национальном самосознании и просвещении. Среди самых интересных была встреча с Яном Доктуром, автором работы «Зарождение польского хасидизма», а также дискуссия о понятии «еврейское искусство» и о том, существует ли оно в современной Польше. Оба эти мероприятия собрали неожиданно многочисленную аудиторию.

Хотя кое-кого может смущать излишне «простонародный» характер Зингеровского фестиваля, который по сравнению с краковским, возможно, слишком напоминал народное гулянье, в его оправдание можно сказать, что мероприятие подобного рода проводилось в Варшаве всего лишь второй раз. Наверняка многие неудобства, такие, как теснота, шум и неразбериха, стали следствием нехватки места, но следует сказать, что и в таких условиях организаторы фестиваля создали нечто весьма ценное, что наверняка найдет отголосок и получит огромное просветительское значение.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ НЕ С ТОБОЙ

4 ноября лично для меня — день праздничный. Он посвящен Казанской Божьей Матери. Но случилось так, что именно в этот день «сверху» всем нам был спущен еще один праздник (примерно так, как на голову ничего не подозревающих прохожих хулиган сбрасывает с верхнего этажа некий не совсем свежий продукт).

Известно, что новоиспеченный праздник вывел на улицы города шеренги молодых черносотенцев. Вооружившись мегафонами, они громогласно оповестили столицу о том, что именно они празднуют: «освобождение Москвы от поляков». А также они решительно выступают против любых «инородцев», осевших на территории России. В непосредственной близости от посольства Польши новоявленные патриоты поделились со слушателями и своими историческими изысканиями. «Катынь — заявили они — дело рук немецких фашистов. Приписывать ее русским — значит оскорблять нас»

В тот день в их шеренгах шли люди, годящиеся моему поколению в сыновья или внуки. Они, скорее всего, никогда не слышали таких имен как Ивашкевич, Анджеевский, Дыгат или Ружевич. Это не они, а мы носились в свое время по Москве, чтобы где-то на окраине города отыскать клуб, в котором шли фильмы Вайды или Занусси. Это не они, а мы с замиранием сердца вглядывались в лицо Збигнева Цыбульского, погибающего вместе со своим героем среди плещущих под ветром белоснежных простыней. Мы, а не они, восхищались дерзостью и свободой молодого Даниэля

Ольбрыхского, несущегося вслед за таким же свободным табуном лошадей.

Это мы то и дело забегали в единственный книжный магазин на улице Горького в надежде купить какую-то польскую книгу. А заодно и польско-русский словарь. Именно польский язык стал первым иностранным языком, который мы выучили без помощи учителей. Может быть, еще и поэтому ваша «Солидарность» была и нашим праздником и нашей надеждой.

Те, кто прошли 4 ноября по московским улицам, конечно же, польского языка не учили. Не уверена в том, что на русском они успели прочесть Пушкина или Платонова. И уж во всяком случае ясно, что ни один из них не раскрыл книгу, вышедшую в России несколько лет тому назад тиражом в три тысячи экземпляров. Она издана под редакцией академика Александра Яковлева и называется так: «КАТЫНЬ. ДОКУМЕНТЫ».

Любой, кто раскроет эту книгу на странице 390, может прочесть следующий текст:

«1940 г. марта 5, Москва. — выписки из протокола номер 13 пункт 144 заседания политбюро ЦК ВКП/б/ о расстреле польских офицеров...

Строго секретно».

«... рассмотреть в особом порядке с применением к ним высшей меры наказания — расстрела».

...Могу признаться в том, что видя в этот день беснующиеся в городе толпы «патриотов» я испытала жгучий стыд за них перед своими польскими друзьями. И не знаю, послужит ли для моих друзей утешением то, что я собираюсь к этому добавить. Я глубоко убеждена: черносотенный марш был направлен не только против разного рода так называемых

«инородцев». В первую очередь он конечно же был направлен против нас, против самой России и ее будущего...

Галина Корнилова
писатель,
главный редактор журнала
«Мир Паустовского»
13.11.05

Чрезвычайному и Полномочному Послу Республики Польша в Российской Федерации

Уважаемый господин Посол!

Омерзительная акция, проведенная в пятницу у польского посольства в Москве организацией, которая именует себя «Армией воли народа», вызвала у нас возмущение и стыд. (...)

Попытка отрицать военные преступления Сталина и Берли закономерно привела их и к надругательству над памятью погибших в Катыни, и к «конструктивному» использованию гитлеровской свастики. (...)

Мы хотели бы надеяться, что на этот спектакль последует резкая публичная отповедь со стороны официальных российских структур. Ведь очевидно, что их молчание по этому поводу будет понято и у нас, и за рубежом, как свидетельство фактической поддержки государством взглядов экстремистов. (...)

Мы также надеемся, что выходка кучки политических хулиганов не будет воспринята в Польше как выражение мнения российской общественности.

Катынь всегда была и останется для нас одним из самых вопиющих преступлений советского режима.

В то же время новая попытка неонацистов и неосталинистов оспорить достоверно установленные исторические факты еще раз подтверждает необходимость постоянных и совместных усилий по осмыслению трагических страниц прошлого. Только при этом условии история будет не разъединять, а объединять наши народы.

С уважением,
Правление Общества «Мемориал»

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я пишу после выборов (парламентских) и перед выборами (президентскими). Поэтому заглянул в вышедшую после выборов «**Политику**» (2005, №40), заинтересовавшись статьей Адама Кшеминского, которая посвящена откликам соседей Польши, в том числе и России, — что тем более интересно, так как российские отклики приходят после летних избений польских журналистов и дипломатов в Москве. Текст, озаглавленный «Как они нас видят?», начинается преамбулой, где говорится:

«Польские выборы вызывают в Европе интерес, но и опасения. Берлинская газета «**Тагесцайтунг**» бьет тревогу: «Польская катастрофа: антисемит, демагог и сторонник смертной казни выиграл выборы». Хотя другие газеты, и не только немецкие, более сдержанны, однако и в них полно стереотипов на тему Польши и поляков: они, мол, русофобы, германофобы, проамериканцы, высокомерны и все время чего-то требуют. Что же, СМИ охотно пользуются стереотипами. В целом они к нам не расположены».

Игра в стереотипы стара как мир, и, быть может, было бы хорошо, если б мы сумели (как это произошло в польско-немецких отношениях) составить брошюру о стереотипах, функционирующих в польско-русском и польско-русском дискурсе. С Германией мы пока кое-как ладим. С Россией дело обстоит хуже:

«Польско-немецкие отношения куда легче, чем польско-русские. Резкие слова Путина о Квасневском, неприглашение поляков на 750-летие Калининграда, избиение в Москве, явно по приказу, польских дипломатов и журналиста — все это символ официального представления о Польше. Неофициальное формируют, с одной стороны, остатки былой массовой культуры (...) а с другой — отчеты о польских скандалах. Прошли времена, когда российские экономисты интересовались шоковой терапией Бальцеровича. Полвека назад русская интеллигенция учила польский, чтобы из «**Пшекруя**» ухватить поток Запада. Еще в 90-е гг. Валерий Мастеров, корреспондент «**Московских новостей**», в течение месяца посмотрел в Варшаве 35 кинофильмов, которые не шли в Москве. Сегодня его сын говорит, что в Варшаве идут картины, которые в Москве перестали показывать за полгода до этого. Польша давно перестала быть для русских форточкой на Запад, она провинциальна и мало привлекательна. А кроме того, все время обижается. Строит ли Россия свою новую авторитарную позицию за счет Польши?»

Дмитрий Бабич, журналист российского «**Профиля**», утверждает, что такого сценария нет. С польской точки зрения — есть. Замена праздника «**Октябрьской революции**» на праздник «изгнания поляков из Кремля» в 1612 г., затушевывание катынского дела, попытки обвинить Польшу в имперских поползновениях на Украине — всё это, по мнению Бабича, отдельные случаи, а тексты, вызывающие в Польше возмущение, печатаются в маргинальных журналах типа «**Нашего современника**»: «Русские не понимают, чего хотят от них поляки: мы же признали вину за Катынь». В сегодняшней России историческое сознание остается слабым, а педагогика преодоления прошлого — неизвестной. Зачем столько говорить о Катыни, когда у нас тысячи своих Катыней... Россия находится на этапе строительства своей национальной идентичности, объясняет Бабич, как сильного государства, победившего во II Мировой войне. Запад же, в том числе и Польша, хотят показать, что Россия проиграла в «холодной войне». Более верно — и это могло бы нас соединить — было бы рассматривать 1991 г. не как поражение СССР в «холодной войне», а как освобождение России от коммунизма.

Корреспондент «**МН**» Валерий Мастеров говорит: «Существует, однако, не только польско-русский конфликт интересов, но и иная политическая культура. Так, слово «гонор» [по-польски «честь»] в Польше обладает положительным значением, в России — отрицательным. Человек с гонором — тот, кто всегда недоволен, протестует, мешает. Это различия характера. Среди русской либеральной интеллигенции можно найти немало полонофилов, но среди простых людей господствует убежденность, что поляки высокомерны, задирают нос, неискренни и недоброжелательны к нам, что неприязнь к России закодирована у них исторически.

В 1988 г. Анджей Росевич пел Горбачеву в краковском Замке: «Идет весна с востока», — а уже через год в польских СМИ писали, что с востока идет только самое худшее. Сегодня в каждой газете говорится, что Путин мстит за польский вклад в «оранжевую революцию», за поддержку эстонцев в их споре с Россией, за предостережения Квасневского малым странам ООН относительно того, что Россия хочет говорить только с крупными державами. Вопрос в том, что Польша сама хотела бы играть на первой линии, а это как раз и парализовало в свое время вышеградский треугольник».

Из этого взгляда соседей на нас вытекает, что самый крепкий орешек — отношения с Россией. Здесь ничто не складывается в целое, господствует резкая асимметрия, еще более резкое невежество и, по правде говоря, мало доброй воли».

Я не очень-то понимаю, что имеет в виду Мастеров, говоря о «различиях характеров», — я лично не верю в существование «национальных характеров». Не верю я и в существование того, что люди на Западе называют «тайной русской души». Души и характеры — это, на мой взгляд, явление индивидуальное, а не коллективное. А в сфере коллективного следует говорить об историческом опыте и об интересах — стараться распознавать их и понимать, разъяснять себе понятия, на первый взгляд очевидные — такие хотя бы, как понятие «революции», которое в пространстве русских исторических традиций имеет, вероятно, не то же значение, что во французских традициях. Отсюда появляется надежда на работы социологов и политологов.

На страницах «Европы» (2005, №40), еженедельного приложения к газете «Факт», политолог Владзимеж Мартиняк предпринял попытку описать и понять сегодняшнюю российскую действительность. В его статье, озаглавленной «Нестабильное государство в «мировом концерте»», в частности, говорится:

«Сразу после трагедии в Беслане президент России произнес необычайно важную речь, главный смысл которой спрятал под маской идеологических красивых фраз и бюрократического новояза. Однако люди власти услышали сигнал: нет и речи ни о какой стабилизации, а Россия находится в состоянии войны. Вначале было не слишком ясно, с кем ведется война. Решающую роль в понимании смысла новой нестабильности сыграли украинский кризис и реформа социального обеспечения. Тогда стало ясно, что главную опасность российские власти видят в обществе, а не в террористах, и даже не в тех, кто-де хочет оторвать от России самый жирный кусок или кто им помогает. Заявить, что Россия находится в состоянии войны, с точки зрения внутренней политики означало провозгласить конец путинской стабилизации, которую на Западе часто считают основой конструктивного участия России в международной политике. (...) В практическом смысле окончание стабилизации привело к разрыву всяких политических коммуникаций между властями и общественными группами. Это в равной степени коснулось пенсионеров, заслуженных ветеранов, отставных офицеров, вузовских преподавателей, учителей и студентов. Власти России в настоящее время отказываются от всякого осмысленного разговора о существенных для страны делах, что может порождать серьезные опасения на будущее».

Описывая методы «неформализованного насилия», применяемые в экономике, и поднимая вопрос «коррупции в правых органах», наконец, обращая внимание на «моральное разложение структур» государства, Мартиняк пишет:

«Таким образом, для заграничных партнеров России проблема состоит не в том, имеем ли мы там дело с «управляемой демократией» или авторитаризмом, а в том, что мы имеем дело с коррумпированным полицейским государством. В этом государстве реальная власть перешла в руки прокуроров по особо важным делам и начальникам главных управлений спецслужб. Они-то и принимают решения с самыми серьезными последствиями (например, дело ЮКОСа). И за избивание польских дипломатов полную ответственность несет президент России — ответственность за сведение внешней политики России на уровень уличного мордобоя».

Здесь автор переходит к описанию кризиса в польско-российских отношениях:

«Чаще всего ухудшение польско-российских отношений объясняют нашим участием в разрешении украинского кризиса и активной поддержкой, которую оказало польское общество «оранжевой революции». Этот вопрос очень часто связывают и с охлаждением в личных отношениях Александра Квасневского и Владимира Путина, прежде считавшихся более чем хорошими. (...)

Чтобы хорошо понять характер польско-российских отношений, нужно осознать, какое место занимают отношения с посткоммунистическими государствами в российской внешней политике в целом. Проблема в том, что отношения с посткоммунистическими государствами по-прежнему оказывают существенное влияние на ход принятия решений и на институциональные и неформальные тылы этой политики. Можно сказать, что этот фактор укореняет российскую внешнюю политику в советском прошлом, хотя в значительно меньшей степени, чем отношения с постсоветскими государствами. Это происходит независимо от общей переориентации посткоммунистических государств на политическое сближение с широко понимаемым Западом и независимо от значительного уменьшения их торгового оборота с Россией. Вытекает это из того, что политическое положение на территории бывшего советского блока рассматривается через ретроспективную парадигму «реинтеграции постсоветского лагеря» либо «противостояния экспансии Запада». Противовесом инерционному механизму принятия решений, вытекающему из ретроспективной концепции внешней политики, до сих пор служила другая, не менее инерционная подсистема координации внешней политики — сравнительно автономная «подсистема экспорта энергоносителей», называемая также либеральной империей. (...) Если мы отдадим себе отчет в инерционном характере подсистемы координации российской внешней политики по отношению к Польше и в явных нарушениях в функциони-

ровании польско-российской «ностальгической субкультуры» (состоящей в попытках найти партнеров среди «бывших товарищей по партии». — *Л.Ш.*), то понятным станет стремление России вызвать политический кризис в отношениях с Польшей, а исторические вопросы отлично для этого годятся. Поскольку прежние инструменты проведения политики подвели, Россия может сознательно стремиться спровоцировать кризис в момент смены правительства. В таких обстоятельствах поражение на выборах традиционно пророссийского СДЛС может быть России на руку, так как смена правительства удобна, чтобы спровоцировать серьезный кризис в польской внешней политике».

Не хотелось бы преувеличивать верность этих диагнозов, однако аналитическое рассуждение выглядит и логичным, и согласующимся с фактами. Открытым остается вопрос: какие цели российской политики должны были бы таким образом осуществиться? Ответа на этот вопрос я найти не умею, но в конце концов это не главная область интересов лирического поэта. Схоже, как мне кажется, думает и описывающая свою первую поездку в Москву молодая, но уже знаменитая писательница Дорота Масловская. Вот несколько моментальных снимков из ее обширной статьи «Путешествие на Москву», опубликованной в вышецитированном номере «Политики»:

«Мы едем по ночной Москве, что-то извращенное есть в громадной неоновой кириллице всех этих «Ошанов», «Макдональдсов» и «Билли», какая-то шизофрения в архитектуре, византийская роскошь, позолота, рельефы-ракушки, стилистика весьма кондитерская в сравнении с бесчеловечными постсоветскими высотками в колоритике грязи и дождя. Всего — больше, всё — намного больше. На каждой улице стоит дворец культуры (аналогия с варшавским Дворцом культуры и науки. — *Пер.*). (...)

Гостиница «Мир» — пятисотэтажная противотанковая высотка 70-х годов маскировочной расцветки. Страшно роскошная и дорогая, но, вспоминая вызывающие отчаяние апартаменты типа «падшее величие» с жемчужно поблескивающими, но довольно условно приклеенными к стенам обоями, думаю, что высокая цена ночлега коренится прежде всего во входе в гостиницу, в необходимости поддерживать в действии фонтаны, мрамор, искусственные водопады и канделябры, а также в высоких затратах на содержание немалых размеров шлагбаума. (...)

Двадцатиполосные мостовые, по которым радостно катит все, что имеет четыре колеса и не разваливается слишком очевидно, рядом с самоубийственными «Ладами» едут футуристические «джипы» как космические корабли, и еще — в самом начале нас учили, как пользоваться пешеходными переходами, то есть по мере возможности не пользоваться, а в случае необходимости просто удирать, и в этом была глубокая мудрость. Когда мы идем на предназначенный для туристов старый Арбат, глупую улицу для коллекционеров матрешек, то вдруг удивляемся, что не слышно грохота, — как уснувший на концерте просыпается от тишины».

Масловская, хоть и проснулась от тишины, людей не слышала. Она подчеркивает:

«Это вам не Запад, где люди живут, как будто не верят, что когда-нибудь заболеют и умрут. Это непереносимая тяжесть бытия, всё здесь болезненно, серость с глубоким кровотоющим привкусом».

Эту «непереносимую тяжесть бытия» — в живых разговорах с теми, кто испытывает ее в Москве, — описывает Яцек Хуго-Бадер в репортаже «Бомжиха», помещенном в еженедельном приложении к «Газете выборчей» «**Высоке общасы**» («Высокие каблуки», 2005, №40). Его провожатый по миру бездомных (автор выступает соответственно переодетым) — Эмма Лысенко, некогда член сборной СССР по лыжам. Вместе с ними мы входим в мир людей деградированных, загнанных на дно дна. Слушаем их истории, наблюдаем их повседневное существование. Читаю и знаю, что Россия Масловской и Россия Хуго-Бадера — одна и та же страна. И это та же страна, где действуют описанные Мартиняком механизмы общественно-политической жизни. Мы видим фрагменты. Целое из них никак не складывается — картина, можно сказать, находится в состоянии неустанного динамического разрушения.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• VI Гнезненский съезд прошел под девизом «Европа диалога». О европейском самосознании, вере и политике спорили деятели культуры, священнослужители разных вероисповеданий и дипломаты. А на гнезненской Рыночной площади раввины, имамы и христианские священники молились за Европу. Глава Папского совета по межрелигиозному диалогу архиепископ Майкл Фитцджеральд признал, что «часто мы смотрим на евреев и мусульман с опаской и это может привести к нежелательной изоляции». Директор Центра межрелигиозного понимания раввин Джек Бемпорад выразил сожаление, что «евреи постоянно чувствуют себя в Европе неуверенно, что к ним относятся как к непрошеным гостям», и призвал католическую Церковь разработать документ, который ясно определит статус евреев в европейском сообществе. «Европа нуждается в этом. У нас есть своя биография и традиции. Иудаизм должен оставаться важным голосом в оркестре человечества», — сказал раввин. В свою очередь великий муфтий Боснии и Герцеговины Мустафа Черич говорил о законодательно не урегулированном положении мусульманской общины в Европе, подчеркивая, что оно «так же ложно, как все, что направлено против мусульманского достоинства и европейского мира (...) Нельзя считать Европу исключительно христианским континентом (...) Не повторите ту ошибку, которую вы допустили по отношению к евреям, обвинив их в христубийстве. Не вините мусульман следующие десять веков в том, что произошло в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне». Эта межрелигиозная дискуссия стала главной характерной чертой Гнезненского съезда. И только православный епископ Илларион призвал к заключению православно-католического союза против атеизма, релятивизма и ислама.

• Спустя пять лет после смерти Ежи Гедройца в парижском пригороде Мезон-Лаффит прошли памятные мероприятия в честь этого замечательного человека. В Польше по этому случаю решили опубликовать переписку Гедройца с Чеславом Милошем после присуждения последнему Нобелевской премии по литературе. «Я в самом деле не гожусь на роль покровителя польского национализма, а дело пахнет именно этим, — писал Милош. — Тем, кто пишет мне письма и собирает авто-

графы, и в голову не приходит, что кто-нибудь может не быть «поляком-католиком». Скажи, что мне делать. Я терпеть не могу давать поводы к недоразумениям». «Присуждение Тебе Нобелевской премии несомненно было шоком, щекочущим национальную гордость и позволяющим преодолеть комплекс неполноценности, — отвечал Гедройц. — В принципе, когда люди распрямляют согнутые спины — это хорошо. Однако при этом просыпается такое опасное явление, как национальная мегаломания (...) Это и вызвало попытки воспользоваться твоим успехом и манипулировать тобой». Вскоре три тома переписки Гедройца с Милошем выйдут отдельным изданием.

• Организованный уже второй раз фестиваль «Варшава Зингера» — это нечто вроде маленькой копии летнего краковского Фестиваля еврейской культуры. Местом проведения избрана, вероятно, последняя сохранившаяся в столице настоящая еврейская улица Пружная. К сожалению, маленькая улочка с разваливающимися домами оживает только на несколько дней этого ностальгического мероприятия. Однако сохранить память об этом уникальном мире призваны сопутствующие фестивалю Дни еврейской книги. Презентации книг сопровождаются там дискуссиями, выставками и научными встречами, затрагивающими вопросы, связанные с историей и современностью еврейской культуры в Европе. В этом году одним из интереснейших событий Дней книги стала встреча с Марианом Мажинским, автором книги «Польско-еврейский сонник» и фильма «Аня». В настоящее время Мажинский живет в США. Когда-то он был постановщиком программ ТВП (например, новаторского «Турнира городов»). Кроме того, в рамках Дней состоялась дискуссия, посвященная истории полонизированных семей еврейского происхождения. Подробнее о Зингеровском фестивале и об И.Б.Зингере см. статью на стр. 70.

• Конечно же, самый интересный путеводитель по Варшаве был издан в Кракове (в свое время краковяне выиграли и конкурс на застройку центра Варшавы). «Наша столица, — пишет в рецензии на книгу «Варшава. В поисках центра» Кшиштоф Варга, — это город некрасивый, хаотичный, холодный, неприветливый. Но есть в нем необычайная энергия, динамика, неповторимая атмосфера. Это город без особенностей, не созна-

ющий, чем он хотел бы быть. Однако он знает, что ему надо нестись вперед, все время делать что-то новое. Такой образ складывается после прочтения этой книги (...) Образ очень правдивый и в то же время очень поверхностный». Тексты к вышедшему в краковском издательстве «Знак» путеводителю написали Анна Саньчук, Бартек Хацинский и Яцек Сколимовский. Автор фотографий — француз Николя Гропьер.

• **Жюри, возглавляемое литературоведом и литературным критиком Генриком Березой, присудило главную польскую литературную премию «Нике» Анджею Стасюку за книгу «По дороге в Бабадаг» (см. фрагмент книги, заметку об авторе и интервью с ним на стр. 39-52). Обосновывая решение жюри, Генрик Береза сказал: «Тотальная «путешественность» романа Анджея Стасюка вовсе не удивляет — книга укладывается в классические образцы литературы о путешествиях, в то же время радикально модернизируя ее и становясь в заключительной части чем-то другим, что следовало бы назвать метафорическим романом пути (...) Можно подумать, что у автора романа есть некий доступ к метафорическому пространству вокруг него и в нем самом, к какому-то общему, человеческому, животному и всеприродному пространству пребывания в бытии — таком, каково оно в своей изменчивой неизменности». Другие рецензенты пишут о романе «По дороге в Бабадаг» несколько проще. Кшиштоф Ильг: «Это францисканская, буддистская или хипповская книга. К простым людям, которых описывает автор, он относится по-дружески — впрочем, со взаимностью». Роман Куркевич: «Это поразительная книга. Стасюк отваживается писать так, как никто не пишет, ездить туда, куда никто не ездит, и способен увидеть столько всего там, где другие ничего не замечают». Добавим, что книга «По дороге в Бабадаг» — это описание путешествия в Словакию, Румынию и другие «задворки Европы». Сам же автор, говоря о своей книге, признается: «Отправляясь в путешествие, я часто брал с собой книги Рышарда Капустинского (...) Так что в какой-то мере эта премия — его премия». Кстати сказать, читатели «Газеты выборчей» присудили свою премию именно «Путешествиям с Геродотом» Рышарда Капустинского. Остальными кандидатами на премию «Нике» были книги: «Мы из Едвабне» Анны Биконт, «Чрезвычайно длинная линия» Ханны Краль, «Голди» Эвы Курылюк, «Выход» Тадеуша Ружевица и сборник стихов Дариуша Суски «Вся в песке».**

• В октябре была вручена и другая престижная литературная премия — имени Костельских. Жюри присудило ее Яцеку Денелю за сборник стихов «Параллельные жития». Обосновывая решение жюри, его

председатель Яцек Возняковский сказал: «Поэзия [Денеля] отличается высокой культурой, превосходным мастерством, а также поразительной у столь молодого человека жизненной мудростью. Полная намеков на произведения искусства (...) она смело формирует мир, а сверх того, благодаря свободе фантазии, создает параллельные жития, миры, которые пересекаются друг с другом и взаимодополняются».

• **«Уик-эндом с книгой» завершилась всепольская кампания по поддержке чтения, которая год назад получила название «Читомания». Конкурсы и встречи с писателями должны были увенчать эту акцию, но ее организаторы надеются, что навык чтения станет ежедневной потребностью молодых людей не только во время очередных кампаний.**

• XXX Фестиваль польских художественных фильмов породил давно не виданную волну оптимизма в отношении польского кино. «Польское кино как будто берет разгон и вновь открывает свое призвание, — пишет Тадеуш Соболевский. — Быть может, столь живой отклик на это кино вызвал рост ожиданий, проистекающий из коллективного опыта года, когда мы пережили смерть Иоанна Павла II и горькую годовщину «Солидарности». Прибавим к этому все более повсеместное осознание отупляющей роли СМИ. Все это порождает жажду правды в кино — такой правды, которой не даст никакой другой фильм, кроме польского». «Необходимо отметить множество положительных явлений, — дополняет этот диагноз Барбара Холлендер. — Взять хотя бы то, что (...) канул в небытие искусственно раздутый конфликт между «стариками» и «молодежью». В этом году и те и другие показали интересные работы, а часть фильмов молодых режиссеров родилась в школе Анджея Вайды (...) «Приличный» уровень конкурса этого года — действительно некое обещание на будущее». «Золотых львов» — главную премию гдыньского фестиваля — получил Феликс Фальк за фильм «Судебный исполнитель». Фильм был буквально осыпан наградами (в частности, премию за сценарий получил Гжегож Лошевский, за главную мужскую роль — Анджей Хыра, за операторскую работу — Бартек Прокопович). Сам режиссер представил свое детище так: «В какой-то мере «Судебный исполнитель» — это современный отголосок моего фильма «Затейник», снятого в 70-е годы. Как и там, мой герой ярок, динамичен и беспощаден в своем стремлении к цели. Однако его отличает то, что он действует открыто, не скрывая своих намерений и методов. Главное же отличие заключается в том, что он преобразуется (...) Герой находит в себе силы, чтобы взбунтоваться и выступить против зла. Благодаря этому фильм обретает новое измерение, показывает зрителю, что существует «свет в конце тоннеля», что есть ценности, к которым всегда можно вернуться». Специальную премию жюри

получили три дебютантские новеллы выпускников Лодзинской киношколы под общим названием «Ода к радости», рассказывающие о молодых поляках, которые по разным причинам не могут найти себе места в Польше, а Премию жюри — Кшиштоф Занусси за фильм «Персона нон грата» (снявшийся в этом фильме Никита Михалков удостоился премии за лучшую мужскую роль второго плана).

• Члены жюри прохладно отнеслись к «Мастеру» Петра Тшаскальского (чей дебютантский фильм «Эди» стал одним из главных открытий последних лет). «На фестивале мнения критиков и зрителей относительно «Мастера» разделились, — пишет Барбара Холлендер. — Одни сочли его китчем, другие признали интересной работой (...) Мне кажется, Петр Тшаскальский — очень интересная фигура нашего кино (...) Он верен себе (...) он выступает за жизнь и любовь. Мастер [цирковой виртуоз], уверенный в величии своего искусства, проигрывает поединок с действительностью, так как не умеет по достоинству оценить истинное чувство. Однако он осознает свою ущербность (...) Немногие художники умеют так рассказать о своих мечтах». Добавим, что главную роль в этом фильме сыграл Константин Лавриненко, запомнившийся польским зрителям по фильму Андрея Звягинцева «Возвращение».

• Фильм Роберта Глинского «Крик жерлянки» тоже прошел на фестивале в Гдыне незамеченным. Между тем, как пишет критик, эта экранизация книги Гюнтера Грасса (присутствовавшего на премьере) «нарушает дипломатический протокол. Глинский, следуя оригиналу Грасса, переносит нас в 1989 год. Просто поразительно, насколько это далекое и забытое время. «Крик жерлянки» — фантазмагория на его тему, черная комедия, построенная на его атмосфере и надеждах (...) Жерлянка все время квакает, но назойливость ее дурных предзнаменований становится потешной. В этом фильме смех сводит на нет застарелые проблемы: наследие коммунизма и «Солидарности», польско-немецкое примирение (...) Смех в сочетании со смертью — это две стихии, против которых ничто не устоит».

• «По сравнению с прошлым годом событий было очень много, а несколько концертов могут войти в историю фестиваля, — пишет Яцек Хаврылюк, подводя итоги Международного фестиваля современной музыки «Варшавская осень». — Хотя, с другой стороны, сюрпризов не было: как и ожидалось, это была осень Хосокавы, Булеза и Геббельса (...) Мода и вкусы меняются, а фестиваль продолжает оставаться главной отечественной трибуной новой музыки (...) То, что «Осень» переживает «демографическую метаморфозу», известно давно. Ее основной

публикой стала молодежь: знатоки современности, авангарда и экспериментов, поклонники импровизированной музыки и джаза, любители всяческих не поддающихся классификации звуковых «окраин», о существовании которых забывают другие фестивали и радиостанции». В этом году «Варшавская осень» сопровождалась международной конференцией «Turning Sounds», посвященной неакадемической электронике.

• Мартин Светлицкий (1961 г. рожд.) — известный поэт (автор сборников «Холодные края», «Схизма», «Песни профана»), одна из интереснейших фигур своего поколения. Однако настоящую популярность принесла ему группа «Светлики» («Светлячки»), в которой он характерным образом поет речитативом свои стихи. Недавно вышел новый альбом группы под названием «Las putas melancolicas» (что в переводе означает «меланхолические бляди», но по-испански это звучит гораздо более поэтично), причем в качестве второго солиста выступил замечательный актер Богуслав Линда. В песнях альбома «много мрачности, тревоги, пессимистических текстов, раздражающих звуков, — пишет Роберт Санковский. — «Светлики» записали самый продуманный, самый последовательный, а заодно и самый мелодичный свой альбом (...) Группа сделала ставку на немного печальную, таинственную атмосферу, красивые звуки и хороший вкус. А также на сотрудничество с Богуславом Линдой». Сам Светлицкий на вопрос, не надоело ли ему петь и писать о смерти и бренности, ответил: «В литературе, а следовательно, и в текстах песен, такие понятия, как бренность, существовали всегда. Это одна из главных тем. Есть еще столько ненаписанных песен о смерти, что не стоит умирать».

• «Я испытывал необходимость сделать что-то спокойное, чувствовал, что должен немного замедлить темп жизни и работы», — признался джазовый пианист Лешек Можджер после выхода его нового альбома «The Time». А незадолго до этого, когда успех предыдущего альбома «Piano» стал фактом и превратил его из музыканта, известного относительно узкому кругу поклонников, в осаждаемую со всех сторон звезду, Можджер с удивительной искренностью сказал: «Оказало ли это влияние на мою музыку? Скорее уж на понимание реалий шоу-бизнеса. Легче штурмовать вершину, чем на ней усидеть, и мысль об этом часто меня парализует (...) О своих поклонниках (нынешних, будущих, а возможно, и бывших), критиках и требованиях рынка я не думаю только когда играю».

• «Эгоцентричные, аморальные, устаревшие» — так называется выставка в галерее искусств «Захента», которую Агнешка Ковальская назвала попыткой ответить на вопрос, как художник использует себя сегодня

в своем искусстве. В рецензии, озаглавленной «Что случилось с лицом художника?», Дорота Ярецкая пишет: «Уже начиная с 70-х годов слово «портрет» стало плохим определением художественного явления — старомодным, неактуальным, неудачным. Лицо обесценилось (...) Думаю, что свой вклад в этот процесс могли внести как размножаемые тоталитарной пропагандой портреты вождей, так и поп-арт во главе с Урхолом, который из своего графического станка сделал что-то вроде «фабрики лиц» (...) На выставке полно замечательных работ и модных имен, портретов и автопортретов, записей и документов, где художник выступает в роли актера перформанса (Тереса Мурак, Павел Альтамер, Яцек Маркевич) или издевается над старыми величественными портретами властителей и живописцев (Зофья Кулик, Оскар Давицкий) (...) Представлены почти исключительно «новые медиа». Это легко объяснимо: живопись выпала из дискурса и не вписывается в контекст (...) Искусство эпохи «технического воспроизведения» ухватилось за образы человеческого тела и оперирует языком реализма и натурализма».

• В катовицком «Бюро художественных выставок» открылась выставка «Итоги», посвященная творчеству недавно умершего художника Ежи Дуды-Грача. Выставку запланировал еще сам автор, а подготовила его дочь. В экспозицию вошли прежде всего работы из мастерской живописца — те, с которыми ему было труднее всего расстаться. Выставка делится на несколько циклов. «Самые интересные из них — это «Набросок брэнности» и «Болен Польшей», — пишет Данута Любина-Цюпинская. — Смерть была для Ежи Дуды-Грача одной из основных тем, над которыми он работал в последние годы. Освоением с мыслью о смерти стало главное дело его жизни — [серия картин] «Ясногорская Голгофа», которую он подарил монастырю паулинов. «Болен Польшей» показывает его восхищение провинцией (...) Из полемиста и публициста, смотрящего на мир сквозь призму сатиры, он стал апологетом провинции, наследником Витольда Гомбровича (...) Он возвел захолустье в ранг космоса».

• Несколько варшавских культурных центров решили отметить редкий юбилей — 500-летие со дня рождения Миколая Рея, именуемого отцом польской литературы. Инициативу столицы поддержали другие, так что в этом году по всей Польше будут звучать произведения ма-

стера Миколая. Некоторые задумываются, «как могло случиться, что человек без высшего образования, с неукротимой любовью к крепким напиткам, достиг столь высокого положения в свете? Более того, он попал не на первые страницы желтой прессы, а в школьные учебники и энциклопедии». Остается добавить, что в последнее время тексты Рея начали использовать в своих песнях польские рэперы.

• Хотя организованный столичным магистратом по случаю открытия сезона большой парад варшавских театров вызвал множество возражений ввиду его стоимости, не было недостатка и в сторонниках. О замысле организаторов говорил Януш Петкевич, начальник городского управления театра и музыки: «Это новая форма поддержки высокого искусства. На мероприятия под открытым небом приходят зрители, которым иногда тяжело выбраться в театр. Мы надеемся, что парад позволит нам привлечь новую публику». Публика же (по крайней мере самая активная ее часть), взволнованная информацией о предстоящей открытой дискуссии с директорами театров, начала объединяться под лозунгом: «Уже скоро мы сможем излить все наши горькие жалобы уважаемой столичной дирекции (...) Приходите, терзайте, припирайте к стенке, воротите нос». Любопытно, как это отразится на театральной практике следующего сезона.

• Когда я пишу эти строки, польская предвыборная кампания еще продолжается — все ждут второго тура президентских выборов. «После долгих лет фривольной легкости и безответственности польская политика стала напыщенной, надутой, исполненной агрессии, — пишет Шимон Бжезинский, рекламируя сатирический компакт-диск «Свекольная кампания». — Трое вроцлавских авторов проявили инициативу и в одиннадцать песнях с юношеским шармом прокололи одиннадцать самых больших мыльных пузырей польской политики — начиная с Леха Валенсы и кончая Анджеем Леппером (...) Ушам и душам, постоянно обрабатываемым политическим ядом, «Свекольная кампания» приносит мгновенное облегчение». Эта антикампания имела огромный успех на интернет-форумах, а ее фрагменты звучали в эфире третьей программы Польского радио и радиостанции ТОК ФМ. Однако главные польские радиостанции не заинтересовались ею. Вероятно они знали, что делают.

«СОЛИДАРНОСТЬ» И ПЕРЕСТРОЙКА глазами Александра Яковлева, идеолога перестройки

— Скажите, пожалуйста, учитывался ли опыт «Солидарности», когда вы вместе с М.С.Горбачевым во время его поездки в Канаду в 1983 г. думали о перестройке в СССР?

— Отношение советских политических верхов к событиям в Польше было двойственное. По очевидным причинам военные (но тоже не все) выступали за принятие жестких мер. Их мышление было таково: «Польша — это центр Европы, и если Москва потеряет контроль над Польшей, то отдаст эту территорию НАТО». Вслед за такими аргументами появлялись всё более idiotские рассуждения. Польша находилась тогда под угрозой, хотя я не думаю, что можно было считать — как это делают некоторые, — что она стояла перед трагедией. Генсостав советской армии действительно был возбужден, но номенклатура на центральном уровне сохранила спокойствие.

Я сам был тогда послом СССР в Канаде, куда меня отправили после публикации в «Литературной газете» моей статьи «Против антиистории», которая вызвала в Москве немалое беспокойство. Когда возникла «Солидарность», в Оттаву приехал Борис Пономарев, секретарь ЦК КПСС и начальник международного отдела ЦК, который широко информировал меня о настроениях в политбюро. Пономарев, категорический противник всякого вмешательства в польские дела, в том числе военного, утверждал, что на заседании политбюро, посвященном событиям в Польше, решающее значение имело выступление Михаила Суслова, который напомнил товарищам, что «Польша — это не Чехословакия», и сразу все вопросы были сняты. В брежневские времена Суслов был фактическим руководителем страны и партии. Брежнев добровольно передал ему бразды правления, не имея желаний этим заниматься. Брежнев был особенным человеком — не любил перерабаты-

вать. Самым главным для него было, чтоб его оставили в покое. Короткий ответ Суслова закончил дискуссию. Точка зрения Суслова в таких случаях была решающей. Я считаю, что и генерал Ярузельский, с которым я до сих пор поддерживаю хорошие отношения, сыграл большую роль в спасении Польши и России от неприятностей, связанных с возможным вмешательством.

Но все-таки среди интеллигенции подавляющее большинство относилось с симпатией к так называемому польскому эксперименту, который выразился в августовских соглашениях, заключенных в Гданьске [а также Щецине и Ястшембье] после забастовки. Однако в кругах, близких властям, эти симпатии были приправлены некой осторожностью. Что касается правительства, государственных деятелей и партийного аппарата, то здесь трудно говорить о симпатиях. Надо помнить, что даже Горбачев, который, конечно, не пошел бы на силовые решения, занял позицию осторожного выжидания. Это была оптимальная позиция.

— Судя по документам, опубликованным Василием Митрохиным и Кристофером Эндрю в книге «Архив Митрохина», позиция Горбачева рисуется по-другому. Во время заседания политбюро 29 октября 1980 г. он решительно поддержал предложение Брежнева, что военное положение будет для Польши наилучшим выходом.

— Я могу говорить только о периоде, когда Горбачев был генеральным секретарем КПСС, т.е. когда началась перестройка, а я вернулся в Москву. Насколько я помню, в 1985-1989 гг. Горбачев был в постоянной связи с Ярузельским. У них были хорошие личные отношения. В это время генерал Ярузельский настаивал на выяснении подробностей катынского дела. Я от по-

литбюро руководил в то время работами комиссии по этим вопросам. Это было непростое задание. Я многократно обращался в канцелярию и архив Горбачева, чтобы получить необходимые документы. «Ведь невозможно, чтобы не было никаких бумаг», — говорил я. «Нет», — отвечали мне. А потом, когда Горбачев передавал власть Ельцину, к моему удивлению оказалось, что документы все-таки существуют. Горбачев и Ельцин пригласили меня как свидетеля, чтобы ассистировать при церемонии передачи власти. Дело было в том — так мне кажется, — чтобы потом ни один из них ничего не переврал и чтобы не было взаимных обвинений. После примерно часового разговора наедине они позвонили ко мне с приглашением. Я провел с ними около 8 часов. И вот, когда Горбачев стал передавать документы из тайного архива с надписью «только для первого лица» (была такая практика), выплыли документы, касающиеся Катюши, все эти письма Сталина, Шелепина, Серова. Я посмотрел Горбачеву в глаза. Он сразу понял, что я имею в виду. Ведь я сотни раз спрашивал про эти документы... Он посмотрел на меня, а выражение его лица отчетливо говорило, что он считает меня новичком, который не имеет никакого понятия о большой политике.

— *События августа 1980-го от провозглашения перестройки отделяет всего несколько лет. Почему вы тогда решились ввести реформы и объявили категорический отказ от ранее практиковавшейся модели власти? Что такое случилось?*

— Конечно то, что происходило в Польше, имело влияние на происходящее в СССР. Это не значит, что в 1985 г. мы чего-то испугались или случилось нечто небывалое, что подтолкнуло нас к реформам. Произошли изменения в менталитете. Мы поняли, что тенденция идет в другую сторону. Не в сторону Хонеккера, Живкова, Чаушеску, а совсем в другую. Мы также осознали, что, удерживая советскую (т.е. сталинскую) модель государства, мы просто плывем против течения. Что мы в тупике. Я помню разговор с Горбачевым на эту тему у него на даче.

Это был медленный процесс. Не только слабое состояние экономики и повсеместная нищета, в которой жило большинство советского общества, или отсталость в научно-технической области привели систему к абсурду, но прежде всего пропаганда, которая одуряла людей и углубляла раздвоение личности. С утра до вечера мы слышали, что все советское — самое лучшее и самого высокого качества. Страна Советов, говорили нам, достигает успехов во всех отраслях. А вокруг нас — скверная, серая действительность. У меня до сих пор стоит перед глазами лозунг на воротах, за которыми была помойка, — «Вперед к коммунизму!»... Надо

было действительно знать систему и все ее слабости, чтобы убеждать людей, что нищета — это благосостояние. Необходимо было точно знать, где мы терпим поражение, чтобы утверждать, что там-то как раз мы победили. И нужно было внимательно присмотреться к окружающим руинам, чтобы без стыда утверждать, что это главные достижения архитектуры. Система, действующая при помощи такой пропаганды, была присуща политической культуре родом из Византии. Она состояла в приспособлении к существующим условиям до такой степени, чтобы без ущерба продержаться в рядах номенклатуры до глубокой старости. О реализации какой-либо политики в условиях общего отупления и чистки мозгов не было даже речи.

Все устали от этого, но решающим фактором было состояние экономики. Когда мы пришли к власти в 1985-м, мы начали внимательно анализировать нашу ситуацию и размышлять, что следует написать в графе «дебет», а что в графе «кредит». Экономическое положение страны было катастрофическое. Всё покупали за границей: хлеб, металл, даже скрепки для бумаги импортировали. Честно говоря, сейчас ситуация похожая. Оказывается, что сегодняшняя Россия не в состоянии произвести обычной тяпки. У меня на даче шведская тяпка.

— *Советское руководство было частью руководства соцлагеря. Как к событиям в Польше, а потом к изменениям в СССР относились руководители других коммунистических партий?*

— С недоверием. Я присутствовал на некоторых заседаниях КПК — органа, состоявшего из руководителей государств соцлагеря. Там был четкий раздел: за перестройку были Ярузельский, Кадар и, конечно, не. Категорически против — Чаушеску, Живков и Хонеккер. Чехи были где-то посередине, уходили от ясной поддержки какого-либо варианта. Я помню разговор с Горбачевым, когда мы пытались понять, почему в странах социалистического содружества дела так плохи. И он послал меня в неофициальное турне по столицам соцстран. Во время этой поездки я дважды (причем по три часа) беседовал с Живковым, Ярузельским, Хонеккером. Только с Чаушеску я не разговаривал: они с супругой как раз уехали в Москву. Я думаю, что это было в 1988 году. Хонеккер заявил, что они в 1956 г. провели свою перестройку и не считают, что необходимо вновь начинать этот процесс. Живков согласился, что строительство социализма в отсталых странах противоречит марксизму, но считал, что надо все-таки довести дело до конца. Я спросил его, как он это видит. Он ответил: «Вы должны нам оказать экономическую помощь. Например, мы бы хотели, чтобы СССР построил в Болгарии несколько заводов электронного оборудования». — «Можете строить, только на нас не

рассчитывайте», — ответил я. Я не мог считать, что мой вояж был успешен. Везде я наткнулся на стену непонимания и страха. Скорее всего, наши социалистические товарищи не были уверены, что в Москве не появится какая-то новая сила, которая нас снесет, а потом во имя верности идеалам коммунизма начнет вешать слишком прогрессивно настроенных деятелей.

— **Вы — автор многих книг, в которых с особым вниманием анализируется процесс перемен в России, в значительной степени обусловленный ее трудной историей. Видите ли вы в «Солидарности» и советской перестройке элементы модернизации — попытки применить универсальные правила к специфике народов с разными традициями, да к тому же с неудавшимся опытом коммунизма?**

— Несмотря на то что эти процессы имели разные источники: перестройка шла сверху, по решению политбюро, а «Солидарность» была следствием активизации общества, — по существу это очень похожие явления. Цели похожие — демократизация общества, избавление общества от дурацких ограничений, введенных во имя служения глупым догмам. Более того, подчиняясь этим догмам, мы осознавали, что поступаем неправильно, что принятые решения были просто глупы, но несмотря на это мы их все-таки принимали. На заседания политбюро попадало много проектов, которые вызвали смех. Да, мы хохотали, но несмотря на это проекты принимались... Так мы были привержены идеям Маркса и Ленина. Маркса, кстати, меньше, чем Ленина... Горбачев до сих пор считает, что мы в России недооцениваем Владимира Ульянова, в особенности его экономические теории. Для меня понятно, что Горбачев заблуждается. Мы не раз спорили на эту тему. И я неоднократно ему говорил, что в трудах Ленина, о котором достаточно знать, что он по характеру разрушитель, по идеологии фашист, то есть исповедующий идеологию насилия, ничего полезного он не найдет. Горбачев считает, что я преувеличиваю. Может, и преувеличиваю, но это не меняет моей отрицательной оценки этой личности.

Перестройку надо было провести в СССР намного раньше — в конце 50-х — начале 60-х, сразу после XX съезда КПСС, который сыграл роль катализатора. Беспокойство о судьбе страны, угнетающее впечатление, что динамика развития заторможена, — все это создавало почву для демократических реформ. Но тогда не хватило политической воли. Недостаточным было и понимание проблем, стоящих перед нами, а что главное — не хватило веры в чувство ответственности и здравый смысл людей. Хрущев и его соратники испугались демократизации. Начались показательные, частичные реформы и перетасовки. Это могло привести толь-

ко к одному результату — застою. Застой был пагубным не только из-за различных извращений в общественной и экономической жизни, но прежде всего потому, что он привел к полному параличу в интеллектуальной и духовной сфере. Такую оценку ситуации принесла лишь перестройка. До этого времени мы притворялись, что все в порядке. Реальный шанс обновления, открывающий возможность честного расчета с прошлым, был потерян.

— **Не парадоксально ли, что системные изменения начали польские рабочие? Мне интересно, попали ли к советским рабочим требования, содержащиеся в программе «Солидарности»? Ведь они были среди адресатов «Обращения к трудящимся Восточной Европы», принятом на съезде «Солидарности» в сентябре 1981 года.**

— Вы недооцениваете наши спецслужбы. Было сделано все, чтобы отрезать рабочих и крестьян в СССР от информации. Пробивалось только далекое эхо. Во-вторых, насколько в Польше все еще существовал рабочий класс, настолько в России он подвергся полному подавлению, потерял силу и способность действовать. В этих условиях организация рабочей забастовки была просто невозможна. Хотя партия по определению должна была представлять интересы рабочих, отношения между ними определял страх номенклатуры. Было отлично известно, что не следует давать рабочим свободу. Наоборот, необходимо раздробить этот слой и обеспечить рабочим доступ к алкоголю, чтобы было легче ими манипулировать. Не забывали также поддерживать в рабочих чувство вины, время от времени хвалить их, приводя в движение ритуальный поток ничего не значащих слов о ведущей роли советского рабочего класса. В этом наши страны принципиально отличались, и следует помнить об этой качественной разнице, когда мы сравниваем СССР Брежнева с ПНР Герека. Динамика рабочего класса в России и сегодня очень ограничена. На протяжении последних 20 лет протесты рабочих можно посчитать на пальцах одной руки: забастовка диспетчеров в начале 90-х, протесты шахтеров в связи с закрытием шахт, забастовка в Воркуте, где люди взбунтовались, потому что шесть месяцев не получали зарплат; наконец протесты спровоцированные «монетизацией», т.е. заменой социальных льгот на денежный эквивалент. Прошу обратить внимание, что все эти протесты имели местный характер и не стали всенародными.

— **Что случилось с перестройкой сегодня? Думаете ли вы, что президент Владимир Путин — продолжатель дела, начатого в 1985 году?**

— Только американцам удалось полностью сохранить и уважать конституцию. Причем уже 200 лет. Если взглянуть на польскую «Солидарность», иногда трудно не заметить, что многие надежды, связанные с

августом 80-го, так никогда и не сбылись. Так же и у нас, в России. 20 лет всего прошло, как начались гласность и перестройка. Была фашистская страна, страна насилия, страна коммунистического империализма. Мы хотим, чтобы она и психологически, и экономически, и нравственно перескочила в пространство, где нет империалистических монстров и призраков прошлого. Необходимо, однако, понять, что случилось в России после прихода к власти Путина. Во время перестроек и реформ самая большая опасность — охлократия, власть толпы. Нынешняя команда из всех сил старается удовлетворить толпу. Использует различные игры, чтобы получить временную снисходительность масс. Это не только близоуко, но и опасно. Обеспечение потребностей толпы приносит похвалы, но лишь кратковременные. Вместо того чтобы целенаправленно работать над адаптацией людей к новым условиям, правилам свободного рынка и научить в этих условиях работать, команда Путина заискивает перед массами. Мне это трудно понять.

Думаю, что Россия потеряла шанс на быструю демократизацию. Эта перспектива отдалается. Достаточно вспомнить, что какое-то время тому назад в России был введен особенный обычай избрания Совета Федерации — не путем выборов, а путем назначения президентом. Это несомненно шаг назад. Если добавить, что зависимые от властей телеканалы подыгрывают властям, хваля каждый шаг президента, — то о какой свободе слова можно говорить? Предприниматели тоже подвержены суровому контролю. Ходорковский отправлен в лагерь, остальные боятся и молчат.

Конечно, наш бизнес проявил социальную безответственность, как безответственными оказались «белые» в 1917 году. Они пренебрегли весомостью социальных проблем, страшной нищетой рабоче-крестьянских масс. Неужели в 1991 г. нашим бизнесменам действительно необходимо было выпячивать богатство — строить дворцы и хвастаться миллиардами, ка-

кие попали им в руки? А в России существует традиционная многовековая левизна. Царит особая восприимчивость к обидам и социальному неравенству. Все наши бунты основывались на левизне. Все конфликты властей с обществом всегда вели к реализации крайне левых программ. А если с правой стороны рождалось нечто положительное, когда с большим усилием русские консервативные либералы и демократы предлагали программу реформ, левое большинство сразу с ними расправлялось. Александра II убили, Столыпина — тоже. Список длинный... Единственное, что осталось важным и дает маленький, но все же повод для радости, — это факт, что как гражданин России я могу говорить, что думаю. Везде и всегда. Во время конференций, в интервью, в частных беседах... Может, я слишком оптимистичен, но для меня это самое главное. Могу пользоваться свободой, которая отнюдь не была нормой в коммунистической России. И я не один. В России есть много людей, которые пользуются этой свободой. Несмотря на то что есть попытки околорезидентских прохиндеев заткнуть людям рот, но пока безрезультатные. Никто по этому поводу не беспокоится и не боится обвинений, например, в том, что мы, правозащитники, создаем в России «пятую колонну». Хотя на первый взгляд такое обвинение выглядит действительно страшным. Но нельзя забывать, что Путин обладает такой чертой характера, что хотел бы угодить всем — среднему бизнесу, олигархам,omenclature, бюрократам и даже... правозащитникам.

Беседу вел Мариуш Щельский

EUROPA

Это последнее интервью, которое дал польской газете недавно умерший выдающийся российский политик и ученый А.Н.Яковлев.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- Я.Стренковский** о культуре в подполье
М.Ягелло о горноспасателях
Глава из нового романа **М.Комара**
Тадеуш Зелинский «Автобиография» - фрагменты
Д.Шевионков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с А.Легоцким, Е.Яроцким, В.Зинем

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ

Национальная Библиотека

представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике.
Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52; тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczość@bn.org.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80; +48 (22) 608-28-81; тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60; тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

dwutygodnik Ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70; +48 (22) 608-28-71; тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.muzyka.onet.pl/klasyka

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91; тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке.
Богатая подборка публицистики польских и российских авторов.
Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65; +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.nowpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли.
Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37; тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.art.pl
www.odra.art.pl

a akcent literatura i sztuka • kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

**Biblioteka Narodowa,
Dział Wydawniczy
Czasopism Patronackich**

02-086 Warszawa, al.Niepodległości 213,
tel.(0-22) 608 23 74, tel./fax (0-22) 608 24 88

ISSN 1508-5589

Cena 6 zł w tym 0% VAT